

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№03 (95) 2023

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №03 (95). 188 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканиук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Чулкова В.И. Трансформация паремий как фактор преобразования их тематической структуры.....	7
Германские языки	15
Золотко Т.С. Различия перевода слов и словосочетаний в базовом английском языке и английском в сфере юриспруденции	15
Кудисова Е.А., Ситникова П.А. Особенности функционирования англоязычного молодёжного сленга (на примере молодёжных сериалов).....	20
Романские языки.....	28
Белова С.Е., Шабалина Д.В. Классификация образных средств в поэзии Пабло Неруды	28
Бельская Т.И. Текстовая онлайн-трансляция как один из жанров спортивного дискурса	35
Теория языка	44
Абрамова У.К. Дискурсивные когнитивные аттракторы в политических высказываниях Маргарет Тэтчер (на материале речи М. Тэтчер «Britain Awake») .	44
Василенко А.П., Рыбакина В.С. Фразеологизмы с компонентом-гастрономимом «молоко», «масло» в отражении культурного кода французского и русского народов	51
Комарова Е.Ю., Буренкова С.А. Иноязычные термины в профессиональной лексике пищевой промышленности	57
Коротков П.А. Особенности перевода общественно-политической лексики.....	62
Макаренко А.С. Когитология как ответвление когнитивной лингвистики.....	71
Сабурова Н.А., Ившина А.А. Лигвопрагматическая характеристика интернет-мемов в пространстве санкционного контента	75
Семченкова И.В. Моделирование дискурсивного формата языковой личности драматурга (на материале пьес Дж.Б. Шоу и А.П. Чехова)	88
Шептун Н.Н. Аттрактивность в дискурсивном информативном коде (на материале источников «Le monde» и «Российская газета»).....	95
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	102
Белюсова Е.Д. Категории лица, числа и рода у глагола и их когнитивные особенности в русском и европейских языках	102

Русская литература	114
Захарова А.Э. Феномен смысловых интенций в «Благой вести» Венедикта Ерофеева.....	114
Изикаева Я.Д. Типология современной российской сюжетной лирики.....	120
Назаров И.А. Феномен безумия в советской культуре 1920-х гг. на примере очерка Е. Ромас «Вне жизни».....	128
Таразова З.Х. Образ-символ птицы в пьесе «Чайка» Антона Павловича Чехова...	135
Литература народов Российской Федерации	141
Герляк Н.А. Пейзаж и патриотические мотивы в поэме Микуля Шульгина «Макар Осьмаров»	141
Журналистика	151
Дьяченко А.Р. Авторская программа: теоретический аспект.....	151
Тихомирова Л.С. К вопросу о жанрах рекламы в современной коммуникации	158
Лингвокультурология	164
Елисеева А.В. Концепты «ПРАВДА» и «ЛОЖЬ» в западноевропейской и русской афористике.....	164
Косова Е.И., Волкова В.В. Специфика логических и литературно-художественных парадоксов	173
Логвиненко А.Д. Лингвоцветовая фразеологическая картина мира английского языка.....	178

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.111

Чулкова В.И. Трансформация паремий как фактор преобразования их тема-рематической структуры

Чулкова Вера Ивановна

аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
РФ, г.Брянск
chu_chu_chu@mail.ru

Transformation of proverbs as a factor in the transformation of their theme-rhematic structure

Chulkova Vera Ivanovna

postgraduate student of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Аннотация. В данной статье анализируются способы преобразования внешней формы фразеологизмов – фразеологические трансформации. Фразеологизмы являются культуроносными единицами, они во многом функционируют как языковые символы, отражающие общественные реалии, и поэтому преобразования фразеологизма могут вызвать в сознании говорящих определенные ассоциации, создать различные смыслы, затрагивая различные духовные стороны жизни человека. Цель статьи – рассмотреть компонентную и количественную трансформацию паремий как фактор преобразования их тема-рематической структуры. Результатом исследования является выявление того, что модификация вносит свои изменения в структуру тематической и рематической организации образной составляющей оборота.

Ключевые слова: фразеологизм, языкознание, функция, текст, тип текста.

Abstract. This article analyzes the ways of transforming the external form of phraseological units - phraseological transformations. Phraseological units are cultural units, they largely function as linguistic symbols that reflect social realities, and therefore the transformation of a phraseological unit can cause certain associations in the minds of speakers, create different meanings, affecting various spiritual aspects of human life. The purpose of the article is to consider the component and quantitative transformation of proverbs as a factor in the transformation of their theme-rhematic structure. The result of the study is to reveal that the modification introduces its own changes into the structure of the thematic and rhematic organization of the figurative component of the turnover.

Key words: phraseological unit, linguistics, function, text, type of text.

Введение

Фразеология – это лингвистическая наука, изучающая фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии. Этим же термином обозначают раздел науки о языке, изучающий устойчивые речевые обороты и выражения – фразеологические единицы [1, с. 109].

Фразеологическая единица – устойчивое сочетание слов, обладающих самостоятельным значением и близким по лексическому значению одному слову [2, с. 21].

Методика исследования

Фразеологизм имеет свои, только ему присущие категориальные признаки, которые в совокупности позволяют, с одной стороны, выделить его в самостоятельную единицу языка, с другой – отграничить от других единиц языка [3]. Для фразеологизма характерны такие функции, как устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность [4].

Материалом исследования послужил словарь русских фразеологизмов, а также ряд научных работ и статей, посвященных данной теме [5]. В рамках исследования используется описательный метод, который используется при изучении фразеологических единиц, а также лингвокультурологический анализ устойчивых оборотов.

Экспериментальная часть

Компонентная трансформация паремий заключается в таких модификациях устойчивой структуры, при которых происходит замена фрагментов образа [6, с.131]. Полагаем, что данный вид трансформации сказывается на тема-рематической составляющей образа. Фразеологизмы, как и другие единицы языка, подвержены речевым преобразованиям.

Как отмечает С.Ю. Щербина, хотя фразеологическая трансформация отличается многообразием, несколько наиболее частых видов ее могут быть выделены особо [7]. Например: замена одного или двух компонентов; замена второй или (реже) первой части ФЕ; добавление новых компонентов или, наоборот, (реже) выпадение компонентов; использование буквального значения вместо метафоричного; смешение нескольких ФЕ (контаминация). Многие паремии одновременно используют несколько способов трансформации. Можно выделить наиболее применяемые способы трансформации паремий [8]:

Замена одного компонентов

Достаточно частотными являются ФЕ, в которых происходит замена одного компонента. Например: *Игла что дышло: куда повернул, туда и вышла* [5, с. 99] (*Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло*) [5, с. 124]. Иногда один из компонентов заменен антонимом: *Каждый сам кузнец своего несчастья* (*Каждый сам кузнец своего счастья*). Носители языка пытаются подобрать компонент, фонетически созвучный с одним из компонентов традиционной ФЕ, как в следующих примерах: *Куй железо, пока Горбачев* [5, с. 180] (*Куй железо, пока горячо*) [5, с. 149]. Особый интерес представляют ФЕ, в которых происходит замена, добавление или выпадение звука в одном слове. Наиболее часто происходит замена звука: *Каждой твари – по харе* [5, с. 120] (*Каждой твари – по паре*) [5, с. 178]. В произведенных примерах рематическая часть образа подвергается компонентному преобразованию – *по харе, пока Горбачёв, кузнец несчастья*. Лишь в примере *игла что дышло* преобразования коснулись тематической части.

Замена двух компонентов

При трансформации зачастую происходит замена двух компонентов: *Было бы здоровье, а болезни найдутся* [5, с. 11] (*Было бы болото, а черти найдутся*) [5, с. 29]. В данном примере преобразования происходят одновременно в рематической и тематической частях.

Прибавление новых компонентов

Некоторые трансформы такого типа пользуются популярностью у носителей языка. Например: *С милым рай и в шалаше, если милый атташе* (*С милым рай и в шалаше*) [5, с. 20]; *Тише едешь – дальше будешь от того места, куда едешь* (*Тише едешь – дальше будешь*) [5, с. 71]; *Век живи – век учись, а дураком помрешь* (*Век живи – век учись*) [5, с. 79]. Преобразования происходят в рематической части.

При расширении компонентного состава, паремии приобретают ироничный оттенок, что достигается и при помощи введения противительных союзов (чаще всего, *но и а*): *Истина рождается в споре, но там же и умирает* (*Истина рождается в споре*) [5, с. 30]; *Береженого бог бережет, а небереженого – конвой стережет* (*Береженого бог бережет*) [5, с. 57]. Преобразования происходят в рематической части.

Повтор одинаковых компонентов.

Следующие примеры демонстрируют, как компонент из первой части паремии повторяется во второй части паремии, к ней прибавляются несколько компонентов: *Не рой другому яму, пусть сам роет* [5, с. 198] (*Не рой другому яму, сам в нее*

попадешь) [5, с. 201]. Пословица, однако, может использоваться в речи без каких-либо изменений, а в прибавленных к ней компонентах трансформации может присутствовать и повторяющийся компонент оригинала: *Соловья баснями не кормят, ими кормят народ* [5, с. 320] (*Соловья баснями не кормят*) [5, с. 329]. Преобразования происходят в рематической части, повтор темы.

Смещение нескольких паремий (контаминация)

Среди способов трансформации паремий встречаются контаминация (смещение). В подавляющем большинстве анализируемых нами примеров происходит смещение двух ФЕ, наиболее часто первой части одной и второй части другой, без каких-либо других изменений, например: *Голод не тетка, в лес не убежит* (*Голод не тетка, пирожка не подсунет* [5, с. 54]; *Работа не волк, в лес не убежит*) [5, с. 49]. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

Проведем анализ паремий, в которых присутствует сема 'деньги', которая отсутствует в мотивирующем основании. Например, *купить, продать, зарабатывать, рубль, богатый, касса, платить, должен, дешево, средства* и т. д.

Замена одного слова компонентом *деньги* происходит в следующих пословичных трансформациях: *Делу время, потехе – деньги* (*Делу время, потехе час*); *Лес рубят – деньги летят* (*Лес рубят – щепки летят*) [5, с. 55]. Преобразования происходят в тематической части.

В следующей трансформации один компонент заменяется двумя: *Хорошо смеется тот, кто смеется по средствам* (*Хорошо смеется тот, кто смеется последний*) [7, с. 78]. В паремии *Кто не работает, тот зарабатывает* (*Кто не работает, тот не ест*), наоборот, два компонента заменяются одним [5, с. 80]. Преобразования происходят в рематической части.

В двух примерах ниже произошла замена двух компонентов (или полная замена второй части паремии): *Делу – время, помехе – деньги* (*Делу время, потехе час*) [5, с. 40]; *Тише едешь – дешевле обойдется* (*Тише едешь – дальше будешь*) [5, с. 47]. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

Следующие паремии также являются яркими примерами замены второй части ФЕ: *Хорошо смеется тот, кто денег занял* (*Хорошо смеется тот, кто смеется последний*). В третьем примере меняется полностью вторая часть мотивата, в который также добавлен противительный союз *но*: *Чем бы дитя ни тешилось, но деньги не получит* (*Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*). Преобразования происходят в рематической части.

Здесь видно, что значение паремии отличается от мотивирующего основания.

Паремия-дериват подчеркивает значимость денег, а также бессмысленность трат, которые ребенок может совершить при получении финансов от родителей. Более того, этот пример показывает, что ответственные родители пресекают манипуляции своих детей и не оказывают им финансовую поддержку тогда, когда это и не нужно делать.

Схожий прием трансформации использован и в следующих примерах: *Кто к нам с рублем придет – тот от рубля и погибнет (Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет)* [5, с. 146] трансформация усматривается в замене двух (одинаковых) компонентов; и в этом примере, как и в следующем, повторяющийся в мотивате компонент *меч* заменяется в деривате на компонент *рубль*. Здесь смысл ФЕ заключается в неустойчивости денежного курса. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

В паремии *Не деньги портят человека, а человек деньги (Не место красит человека, а человек место)* [5, с. 178] был изменен смысл общеизвестной структуры. Главная идея мотивирующей паремии в том, что человек портит деньги, а не деньги портят человека. В мотивирующей форме говорилось о локации – *человек красит место*. Деривационная форма паремии искажает семантику мотивата. Преобразования происходят в тематической и рематической части.

Наблюдается компонентная модификация паремии, однако морфосинтаксическая схема паремии остается такой же в следующей модификации: *Ближе едешь, больше платишь (Тише едешь – дальше будешь)* [5, с. 80]. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

В следующих паремиях можно выделить прием прибавления новых компонентов к мотивирующей форме. В этих трансформациях также происходит замена второй части ФЕ: *ГАИ говорит: «Тише едешь – никому не должен»; ГИБДД напоминает: «Тише едешь – меньше должен» (Тише едешь – дальше будешь)* [5, с. 132]. Преобразования происходят в рематической части.

При анализе паремий мы также выявили один пример использования контаминации: *Куй железо, не отходя от кассы (Куй железо, пока горячо)* [5, с. 74]. Здесь мы наблюдаем контаминацию ФЕ *Куй железо, пока горячо* и популярной надписи в магазинах «Проверяйте сдачу, не отходя от кассы». Преобразования происходят в рематической и тематической части.

Приведем примеры других паремий: *Не в деньгах счастье; Не имей (не держи) сто рублей, а имей сто друзей; Долг платежом красен* [5, с. 37].

Не в деньгах счастье (Счастье не в деньгах) [5, с. 181]. Паремия состоит из 4

компонентов, один из которых предлог *в*, а другой отрицательная частица *не*. Преобразования происходят в рематической части.

Нами было обнаружено, что самым частотным способом трансформации этой паремии является количественная модификация, где используете противительный компонент – союз *а*: *Не в деньгах счастье (счастье не в деньгах), а в их количестве; Не в деньгах счастье (счастье не в деньгах), а в мужчине с деньгами; Не в деньгах счастье, а в их наличии; Счастье не в деньгах и даже не в их количестве, а в том, как долго им удастся пользоваться; Не в деньгах счастье, а в бабках* [5, с. 189]. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

Прибавление компонентов к ФЕ происходит в двух трансформах в препозиции и постпозиции к центральным (интегральным) компонентам: *Верю, что не в деньгах счастье, но хочется убедиться самому; Если ваше счастье не в деньгах, то шлите их мне* [5, с. 137]. Преобразования происходят в тематической части. Расширение текста ФЕ может происходить и в самом начале: *Хочу убедиться, что не в деньгах счастье*. Преобразования происходят в рематической части.

Как видим, структура мотивата меняется, компонент *деньги* перемещается в первую часть деривата и прирастает новыми компонентами, а в исходной части паремии остается *не в них счастье*. Если первые две трансформации являются утвердительными, последний пример является наивно сформулированным: *Когда деньги есть, как-то легче согласиться, что не в них счастье; Когда много денег, как-то легче переносится, что не в них счастье; Интересно, сколько денег надо иметь, чтобы понять, что не в них счастье?* Преобразования происходят в рематической и тематической части.

В следующем примере также наблюдается изменение структуры оригинала, только в нем компонент *счастье* переходит в самое начало структуры и прирастает новыми компонентами, и в самом конце трансформы от прототипа остается сочетание *не в деньгах*: *Отказался от счастья, узнав, что оно не в деньгах* [5, с. 80]. Преобразования происходят в рематической части.

В современном разговорном языке многочисленные паремии-трансформы содержат прагматическую нагрузку в системе финансовых ценностей: *Не в деньгах счастье, а в их наличии (Не в деньгах счастье); Деньги – зло. Причините мне его побольше (Деньги – зло); Не имей сто рублей, а имей тысячу; Не имей сто рублей, а имей сто баксов (Не имей (не держи) сто рублей, а имей сто друзей)* [5, с. 80]. Преобразования происходят в рематической части.

В трансформациях истина паремий может ставиться под вопрос введением

отрицательной частицы *не*, если ее не было в прототипе (*Деньги – не навоз, сегодня нет, а завтра воз* (*Деньги – навоз*) [5, с. 80], или, наоборот, выпадением частицы *не* из прототипа (*Деньги пахнут: маленькие – потом, а большие – кровью* (*Деньги не пахнут*) [5, с. 97]. Преобразования происходят в рематической части.

Большая часть паремий о деньгах отражает актуальные реалии для носителей языка, в которых добавлены сюжеты о коррупции, преступного мира, работы, кредитов, здоровья, ежедневных будней и праздников, качеств характера и др.: *Деньги – зло. Зайдешь на рынок, и зла не хватает* (*Деньги – зло*); *Деньги не пахнут, потому что их отмывают*; *Жулики спят спокойно: раз деньги не пахнут – собаки не возьмут след* (*Деньги не пахнут*) [5, с. 40]; *Деньги счастья не приносят, но укрепляют нервную систему* (*Деньги счастья не приносят*); *Долг кутежом красен* (*Долг платежом красен*) [5, с. 74]. Преобразования происходят в рематической и тематической части.

Компонентная модификация вносит свои изменения в структуру тематической и рематической организации образной составляющей оборота. При добавлении компонентов ФЕ происходит изменения (например, прибавление компонентов к ФЕ происходит в двух трансформах – в препозиции и постпозиции к центральным (интегральным) компонентам) происходит изменение ремы. При усечении компонентов ФЕ происходит изменение в теме.

Выводы

В рамках исследования рассматриваются тематическая и рематическая части фразеологизма, а также количественная и качественная модификация.

Обнаруженные типы модификаций напрямую связаны и с тема-рематической организацией самого деривата. Так, доказано, что в случае компонентной модификации ФЕ преобразования происходят в рематической части образа.

В процентном соотношении этот показатель выглядит так: 87% – преобразований в рематической части, 13 % – в тематической.

Это может говорить о том, что изменение (акцентирование) именно сути высказывания (ремы) посредством подмены уже известного образа контекстуально подходящим другим образом наиболее важно в случае актуального фразеологического представления окружающего мира.

Список литературы

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ ФЕ: (на материале ФЕ, семантически ориентированных на человека) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: ИД Логос, 2020. – 350 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология. – Флинта, 2009.– 386 с.
3. Морозова В. С. Национально–культурная специфика фразеологизмов современного литературного языка //Турецкая филология. – 2019. – №. 2. – С. 10.
4. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. –2019. – 80 с.
5. Розенталь Д., Краснянский В. Фразеологический словарь русского языка. – Litres, 2022. – 380 с.
6. Василенко А. П. Тропеические механизмы образования внутренней формы фразеологизмов русского и французского языков //Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №. 2. – С. 131-134.
7. Щербина С. Ю. Модификации пословиц в немецкой афористике //Филологический аспект. – 2019. – №. 10. – С. 63-70.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка/СИ Ожегов //Словарь Ожегова». Изд. – 2011. – С. 1949-1994.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81

Золотко Т.С. Различия перевода слов и словосочетаний в базовом английском языке и английском в сфере юриспруденции

Золотко Татьяна Сергеевна

Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «АТиСО» в г. Севастополе
г. Севастополь, Россия
zolotkotanya@mail.ru

Differences in the translation of words and word-combinations in basic English and English in the field of law

Zolotko Tatyana Sergeevna

Institute of Economics and Law branch of the Academy of Labor and Social Relations
Sevastopol, Russia

Аннотация. Статья представляет собой анализ и сравнение слов и словосочетаний в базовом английском языке и английском в сфере юриспруденции. Обозначены основные особенности и различия их перевода и функционирования в различных контекстах.

Ключевые слова: особенности перевода, английский язык в сфере юриспруденции, слова и словосочетания, контексты, смысловая нагрузка.

Abstract. The article presents the analysis and comparison of words and phrases in basic English and English in the field of law; the main features and differences of their translation and functioning in different contexts are presented.

Keywords: peculiarities of translation, English in the field of law, words and word-combinations, contexts, semantic load.

В переводе слов в базовом английском и английском в сфере юриспруденции существуют некоторые различия. Их безусловно надо понимать, особенно в случае ведения какой-либо деятельности в сфере юриспруденции, поскольку это поможет качественно анализировать юридические тексты, успешно совершать сделки, выигрывать дела в судах и даже влиять на взаимоотношения между странами. Верное определение данных различий повысит эффективность работы юристов.

В последние десятилетия проблема перевода общего характера и, в частности, специализированного перевода в сфере права, обрела свое значение в связи с непрерывным развитием международных связей и глобализацией экономики. Быстроразвивающиеся страны нуждаются в квалифицированных специалистах, обладающих необходимыми навыками и познаниями в различных сферах человеческой деятельности: политика, экономика, культурах.

Перевод в сфере права - процесс сложный и требующий огромных усилий, поскольку право связано с социально-политическими и культурными особенностями страны. Для правильного и адекватного перевода юридической информации оригинальный текст должен быть точным, ясным и достоверным [2]. Только профессиональные переводчики, специализирующиеся в юридическом переводе, могут выполнить эту работу. Переводчик должен в совершенстве владеть специальной терминологией и разбираться в принципах построения правовых документов.

Проблема англо-русского перевода в юридической сфере в современном правоведении является одной из наиболее актуальных. Повышенный интерес к специфике юридического перевода вызван тем, что эквивалентность перевода юридических документов влияет на успех в совершаемых юридических сделках и даже во взаимоотношениях между разными странами [5]. Юридическая сфера в английском и русском языках обнаруживает значительные различия, что вызвано историей развития общества и языка в целом, а также разными культурными особенностями юриспруденции в России и англоязычных странах. В связи с этим проблема перевода в юридической сфере особенно актуальна в современной теории и практике перевода. Юридический текст относится к отдельному функциональному стилю в современной функциональной стилистике. Следовательно, как самостоятельный функциональный стиль, юридический текст обладает специфическими лингвистическими характеристиками, которые представляют значительные трудности в процессе перевода с английского на русский язык. Одной из главных лексических особенностей и, соответственно, главных трудностей юридического перевода является обилие юридической терминологии в оригинальном тексте.

Нередко для одного русскоязычного термина полагается ряд, казалось бы, синонимичных терминов в английском языке и наоборот. На самом деле, не всякий синоним подойдет для юридического перевода, который не терпит и малейшего искажения смысла. Для точного перевода приходится ориентироваться на контекст. По сей день некоторые юридические термины не имеют однозначного перевода в юридических словарях.

Для юридического языка характерно использование слов и словосочетаний, встречающихся в быденной речи, и, казалось бы, прозрачных по значению. На самом деле в юридических текстах они приобретают иные значения, логическую связь которых с обычными значениями установить непросто. Слова литературного

языка также могут входить в состав терминов и, будучи многозначными, усложнять их понимание. Таким образом, данная трудность касается выбора правильного значения слова, которое либо находится на периферии значений данного слова, либо является омонимом [5].

Отдельные понятия в базовом английском языке иногда могут совпадать с понятиями в профессиональном языке. Если определённые слова из английского языка переводить на русский, то перевод будет зависеть не только от самого слова, но и от того, в каком контексте используется это слово: в базовом, то есть разговорном языке или языке в профессиональной сфере.

В данной работе на конкретных примерах продемонстрирован процесс, как в зависимости от сферы, в которой функционирует то или иное слово или словосочетание, варьируется его смысловое содержание.

Basic English	Law English
Person	
<u>человек</u>	<u>физическое лицо</u>
Every person has certain rights. <i>Каждый человек имеет определённые права.</i>	The law calls persons and legal entities. <i>Закон различает физические и юридические лица.</i>
Abuse	
<u>злоупотребление</u>	<u>жестокое обращение</u>
You often can face with the abuse of sweets in this age. <i>Вы часто можете столкнуться со злоупотреблением сладостями в этом возрасте.</i>	The abuse of animals is legally prohibited. <i>Жестокое обращение с животными законодательно запрещено.</i>
Rehabilitation	
<u>восстановительное лечение</u>	<u>реабилитация (преступника)</u>
After injury, the patient has long passed the rehabilitation. <i>После травмы пациент длительно проходил восстановительное лечение.</i>	The criminal was rehabilitated two years later after making the sentence. <i>Спустя два года после вынесения приговора преступника реабилитировали.</i>
Minor	
<u>незначительный</u>	<u>несовершеннолетний</u>
Damage from earthquake was minor. <i>Ущерб от землетрясения был незначительный.</i>	Minors are prohibited from drinking alcohol. <i>Несовершеннолетнему запрещено употреблять алкоголь.</i>
Explanation	
<u>объяснение</u>	<u>толкование</u>
The teacher explained a new topic. <i>Учитель объяснял новую тему.</i>	There are various types of explanation of the law.

Существуют различные виды толкования закона.

Diligence

усердие

финансовая проверка

A boxer trained with diligence.
Боксёр тренировался с усердием.

A diligence was appointed in the firm.
В фирме была назначена финансовая проверка.

Life office

пожизненная должность

контора по страхованию жизни

A king is a life office.
Король - это пожизненная должность.

A lot of orders came to the life office.
В контору по страхованию жизни поступило много заказов.

Relief

облегчение

освобождение от ответственности

After the exam, the student felt a relief.
После экзамена студент почувствовал облегчение.

Ignorance of the law does not relief.
Незнание закона не освобождает от ответственности.

Security agreement

соглашение о безопасности

договор об обеспечении долга

Countries signed the security agreement.
Страны подписали соглашение о безопасности.

Under the security agreement, one side should pay a certain amount of money to the other side.
По договору об обеспечении долга, одна сторона должна выплатить другой стороне определённую сумму денежных средств.

Legal

легальный

юридический

It was a legal trade in the market.
Торговля на рынке была легальной.

A lawyer gave a legal advice to the client.
Адвокат дал юридическую консультацию клиенту.

Forger

кузнец

фальсификатор

A forger dug a lot of swords for knights.
Кузнец выковал много мечей для рыцарей.

A forger was detained because he made fake money.
Фальсификатора задержали потому, что он изготавливал фальшивые деньги.

Order

заказ

законность

Are you ready with the order?
Вы готовы сделать заказ?

The judge confirmed the order of this action.
Судья подтвердил законность данного действия.

Benefits

выгоды

компенсационные выплаты

He will get great benefits if this transaction is done.

Benefits were paid to the victim in the accident.

<i>Он получит большие выгоды, если осуществит эту сделку.</i>	<i>Пострадавшему в аварии выплатили компенсационные выплаты.</i>
Capital	
<u>столица</u>	<u>смертная казнь</u>
Moscow is the capital of Russia. <i>Москва - столица России.</i>	The criminal was appointed a capital. <i>Преступнику назначили смертную казнь.</i>
Sentence	
<u>предложение</u>	<u>приговор</u>
Sentence was made with grammatical mistakes. <i>Предложение было составлено с грамматическими ошибками.</i>	Judge handed out the accusatory sentence. <i>Судья вынес обвинительный приговор.</i>

Таким образом различия перевода слов и словосочетаний в базовом английском языке и английском в сфере юриспруденции действительно существуют. В ходе анализа данного вопроса выявлено, что в английском языке, одно и то же слово может быть, как юридическим термином, который будет употребляться в профессиональной сфере, так базовой лексемой, которая функционирует в разговорном языке. Следовательно, в зависимости от контекста употребления того или иного слова будет изменяться его смысловое содержание.

Список литературы

1. Английский для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.] 2-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 375 с
2. Жаровская, Е. В. Английский язык для направления подготовки «Юриспруденция»: учебное пособие / Е. В. Жаровская. — Саратов: Вузовское образование, 2018. 222 с.
3. Попов, Е. Б. Legal English. Quick Overview. Английский язык в сфере юриспруденции. Базовый курс: учебник для бакалавров (исправленное и дополненное издание) / Е. Б. Попов, Е. М. Феоктистова, Г. Р. Халюшева, под редакцией Е. Б. Попов. — Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, 2018. 315 с.
4. Гаврилова, Ю. В. Иностранный язык в сфере юриспруденции: учебно-методическое пособие по английскому языку / Ю. В. Гаврилова, Ю. С. Кильченко. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2018. 50 с.
5. Анохин, Д. А. Особенности англо-русского перевода в юридической сфере / Д. А. Анохин, Е. Б. Севостьянова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). с. 435-437.

УДК 811.11-112

**Кудисова Е.А., Ситникова П.А. Особенности функционирования
англоязычного молодёжного сленга (на примере молодежных сериалов)**

Кудисова Елена Андреевна

старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и лингводидактики
Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, РФ, г. Бирск
kudisova1975@mail.ru

Ситникова Полина Алексеевна

студентка 4 курса Уфимский университет науки и технологий, РФ, г. Уфа
polina.200191@gmail.com

**Features of the functioning of English-speaking youth slang (the case study
of youth TV series)**

Kudisova Elena Andreevna

senior lecturer of the department of Romano-Germanic philology and linguodidactics
Ufa University of Science and Technology Birk branch, Russia, Birk

Sitnikova Polina Alekseevna

4th year student Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-фразеологические особенности молодёжного сленга, выявляется специфика использования сленгизмов в современных зарубежных молодёжных сериалах. Актуальность проблемы изучения молодёжного сленга заключается в том, что молодёжный сленг представляет собой важное социальное, лингвистическое и культурное явление, которое получило распространение не только в англоязычных странах, но и в российском обществе и способствует пополнению языка, его развитию и разнообразию, повышению мотивации к изучению иностранного языка и межкультурному взаимодействию. Молодёжный сленг представляет собой языковую категорию, которая имеет определенное содержание и средства выражения и играет значимую роль в становлении личности и формировании социокультурной компетенции.

Ключевые слова: сленг, молодёжный сленг, телесериалы, экспрессивность, социокультурная компетенция.

Abstract. The article deals with the lexical and phraseological features of youth slang, reveals the specifics of the use of slangisms in modern foreign youth series. The relevance of the problem of studying youth slang lies in the fact that youth slang is an important social, linguistic and cultural phenomenon that has become widespread not only in English-speaking countries, but also in Russian society and contributes to the replenishment of the language, its development and diversity, increasing motivation to study a foreign language and intercultural interaction. Youth slang is a language category that has a certain content and means of expression and plays a significant role in the formation of personality and the formation of sociocultural competence.

Keywords: slang, youth slang, TV series, expressiveness, sociocultural competence.

Популярность сленга, а тем более усиление его роли и распространение в языке, привлекали внимание таких учёных, как Ч.Г. Лиланд, А. Баррере, Э. Партридж, С.Б. Флекснер, Г. Менкен, Дж. Грин, Т. Торн, Т.А. Соловьёва, Ю.К. Волошин, А.Т. Липатов, Ю.В. Горшунов и др. Эти учёные исследовали особенности сленга, его роль в языке и т.д., посвятив ему фундаментальные труды: словари, диссертации, монографии, значимые статьи. И в наше время, на рубеже второго и третьего десятилетия XXI века, сленг по-прежнему привлекает внимание исследователей, которые в большинстве случаев акцентируют внимание на социально-возрастной характеристике носителей языка.

Этимология термина “сленг” вызывает огромное количество споров среди исследователей. Точное происхождение термина не зафиксировано, так как ученые так и не пришли к единому мнению. Трудность раскрытия происхождения термина заключается в его многозначности и различной трактовке сленга авторами словарей и специальных исследований за последние двести лет.

В настоящее время в современной лингвистике возникает много споров по поводу определения «сленга».

Сленг – это своего рода словесный маркер, который отпечатывается на речи всех поколений и характеризует особенности его мировоззрения [1, с.105-107].

Один из выдающихся исследователей Э. Партридж определяет сленг как существующие в разговорной речи очень неустойчивые и непрочные, а порой и вовсе беспорядочные и произвольные системы лексем, которые отражают общественное сознание всех людей, которые числятся в определённой социальной или профессиональной среде [2].

Иногда сленг рассматривается в качестве некоторого индикатора, который сигнализирует и позволяет охарактеризовать о принадлежности человека к той или иной группе [3, с. 167-173].

Термин сленг, как отмечает известный американский лингвист Ч. Фриз, весьма значительно расширил границы использования и стал применяться для большого количества различных определений, что весьма затруднительно повлияло на проведение границ между тем, что является сленгом, а что нет [4, с. 52].

Большое количество английских исследователей рассматривают сленг просто как синоним жаргона, арго и кэнта [2, с. 23].

Р. Спирс утверждает, что слово «сленг» первоначально использовалось для обозначения криминального жаргона и было синонимом слову кэнт (cant). Спустя время термин сленг расширяет свои границы и может включать в свои ряды такие явления

нелитературной лексики как: жаргон, просторечие и даже некоторые вульгарные слова [5, с. 10].

В последнее время наметился новый вектор изучения сленга – рифмованный сленг, прослеживаемый в работах Ю.В. Горшунова [6; 7, с. 26-30].

Обобщая вышеуказанные определения, можно сделать вывод, что сленг понимается либо как абсолютный синоним слова жаргон, либо как жаргонизированная разговорная речь, близкая к таким образованиям, как интержаргон, общий жаргон (сленг), просторечие. Кроме того, он признается антиподом литературного языка.

Сленг присутствует во всех кругах общества. Он начинается в определенной группе людей, а дальше распространяется в пределах всего класса общества. Люди, которые не относятся к этому классу, также могут использовать данный сленг, тем самым распространяя его в обществе. Сленг прочно закрепляется в языке и является абсолютно естественным для каждого человека.

В настоящее время большое внимание уделяется исследованию именно молодёжного сленга, особенностей его образования, функционирования и причин употребления. Молодежный сленг является уникальным и интереснейшим языковым феноменом, отличающимся многообразием, богатством словообразовательных норм, выразительностью и краткостью речи [8, с. 28-33; 9, с. 237-240].

В связи с желанием проявить свою индивидуальность и придать речи эмоциональности молодежь начинает использовать сленг. Под молодежным сленгом подразумевается совокупность часто изменяющихся лексических единиц высокой экспрессивной силы, которые молодые люди употребляют в своем общении с друзьями и сверстниками [10, с. 63-65]. Кроме того, в нем используются почти все способы образования и формирования сленговых единиц, но основной является заимствование. Сленг молодежи, как своеобразный язык общения молодых людей, является показателем их уровня менталитета, образования, стремлений и предпочтений. Он выполняет коммуникативную, когнитивную, мировоззренческую, эмоциональную, экспрессивную функции, а также функции «шифрования» и экономии времени [11, с. 606-608].

Проблемам функционального назначения сленга посвящены работы многих лингвистов, специализирующихся в этой научной области, в том числе молодых исследователей, которые особенно заинтересованы в изучении проблем современного сленга. Несмотря на некоторые трудности в определении критериев

отделения сленга от жаргона, просторечий и диалектов, сленг, несомненно, является активным компонентом разговорного языка. Ярко выраженная эмоционально-оценочная окраска, образность и языковая игра сленга позволяют реализовать ряд специфических функций.

Как отмечает Е.М. Береговская, сленг в большей или меньшей степени характеризуется обесцениванием и доминированием репрезентативной функции. Она выделяет следующие функции сленга: демонстративную, корпоративную, функцию творческого самовыражения.

1. Демонстративная функция сленга особенно ярко проявляется в молодежной среде. Желание человека выделиться из толпы, привлечь к себе внимание определяет активное использование сленга в речи. В качестве примеров могут подойти абсолютно любые сленговые выражения, так как все они имеют яркий эмоционально-выраженный окрас.

2. В среде специального сленга реализуется его корпоративная функция, которая возникает в результате обозначения принадлежности говорящего к определенной "корпорации", с которой он связан профессиональным сообществом, в то время как незнание специального сленга выталкивает говорящего за пределы этой "корпорации". Практически во всех профессиях существует свой собственный язык, понятный только внутри коллектива.

3. Функция сленга как способа творческого самовыражения позволяет взглянуть на сленг с другой точки зрения, представив его как элемент словотворчества. Человек, на которого не влияют литературные нормы и не сдерживают строгие языковые правила, имеет возможность создавать «свой собственный язык», а также изобретать новые слова для обозначения реалий своей жизни. В отличие от литературного языка, цель сленга – ничего не воспринимать всерьез и быть достаточно ярким и выразительным [12, с. 32-42].

В современном мире почти никто не опровергает факт важности изучения иностранного языка. Сегодня недостаточно просто знать правила, грамматику, уметь писать, а также читать на иностранном языке. Людям необходимо умение правильно и ясно выражать свои мысли. Этому способствует метод изучения иностранного языка на основе просмотра различных сериалов и фильмов в оригинале.

Обращая внимание на тот факт, что основная задача школы на современном этапе обучения – это подготовка учеников к саморазвитию и самостоятельности, мы определяем, что учащийся должен уметь мыслить креативно, объединяя свои навыки в иноязычную сферу. Данная задача осуществляется благодаря качественной

подготовке учеников к формированию умений и навыков говорения на иностранном языке.

Коммуникативная грамотность является способностью общаться на различные темы, уметь излагать свои мысли и идеи, обсуждать проблемы и вопросы, вызывающие интерес у людей. Таким образом, формируя коммуникативные навыки, ученики имеют способность развивать свободное общение на иностранном языке.

Для тех, кто изучает язык, необходима мотивация. Именно взаимодействие представляет собой стимул к развитию коммуникативных навыков.

Важно отметить, что прослушивание аудиозаписей носителей с разными акцентами способствует улучшению речи самого сложного уровня, а также это помогает отвечать на вопросы без каких-либо затруднений.

Особую роль при обучении дискуссии играет аудирование, потому что оно представляет собой восприятие иностранной речи на слух. Благодаря этому способу обучения языка, учащимся легко запомнить иностранные фразы, включая идиомы и фразеологизмы.

Использование видеоматериалов также улучшает качество знаний учащихся. В тот момент, когда ученики начинают понимать аутентичную речь, у них повышается желание изучать иностранный язык больше и глубже. Также, просматривая, например, художественные видео, можно изучить культуру, традиции и обычаи изучаемого языка.

Для развития навыков иноязычного общения могут быть использованы сериалы, фильмы и мультфильмы. Именно в них содержатся знания, благодаря которым можно адаптироваться к иноязычной среде, развить навыки иноязычного общения.

Мы проанализировали три молодёжных сериала на английском языке, сериал «Ginny&Georgia» и сериал «Euphoria» от американской развлекательной компании «Netflix», а также британский сериал «Sex Education» на наличие и особенности употребления сленгизмов в среде подростков.

Сериал «Джинни и Джорджия» является американским комедийно-драматическим веб-сериалом, повествующий о матери-одиночке Джорджии и её детях Джинни и Остине, которые переезжают в новый город с надеждой начать жизнь с чистого листа, но прошлое матери угрожает их будущему.

Посмотрев все сезоны сериала, мы обнаружили значительное количество сленговых выражений подростков. Приведем некоторые примеры:

1. «Oops. Pardon me. **I tripped**» – «Ой. Прошу прощения. Я споткнулась».

To trip – споткнуться.

2. «You are trying too hard **to be edgy**. It's annoying. No one likes you» – «Ты слишком сильно стараешься **быть крутой**. Это раздражает. Никто тебя не любит».

To be edgy – человек, который старается быть крутым, но делает это нелепо.

3. «You get inside that house. **You are grounded**» – «Ты идёшь в этот дом. Ты **наказан**».

To be grounded – быть наказанным, находиться под домашним арестом.

4. «I'm very excited. **I'm dying**» - «Я очень взволнована. **Умираю от нетерпения**».

I'm dying – я так хочу/мне не терпится.

5. «He **had a nasty little spill**» – «Он так неудачно упал».

To have a nasty spill – неудачно упасть.

8. «**Gross. Seriously, just gross**» – «**Мерзко. Правда, просто мерзко**».

Gross – мерзкий, ужасный, неприятный.

Таким образом, проанализировав сериал «Ginny&Georgia» на наличие сленговых слов и выражений, мы приходим к выводу, что сленговая лексика молодёжи данного сериала наполнена экспрессивными, интересными и полезными в повседневной жизни сленгизмами.

Американский молодёжный сериал «Euphoria» рассказывает о современном взгляде на жизнь группы старшеклассников со своими подростковыми проблемами. Данный сериал также включает в себя большое количество сленговых выражений. Рассмотрим некоторые из них.

1. «That party was **lit**» – «Эта вечеринка была потрясающей».

Старшеклассники в сериале используют слово «lit» как синоним слова «amazing», которое обозначает весёлую жизнь. **Lit** – весёлый, потрясающий.

2. «That selfie looks amazing! We're so **squad goals**» – «Эта фотография выглядит великолепно! Мы **идеальная команда**».

Сочетание слов «dream team» подростки заменяют фразой «squad goals», что означает «идеальная команда, которой все хотят стать».

3. «Most people don't care about parking spaces for families with disabled pets. I wish they were **woke** like me» – «Большинство людей не заботятся о парковочных местах для семей с домашними животными-инвалидами. Я бы хотел, чтобы они были такими же **заботливыми**, как я».

Woke – забота, заинтересованность социальными проблемами.

4. «Really?! You're gonna **rat me out** to mom» – «Серьёзно?! Ты собираешься **сдать меня** маме». **Rat somebody out** – сдать кого-то/«крысятничать».

5. Для описания нервного и раздражающего человека используется слово **edgelord**: «Such **an edgelord** that he can cut diamonds with his teeth» - «Такой раздражающий, что может резать алмазы своими зубами».

6. Слово **table**, кроме привычного всем значения (стол) имеет ещё один смысл. В сериале используют глагол to table, что означает «перенести обсуждение чего-либо на потом». «Can we just **table** this conversation?» -«Можем ли мы **перенести** этот разговор?».

Также мы обнаружили следующие любопытные слова и выражения:

- «gaslighting» – форма эмоционального насилия, которая заставляет вас сомневаться в своих убеждениях и восприятии реальности;

- «nuts» – сумасшедший, глупый, странный;

- «dodge» – избегание диалога или какого-либо действия, которое вам необходимо сделать;

- «out of sight, out of mind» – с глаз долой, из сердца вон.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сленг в сериале богат синонимами, творчески созидателен и порой трудно понять истинное значение того или иного сленгового слова или выражения.

Проанализировав данные сериалы на наличие сленговых слов и выражений, мы пришли к выводу, что в данном случае британская сленговая лексика молодежи наполнена колкими, обидными фразами; лексика более экспрессивна. Американский сленг богат синонимами, творчески созидателен, и часто трудно понять значение того или иного сленгового выражения.

Список литературы

1. Каркаева М.А. Эволюция в деривации молодежного сленга. – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 105-107. ISSN 1997-2911.
2. Partridge E., Beale. A Dictionary of Slang and Unconventional English. 8th ed. L.: Routledge, 2000.
3. Левикова С.И. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия. – Бытие и язык. – Новосибирск, 2004. – С. 167-173.
4. Fries Ch. C. / The structure of English New-Harcourt Brace, New York, 1952. 375 p.
5. Spears, Richard A. Slang and Euphemism. N. Y., 1982. – 423 p.
6. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Австралийский колорит рифмованного сленга: Монография. ISBN 978-5-86607-496-9. – Бирск: БФ БашГУ, 2021. – 264 с.
7. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Рифмованный сленг на школьную и учебную тематику и другие компоненты молодежного сленга. // Славянские чтения – 2021: Сб. мат. Межд. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 24-25 мая 2021. С 26-30.
8. Воронкова А.А., Мальцева С.М., Никанорова В.С. К вопросу о методах психологического воздействия рекламы на потребителя // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 1 (35). С. 28-33.
9. Воронкова А.А., Мальцева С.М., Ульяновкина Е.М. Функциональные особенности молодежного сленга современных студентов. Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 237-240.
10. Касумова М.Ю. Молодежный сленг как компонент молодежного дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. С. 63-65.
11. Алимов Г.Ю. Молодежный сленг и разговорная речь в современной лингвистике // Молодой ученый. 2017. № 12. С.606-608.
12. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопр. языкознания. 1996. № 3. С. 32-42.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 801.82

Белова С.Е., Шабалина Д.В. Классификация образных средств в поэзии Пабло Неруды

Белова Светлана Евгеньевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, РФ, г. Москва
svetuskas@rambler.ru

Шабалина Дарья Владимировна

студентка пятого курса, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, РФ, г. Москва
okrila@rambler.ru

The Classification of Literary imagery means in the Poetry of Pablo Neruda

Bielova Svitlana Evgenevna

Senior Lecturer of Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Shabalina Daria Vladimirovna

the fifth year student of the department of foreign languages
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Аннотация. Данная работа посвящена исследованиям в области стилистических приемов поэтического текста, а именно выявлению и классификации образных средств. В статье рассматриваются особенности поэтических текстов чилийского поэта Пабло Неруды в рамках создания образности. В практической части работы был проведен анализ сборника стихотворений автора «Двадцать поэм любви и одна песня отчаянья». В рамках анализа были найдены лексические, фонетические и синтаксические средства выразительности. Особенное внимание уделяется метафоре – была дана индивидуальная классификация метафор сборника, основываясь на их предметности.

Ключевые слова: образные средства, троп, классификация, поэзия

Abstract. This article is devoted to research in the field of stylistic devices of a poetic text, namely, the identification and classification of figurative means. The article focuses on the peculiarities of Pablo Neruda's poetry in the context of imagery creation. The analysis of the collection of the poems "Twenty Poems of Love and One Song of Despair" was carried out in the practice part of the work. Under the analysis were found lexical, phonetic and syntactic means of expressiveness. Particular attention is paid to metaphor. A special classification of metaphors used by the author, based on their thematic origin, was formulated.

Keywords: imagery means, trope, classification, poetry

Анализ различных художественных текстов всегда имел культурную и лингвистическую значимость. Исследование образных средств является одной из основополагающих деталей анализа художественного текста, из-за чего мы можем рассматривать его как значимое направление, как для лингвистики в целом, так и для смежных наук — стилистики и литературоведения.

К настоящему моменту было создано большое количество различных научных работ, посвященных исследованию творчества Пабло Неруды с точки зрения разных сфер и областей лингвистики. Целью данного исследования является выявление особенностей образных средств в поэтических текстах автора. Результаты исследования можно использовать в качестве демонстрационного материала при изучении литературоведения, стилистики, лексикологии, а также основы для дальнейших исследований. Актуальность исследования выражается в подробном изучении средств выразительности сборника стихотворений Пабло Неруды «Двадцать поэм любви и одна песня отчаянья» и составление индивидуальной классификации всех стилистических приемов, анализа их функционального использования в текстах писателя, что позволяет осмыслить ценность этих приемов как эффективного лингводидактического средства.

Пабло Неруда — выдающийся чилийский поэт, удостоившийся Нобелевской премии по литературе. Автор получил всеобщее признание, вошел в Большую четверку чилийской поэзии и по-прежнему популярен среди поклонников испаноязычных стихотворных текстов. Его поэзия переведена на разные языки мира, в том числе и на русский, что делает его известным не только у себя на родине, но и во всем мире.

Как и многие другие явления в лингвистике и смежных ей науках, тропы или образные средства вызывают множество споров среди исследователей. По этой причине нельзя с уверенностью говорить о существовании какой-то одной их классификации. Поэтому для нашего исследования нам необходимо было рассмотреть несколько различных классификаций, предложенных такими учеными-лингвистами, как М.Л. Гаспаров, М.В. Ломоносов, М.П. Брандес, Ц. Тодоров, И.Р. Гальперин.

Выполнив теоретический обзор работ упомянутых ученых-лингвистов, мы пришли к выводу, что для дальнейшего продуктивного исследования наиболее понятной и в то же время емкой будет классификация, предложенная И.Р. Гальпериным. Несмотря на существующую критику данной классификации, мы считаем, что именно она отображает в наиболее полной и в значительной степени

различия образных средств. И.Р. Гальперин ориентируется на систему языковых уровней. Таким образом, он выделяет:

- фонетические выразительные средства;
- лексические выразительные средства;
- синтаксические выразительные средства [1, с. 50].

Группу лексических выразительных средств И. Р. Гальперин также делит на три значительные подгруппы:

- Первая, в основании которой лежит принцип взаимодействия разных уровней значения слова, т.е. словарное, контекстное, производное, номинативное и эмотивное.

- Вторая, которая основывается на взаимодействии между двумя лексическими значениями, реализованными в одном контексте.

- В третью группу входят устойчивые словосочетания и их взаимодействие в рамках контекста [1, с.51]

Также И.Р. Гальперин внимательно рассматривает группу синтаксических средств выразительности, выделяя в ее рамках несколько подгрупп:

1. Тропы, в рамках которых сопоставляются отдельные части высказывания (например, параллельные конструкции, повтор, антитеза).

2. Тропы, которые основываются на типе связи частей предложения (например, асиндетон и полисиндетон).

3. Тропы, основывающиеся на использовании разговорных конструкций (например, эллипсис, апозиопезис) [1, с.53].

Важно отметить, что данная классификация является в настоящее время одной из самых известных, но тем не менее даже она вызывает некоторую критику. Как правило, замечания исходят из трудностей отнесения стилистических приемов в определенную группу. То есть, например, антитезу можно трактовать в качестве тропа как на уровне лексики, так и синтаксиса.

Рассмотрев различные классификации тропов и приняв за основу классификацию И.Р. Гальперина, мы можем сказать, что троп или выразительное средство – это слова и выражения, используемые в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи.

При анализе стихотворений сборника Пабло Неруды «Двадцать поэм любви и одна песня отчаянья» нами было выделено 211 образных средств. Среди них наиболее представленными являются лексические средства: эпитет, сравнение, синекдоха, олицетворение, оксюморон, метафора, лексический повтор и градация.

Опираясь на теоретическую базу И.Р. Гальперина, мы составили сводную таблицу используемых Пабло Нерудой тропов (табл. 1). Она отображает наличие и количество средств выразительности в рассмотренных поэтических текстах.

Таблица 1. Классификация средств выразительности в поэзии Пабло Неруды

Лексические средства	Синтаксические средства	Фонетические средства
Эпитет	Противопоставление	Анафора
Сравнение	Парцелляция	Аллитерация
Синекдоха	Параллельные конструкции	
Олицетворение	Инверсия	
Оксюморон	Градация	
Метафора		
Лексический повтор		

Наименее представленной группой тропов в рассмотренном нами материале являются фонетические средства выразительности. Например, анафора «Para mi corazón basta tu pecho, para tu libertad bastan mis alas»; аллитерация «sola en lo solitario». По нашему мнению, небольшое количество фонетических средств выразительности обусловлено отсутствием рифмы, ввиду того, что поэзия сборника представлена в виде верлибра. Стоит отметить, что, согласно классификации И.Р. Гальперина, рифма также является тропом из фонетической группы. Мы считаем, что отсутствие большого количества фонетических выразительных средств связано с тем, что лиричность текстов Пабло Неруды заложена именно в лексической составляющей.

Синтаксические средства выразительности представлены противопоставлением «del sol cae un racimo en tu vestido oscuro», парцелляцией «Ámame, compañera. No me abandones. Sígueme. Sígueme, compañera», параллельными конструкциями «Era la sed y el hambre, y tú fuiste la fruta. Era el duelo y las ruinas, y tú fuiste el milagro», инверсией «Cuerpo de mujer mía», градацией «Cantar, arder, huir».

Среди лексических средств выразительности особое место занимает метафора, при этом метафоры автор, как правило, использует развернутые, то есть одна метафора является сложной конструкцией из других метафор, и они перетекают друг в друга.

Пример этому мы можем найти в девятнадцатом стихотворении сборника в строках: “Tú juegas con el sol como con un estero y él te deja en los ojos dos oscuros remansos”. В начале строфы следует метафора “Tú juegas con el sol”, где игра с солнцем является метафорическим художественным образом, затем посредством сравнения

она перетекает в следующую метафору “él te deja en los ojos dos oscuros remansos”, где солнце является уже не центром метафорического образа, а скорее его посредником.

В ходе анализа всех стихотворений сборника были выявлены некоторые схожие черты ряда метафор, на основании чего мы составили классификацию данных тропов. В ее основе лежат образы, заложенные в использованные автором метафоры. Мы выделили следующие группы:

1. метафоры, основанные на образах явлений природы, таких, как свет, туман, сумерки и так далее. Например: *sobre nuestras cabezas destorcerse los crepúsculos en abanicos girantes* или *corazón del viento*;

2. метафоры, основанные на образах растительного мира. Например: *las hojas recogían tu voz lenta y en calma* или *jacinto azul torcido sobre mi alma*;

3. метафоры, основанные на образах животного мира. Например: *Mariposa morena* или *Una gaviota de plata se descuelga del ocas*;

4. метафоры, основанные на образах абстрактных объектов, таких, как любовь, боль, тишина, одиночество и так далее. Например: *Escuchas otras voces en mi voz dolorida* или *silencio acosa mis horas perseguidas*;

5. метафоры, основанные на образах объектов материального мира. Например: *soltaré en delirio mi bandada de flechas* или *vestido de besos*.

Помимо классификаций метафор Пабло Неруды по предметным группам, мы также определили их количественное соотношение в проанализированных текстах (рис. 1).

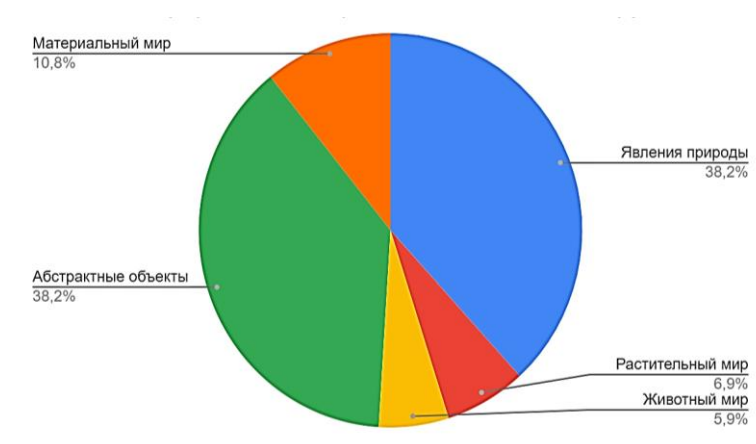

Рисунок 1. Количественное отображение метафор в поэзии Пабло Неруды

На этой диаграмме мы можем видеть, что наиболее употребляемые Пабло Нерудой метафоры связаны с абстрактными объектами и явлениями природы. Это дает нам основание полагать, что система образов автора в большей степени строится либо на связи с природой, либо перекликается с абстрактными понятиями. Чаще всего автор использует метафоры, связанные с солнцем, светом, морем или океаном и сумерками (в рамках группы метафор явлений природы). А также одиночество, тишина и душа (в рамках группы метафор абстрактных объектов). Такая система образов, особенно в любовной лирике, к которой принадлежит рассмотренный нами сборник, придает текстам Пабло Неруды особую возвышенность, несмотря на простоту формы изложения и синтаксические структуры.

Кроме того, стоит отметить, что в каждом из рассмотренных стихотворений автор использует обращение, и присутствует некоторый абстрактный образ женщины, к которой обращены строки. Примечательно, что с ее образом автор, как правило, связывает метафоры, в которых есть слова “sol”, “amor”, “corazón” “mar” “tierra” и так далее, то есть те, которые подчеркивают красоту, женственность или любовный интерес. Например: *Cuerpo de mujer, blancas colinas, muslos blancos, te pareces al mundo en tu actitud de entrega.*

В то же время лирического героя, которого автор явно ассоциирует со своей личностью, он описывает при помощи метафор со словами “soledad”, “ausencia” “Pover” и так далее. Иначе говоря, к себе Неруда относит слова с пессимистичной окраской. Таким образом, он выстраивает четкую иерархию своих персонажей, где есть некая прекрасная, сравнимая по красоте с природой, но недостижимая она и он, одинокий, тоскующий, желающий отдать ей всего себя. Например: *Sobre mi corazón llueven frías corolas.*

Завершая исследование, мы делаем вывод, что выбор образных средств Пабло Нерудой весьма разнообразен. Во многом он обусловлен построением самих стихотворений автора. Мы выяснили, что за счет распространенности верлибра в поэзии автора, наиболее часто встречающимися образными средствами стали лексические. Синтаксические и фонетические также были обнаружены в рамках нашего исследования, однако в значительно меньшем количестве, чем лексические.

Основное внимание мы уделили изучению метафор, которые среди лексических образных средств были наиболее представленными. Мы распределили их по пяти группам согласно предметной принадлежности на метафоры, основанные на образах явлений природы, метафоры, основанные на образах из животного мира, метафоры, основанные на образах объектов материального мира, метафоры,

основанные на образах растительного мира и метафоры, основанные на образах абстрактных объектов. Помимо классификации, нами была представлена диаграмма, которая отражает количественное соотношение метафор каждой из выявленных групп.

Также мы выяснили, что при помощи собственной системы образов, Пабло Неруда выстраивает характер своего лирического героя и некой абстрактной женщины — его объект любви. Кроме того, путем подобной системы образов автор прописывает и характер отношений между ними.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Ногейра Х. Учебное пособие по стилистике испанского языка (на исп. языке). – М.: МГПИИ им. Мориса Тореза, 1970. – 139 с.
3. Петровский. Троп // Словарь литературных терминов. Т. 2. – 1925 (текст) [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-9841.htm> (дата обращения 20.01.2023).
4. Bohorques Marchori, G. (2012). La imagen de la mujer en la poesía amorosa de Pablo Neruda [Tesis doctoral, Universidad Europea de Madrid]. ABACUS Repositorio de Producción Científica. [Электронный ресурс]. – URL: <http://hdl.handle.net/11268/1329> (дата обращения 23.10.2022).
5. Pablo Neruda: lo lírico como reflejo del individuo sufriente en búsqueda constant del misterio creador. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0718-22952004000200008 (дата обращения 23.03.2023).
6. Veinte poemas de amor y una canción desesperada (1924) | Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/veinte-poemas-de-amor-y-una-cancion-desesperada-1924/> (дата обращения: 29.01.2023).

УДК 811.133.1

Бельская Т.И. Текстовая онлайн-трансляция как один из жанров спортивного дискурса

Бельская Татьяна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский международный университет, РФ, г. Москва
tbelskaya@mail.ru

Online live commentary as one of the genres of sports discourse

Belskaya T.I.

PhD in Philology, associate professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается место текстовой онлайн-трансляции среди традиционных жанров журналистики, в частности, телевизионного комментария и радиорепортажа; описана её структура и выявлены её характеристики на материале онлайн-репортажей об автомобильных соревнованиях в классе «Формула 1», опубликованных во франкоязычных электронных средствах массовой информации. Предпринята попытка проанализировать синтаксические, лексические и стилистические особенности текстовой трансляции на французском языке.

Ключевые слова: текстовая онлайн-трансляция, репортаж, спортивный дискурс, жанр, Интернет

Abstract. The article deals with the characteristics of online live commentary and its place among the genres of journalism, namely television commentary and radio reporting. It analyses the structure, the characteristics and the particularities of French online commentary of race week-ends of Formula 1. An attempt has been made to analyse the syntactic, lexical and stylistic features of the online live commentary.

Keywords: online live commentary, text analysis, sports discourse, genre, Internet

Интернет стал одним из основных источников информации современного человека: по оперативности появления новостей он уверенно опережает печатную прессу и конкурирует с другими масс-медиа, предоставляя новую площадку для традиционных жанров журналистики. Так на базе репортажа и комментария появился новый жанр – текстовая онлайн-трансляция, получившая наибольшее распространение в период пандемии и вызвавшая интерес лингвистов. Анализу текстов онлайн-репортажей посвящены исследования А.В. Белозерцева, Я. Хоффманновой, К.В. Голубиной, М.А. Чекуновой, Г.Н. Гумовской, А.А. Чухно и других.

Под текстовой онлайн-трансляцией лингвисты понимают «последовательное изложение событий с места проведения какого-либо общественного мероприятия: церемонии, официальной встречи, спортивного состязания и т.п.» [1]. По своим

целям и задачам этот жанр близок к телевизионному комментарию и радиорепортажу. В отличие от телевизионного репортажа, текстовая онлайн-трансляция не имеет видео сопровождения или обладает минимальной визуальной опорой (инфографика, фотография или короткое видео). В связи с этим ведущую роль в онлайн-трансляции играет информационная функция, что влияет на манеру подачи информации и сближает этот жанр с радиокомментарием. По данным Дж. Ризера [3], «в телерепортаже приблизительно 20% информации приходится на визуальный ряд, в то время как радиорепортеры для создания эффекта присутствия, вынуждены включать в репортажи как существенную информацию, так и детали». Наличие визуальной опоры также влияет на содержание репортажа: телекомментатор может сконцентрироваться на анализе и оценке соревнования, в то время как радиожурналист в первую очередь должен рассказать о происходящих событиях, анализируя их лишь во время перерыва в соревнованиях.

Текстовая онлайн-трансляция занимает промежуточное положение между телевизионным и радиокомментарием, сочетая их характеристики с особенностями коммуникации в виртуальном пространстве. Среди характеристик текста онлайн-трансляции выделяют: цельность и связанность, обратную последовательность расположения сообщений на странице (наиболее свежая информация располагается в начале текста), наличие иллюстраций и графических символов, выполняющих функцию языковой экономии, а также наличие случаев нарушения орфографических норм языка. [1]. Задача сообщения текстовой трансляции – в максимально сжатый срок дать наиболее полную картину происходящего. Оно должно быть кратким, информативным и при этом эмоциональным.

В данной статье мы рассмотрим особенности текстовой онлайн-трансляции гоночных уик-эндов Формулы 1. Предметом исследования послужили 20 текстовых трансляций квалификаций и гонок на франкоязычных сайтах L'auto-journal avec F1i [10] и F1only [11]. Средний объем одной трансляции с учетом визуальной информации – 20 страниц. Средний объем текста – 7500 знаков.

Текст онлайн-репортажа имеет трехчастную структуру, где центральное место занимает спортивное событие. Вступление состоит из приветствия, краткой информации о событии (место и время соревнования, положение гонщиков на стартовой решетке), а также о факторах, способных повлиять на ход борьбы (информация о погодных условиях, о шинах и возможных вариантах стратегии). Кроме того, во вступлении к трансляции могут быть продублированы важные и срочные новости (например, информация о штрафах или каких-либо технических

неполадках), а также сведения о количестве зрителей на трибунах – для создания атмосферы и достижения эффекта присутствия на автодроме.

Основная часть текстового комментария представляет собой рассказ о ходе событий на трассе, о переговорах гонщиков с командой, о новостях, появляющихся по ходу соревнования. При этом информация не всегда дается в хронологическом порядке, что создает определенную интригу. Например, сообщение о какой-либо опасной ситуации на трассе может начинаться с реплики «Drapeau jaune», за которой следует причина желтых флагов: «Stroll en panne» [11]. Такая подача информации привлекает внимание и вызывает интерес читателя, но может быть также связана с техническими особенностями соревнования, когда требуется время, чтобы узнать детали произошедшего.

Если на трассе нет активной борьбы, то комментатор напоминает о статистике выступлений и рассуждает о ходе событий, например: «Je vous rappelle que la course dure 50 tours ici à Djeddah» [11]. Подобные комментарии могут быть безличными («Si les positions en course n'évoluent plus, Red Bull Racing passerait devant Mercedes au championnat des constructeurs. Les Flèches d'argent perdraient ainsi leur première place: ce serait inédit depuis l'arrivée des V6 turbo hybrides en F1 en 2014!» [10]) либо сформулированными от первого лица. Например: «Je pense que l'on va arrêter Perez très bientôt», «Je ne vois pas comment Alonso va faire pour résister à l'attaque à venir de Verstappen» [11]. Таким образом, комментатор выступает в качестве эксперта и вовлекает читателя в диалог. Примечательно, что подобные реплики обычно делают приглашенные эксперты – бывшие гонщики, либо сам журналист при условии, что у читателя есть технические возможности ответить на это сообщение.

В заключительной части текстового комментария подводится итог соревнования и дается ссылка на репортаж о событии. Комментатор также благодарит за внимание, анонсирует следующий этап чемпионата и рекламирует издание, где будут опубликованы материалы о прошедшем событии. Иногда в текстовую трансляцию могут быть добавлены наиболее важные новости, повлиявшие на итоги сессии: как правило, это информация о штрафах или об апелляции на результаты соревнования.

Технические возможности сайтов позволяют некоторым изданиям включать в текстовую трансляцию сообщения из социальных сетей или наиболее яркие фотографии и видео, создавая тем самым эффект присутствия читателя на автодроме. Цитаты постов из социальных сетей реализуют информационную и развлекательную функции, а публикация изображения или видео – функцию языковой экономии, ведь

грамотно подобранная фотография способна заменить словесное описание. Например, в рассказе о Гран При Монако 2022 года комментатор опубликовал перед стартом фотографию из боксов команды Ferrari, на которой один из гонщиков с грустью смотрит на разобранную машину, где возникли технические неполадки. Эта картинка была подписана «Une image vaut mille mots» [10].

Функция привлечения внимания реализуется также с помощью графических средств выделения сообщения об особо важных событиях. Как правило, с этой целью журналист меняет размер шрифта («ABANDON DE VALTTERI BOTTAS!» [11]), выделяет курсивом прямую речь («*Perte de puissance, perte de puissance!*», *crie Valtteri Bottas à la radio*) [11]), с помощью цвета обращает внимание на сообщения о событиях, способных повлиять на ход гонки (новость о появлении на трассе автомобиля безопасности может быть написана на желтом фоне).

Особенностью французского информационного комментария является использование эмодзи. Например, сообщение об аварии Карлоса Сайнса «SAFETY CAR: Sainz a tapé» [10] сопровождается двумя символами сильного удара; новость о приостановке сессии «Drapeau rouge» [10] выделена изображением двух красных флагов по обеим сторонам комментария. Подобные знаки либо дублируют вербальную информацию, либо выражают оценку комментатора. Так, реплика «Départ assez incroyable de Stroll! Parti P18, il est désormais P11» [10] сопровождается знаком аплодисментов, что говорит о восхищении журналиста мастерством гонщика. В использовании эмодзи проявляется связь текстовой онлайн-трансляции с общением в социальных сетях или мессенджерах.

Среди синтаксических особенностей этого жанра следует отметить преобладание назывных предложений, например, «Leclerc meilleur temps devant Alonso» [10]. Это можно объяснить описательным характером текстового репортажа, а также тенденцией к языковой экономии, которая проявляется в эллипсисе глаголов во фразах типа «Oson au stand», «Sainz P9» [11]. Довольно распространенной является конструкция «существительное + pour + существительное» во фразах типа «Contact avec l'intérieur du mur pour Norris» [11]. Такое построение предложения позволяет кратко, но максимально информативно сформулировать мысль, а также выделить событие, акцентируя на нём внимание.

С целью экономии средств комментаторы прибегают к эллипсису служебных частей речи, например, «Classement Q2» [11] вместо «Classement de Q2», «Frayeur pour Sargeant qui a perdu sa Williams» [10], вместо «Une frayeur pour Sargeant...».

Для привлечения внимания в одной реплике комментария могут использоваться восклицательные и вопросительные предложения. Например, «Perez derrière Alonso! La pole pour Fernando?» [11] В основном подобные комментарии представляют собой риторические вопросы или рассуждения журналиста. Кроме того, восклицательные предложения служат средством передачи эмоций. В примере «Oh, le chrono de Verstappen!» [11] видно, что комментатор выражает восхищение результатом Макса Ферстаппена, опередившего соперников в квалификации более, чем на секунду.

Эмоциональные комментарии могут быть максимально ёмкими, выраженными одним междометием. Например, описывая фотографию машины, получившей незначительные повреждения после контакта с ограждением трассы, комментатор пишет короткую реплику «Oups!» [10], подшучивая над гонщиком, допустившим ошибку.

В начале и в конце онлайн-трансляции часто используются побудительные предложения, обращенные к читателю. Например: «Bonsoir et bienvenue pour suivre les qualifications du Grand Prix d'Arabie saoudite, deuxième manche du championnat du monde 2023 de Formule 1, via notre live commenté. Soyez présents!» [10] Употребленные в начале текстовой трансляции, они настраивают читателя на предстоящий рассказ о соревновании.

В завершении онлайн-трансляции часто используются предложения, выражающие «призыв к действию». Например, «Continuez à suivre l'actualité de la F1 sur [адрес сайта]» [11]. Подобные фразы выполняют функцию рекламы информационного ресурса или анонса новой трансляции.

Сообщение в онлайн-репортаже может прерываться многоточием, что создает интригу за счет небольшой паузы в подаче информации. Например, в описании одной из квалификационных сессий комментатор рассказывает о выбывших из дальнейшей борьбы гонщиках следующим образом: «Et les éliminés sont... Nico Hulkenberg, Guanyu Zhou, Kevin Magnussen» [11]. Такое построение предложения не только пробуждает любопытство читателя, но и создает иллюзию на вручение престижной премии.

Рассуждая о лексических особенностях спортивного дискурса, многие исследователи отмечают обилие терминов того или иного вида спорта. Тексты на гоночную тематику отличаются наличием не только спортивных, но и автомобильных терминов («les pneus durs / les pneus tendres» – «жесткий или мягкий состав резины», «la boîte de vitesses» – «коробка передач», «le tour de chauffe» – «прогревочный круг», «le stand» – «боксы команды»). Рассматривая структуру терминологической системы

автоспорта, А.С. Кобыскан различает термины, относящиеся к внешней и к внутренней организации соревнования, а также выделяет в отдельную группу окологоночные термины, имеющие отношение к технологическим исследованиям [4].

Наиболее употребительными в текстовом информационном комментарии являются термины, обозначающие элементы соревнования, виды нарушений, системы сигналов (внутренняя организация соревнования), а также названия экипировки участников, элементов автомобиля и инфраструктуры (внешняя организация соревнования).

Многие термины заимствованы из английского языка, что связано с тем, что «английский язык выступает базовым для международной спортивной терминологии вообще и автогоночной в частности». [4, с.19]. Во франкоязычных текстах посвященных автоспорту встречаются буквальные заимствования («l'undercut» – «подрезка», т.е. вариант стратегии, когда можно опередить соперника за счет более раннего пит-стопа; «le DRS» от английского «drag reduction system» – система, позволяющая снизить лобовое сопротивление). Однако наряду с англицизмами используются французские аналоги: «la voiture de sécurité» / «safety car», «le stand» / «le box», «écraser» / «crasher».

Примечательно, что под влиянием английского языка в текстовом комментарии часто употребляются сокращения P1 (P2, P3...) для обозначения позиции гонщика; Q1 (Q2, Q3) для обозначения сессий квалификационных заездов, а также наречие «out» в значении «вне игры»: «Avec Lance Stroll et Antonio Giovinazzi out, la question est de savoir qui sera le cinquième pilote en plus des deux Haas à ne pas aller en Q2» [10].

Помимо терминов, комментаторы активно используют жаргонизмы «chausser les pneus tendres» («поставить мягкую резину»), «faire son entrée dans les points» («попасть в очки»), «trouver une ouverture pour passer un pilote» («найти калитку, чтобы совершить обгон»). Подобные жаргонизмы заимствованы в основном из речи гонщиков. Их употребление в текстовом онлайн-репортаже позволяет сократить дистанцию между спортсменом и читателем, а также погрузить адресата трансляции в атмосферу гоночного уик-энда. Таким образом, комментатор становится посредником между гонщиком и болельщиком, а текстовая трансляция, наряду с другими журналистскими жанрами – одним из путей попадания гоночных терминов и жаргонизмов в разговорную речь.

Имеет место также обратный процесс, когда разговорная лексика проникает в текстовую трансляцию. В качестве примера можно привести употребление глагола «se louper» во фразе «Sainz s'est loupé» [11] вместо нейтрального глагола «se tromper». Еще одним примером употребления разговорной лексики является использование глагола «dégringoler» в значении «очень быстро потерять позиции» во фразе «Daniel Ricciardo dépasse Esteban Ocon, qui dégringole à la septième place» [10]. Использование разговорной лексики сближает онлайн-трансляцию с устным общением и, в частности, с перепиской в социальных сетях. Кроме того, это сокращает дистанцию между комментатором и читателем и создает определенную общность.

Большая свобода выражения дает больше возможностей использования экспрессивных средств. К ним можно отнести эпитеты, оценочные фразеологизмы и метафоры.

В текстовой трансляции эпитеты выполняют двойную функцию. С их помощью комментатор дает оценку спортсменам, машинам, командам, результатам и т.д., например, «excellent départ de Max Verstappen», «une décevante septième place» [10], «sa modeste [voiture] Haas», «fantastique Чехо» [11]. Однако, употребленные для характеристики событий, происходящих во время сессии, эпитеты выполняют также рекламную функцию. Например, сочетания «une bagarre somptueuse», «une séance qualificative bien animée», «la fin de course va être chaude», «arrêt totalement calamiteux» [10] вызывают желание после завершения трансляции вернуться на сайт и прочитать комментарии действующих лиц – гонщиков и представителей команд об их работе по ходу сессии и о возникших проблемах.

Метафоры, используемые в текстовой трансляции, можно разделить на несколько семантических групп:

1. война и борьба: «rendre les armes», «les gros bras», «la bagarre pour la gagne» [10], «arracher le meilleur temps», «s'emparer d'un point», «lâcher du terrain» [11];
2. смерть: «être à l'agonie», «la boîte de vitesse est morte» [11];
3. риск: «se mettre à l'abri», «tenter le pari de passer en Q3 avec des [pneux] médium», «se faire piéger par un drapeau jaune» [11].

Чтобы подчеркнуть остроту борьбы комментатор часто использует образные выражения «être dans les échappements / la boîte de vitesse / les rétros» [10, 11] для передачи ситуации, когда гонщик вплотную преследует соперника. В таком же контексте могут использоваться выражения «rester au contact de qn», «grapiller le temps» [11]. Подобные выражения позволяют удерживать внимание читателя, ожидающего развязки сражения.

Наряду с эпитетами метафоры дают глобальную характеристику соревнованию или выступлению спортсмена, или команды и выполняют оценочную функцию. В качестве примера можно привести следующие комментарии: «C'est le jour et la nuit entre les deux McLaren» [10], «Une journée noire pour Mercedes» [11].

Примечательно, что в текстовой трансляции метафоры могут употребляться вместо названия команд или гонщиков, например, «les Flèches d'argent» вместо Mercedes, «le petit Prince» вместо Шарля Леклера [10].

Подводя итог анализу, следует отметить, что текстовая онлайн-трансляция является самостоятельным жанром спортивного дискурса, обладает определенной структурой и может принимать форму диалога с читателем. Она выполняет информационную, оценочную и рекламную функции, что определяет выбор выразительных языковых средств – в основном, эпитетов и метафор. Текстовая онлайн-трансляция характеризуется взаимопроникновением устной и письменной речи, что, наряду с частым использованием эмодзи и графических средств выделения информации, сближает её с коммуникацией в социальных сетях.

Список литературы

1. Белозерцев А.В. О специфике текста онлайн-трансляции // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2010 №3 С.23-29. Hoffmannova Jana Лингвистические аспекты спортивного дискурса в чешском медиaprостранстве: методология анализа спортивных онлайн-репортажей // Terra Linguistica. 2020. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-aspekty-sportivnogo-diskursa-v-cheshskom-mediaprostranstve-metodologiya-analiza-sportivnyh-onlayn-reportazhey> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Голубина К.В. Онлайн письменный футбольный инфокомментарий как продукт многоплановой гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №19 (758). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-pismennyy-futbolnyy-infokommentariy-kak-produkt-mnogoplanovoy-gibridizatsii> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Кобыскан А.С. Автоспортивная лексика и терминология: аспекты функционирования: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 24 с.
4. Чухно А.А., Кудряшова А.Н. Стилистические особенности англоязычного спортивного онлайн-комментария // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №9-2 (87). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-sportivnogo-onlayn-kommentariya> (дата обращения: 20.03.2023).

5. Чекунова М.А. Текстовая онлайн-трансляция в политическом цифровом медиадискурсе: инновация жанра // Меди@льманах. 2022. №1 (108). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovaya-onlayn-translyatsiya-v-politicheskom-tsifrovom-mediadiskurse-innovatsiya-zhanra> (дата обращения: 20.03.2023).
6. Гумовская Г.Н., Никонов А.А. Диктемная структура футбольного репортажа // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2021. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diktemnaya-struktura-futbolnogo-reportazha> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Борытко А.Н. Коммуникативная ясность спортивного комментария: автореф. дисс.... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 26 с.

Список источников

8. Petit Robert: Dictionnaire de la Langue Française 2020. Paris: Robert ED LE, 2019. 2880 p.
9. F1i avec L'auto-journal. Режим доступа: <https://f1i.autojournal.fr/> (дата обращения 20.03.2023)
10. F1only. Режим доступа: <https://f1only.fr> (дата обращения 20.03.2023)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Абрамова У.К. Дискурсивные когнитивные аттракторы в политических высказываниях Маргарет Тэтчер (на материале речи М. Тэтчер «Britain Awake»)

Абрамова Ульяна Константиновна

магистрантка кафедры иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, РФ, г. Белгород
1500370@bsu.edu.ru

Discursive cognitive attractors in Margaret Thatcher's political comments (based on M. Thatcher's "Britain Awake" speech)

Abramova Ulyana Konstantinovna

Master's Degree student of the Department of Foreign Languages
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивные когнитивные аттракторы, используемые в политической речи Маргарет Тэтчер «Britain Awake». Определяются основные когнитивные аттракторы и другие характеристики выступления. Выявляется, что в данной речи преобладает проксемный аргументативный аттрактор.

Ключевые слова. Дискурс, политический дискурс, дискурсивные когнитивные аттракторы, аргументативные когнитивные аттракторы, когнитивные аттракторы

Abstract. The article deals with argumentative cognitive attractors and discursive cognitive attractors used in Margaret Thatcher's "Britain Awake" speech. The main cognitive attractors of the speech and its characteristics are shown in the text. It is determined that the most frequent cognitive attractor in "Britain Awake" is proximal argumentative attractor.

Keywords. Discourse, political discourse, discursive cognitive attractors, argumentative cognitive attractors, cognitive attractors

Введение

Публичные политические выступления Маргарет Тэтчер бесспорно представляют большой интерес для науки. Можно предположить, что почти каждая публичная речь Маргарет Тэтчер включает в себя множество речевых приемов, в частности когнитивных аттракторов, но в то же время имеет набор наиболее типичных для данной исторической личности.

Актуальность научной статьи обусловлена малой исследованностью речевых когнитивных аттракторов характерных для публичных политических выступлений Маргарет Тэтчер.

Для исследования заданной темы в первую очередь нужно понимать, что есть дискурс. Следует обратиться к лекции французского философа М. Фуко «Порядок дискурса».

В своей лекции ученый рассуждает о том, что такое дискурс, как он реализуется в обществе. Помимо основного понимания о том, что такое дискурс, Мишель Фуко утверждает: «Дискурс ведь - что и показал нам психоанализ - это не просто то, что проявляет (или прячет) желание, он также и то, что является объектом желания; и точно так же дискурс - а этому не перестает учить нас история - это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [1].

Опираясь на высказывание М. Фуко, можно утверждать, что публичные речи, слова, которые мы слышим, постоянно трансформирующиеся дискурсы играют огромную роль, так как они не только формируют взгляды, мнение слушателя, но также могут побуждать к определенным действиям.

Представляется очевидным, что политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях [2].

Важно отметить, что в отличие от других видов дискурса, политический дискурс, политическая речь всегда в первую очередь нацелена на формирование нужного, политически выгодного мнения, агитирует, склоняет к совершению того или иного действия. Политическое выступление направлено на очень широкую аудиторию, поэтому речь должна быть не только понятна сразу для всех слушателей, но и должна соответствовать общей системе ценностей адресата. Более того, эффективность политической речи определяется в том числе правильно подобранными словами, грамотным обращением к подсознанию адресата, к его чувствам и эмоциям, например, через образы [3].

По мнению ученых символы, образы, составляют основу культуры, отражают, а главное, формируют представления, ориентиры, задают развитие обществу. Именно через символ можно понять внутренние ориентиры человека, его внутренний мир и подсознание. Утратив символы, общество перестает быть единым, утрачивает ориентиры, культура теряет свое богатство. Символы бывают различных типов: религиозные, повседневные, политические, религиозно-художественные, художественные.

Более того, существуют персонифицированные символы, то есть личности, которые несут с себе культурные образы, могут быть даже олицетворением чего-либо.

Также персонифицированный символ ориентирован на некую группу людей, со схожими характерными чертами и ценностями [4].

Соответственно, можно утверждать, что Маргарет Тэтчер - это яркая, исторически значимая личность-символ, олицетворяющая образ «Железной леди», публичные выступления которой не только не остаются без внимания, но и формируют, и влияют на политический дискурс. Воздействие и эффективность политических речей повышает, дополняет и сама личность М. Тэтчер, ее образ бескомпромиссного и уверенного война может вызывать подсознательное уважение и серьезное отношение аудитории.

В дополнение следует вспомнить книгу Пьера Бурдьё «Экономическая антропология» [5]. Автор описывает идею о том, что любая дисциплина существует в виде некоего интеллектуального поля. Участники этого поля находятся на разных позициях и конкурируют между собой, стараясь использовать свои сильные стороны для достижения лидерства.

В книге автор выделяет понятие габитуса. Габитус определяет то, что похожие друг на друга участники будут всегда находиться рядом в интеллектуальном поле.

Основываясь на идее П. Бурдьё, можно утверждать, что несмотря на то что политическая речь направлена на максимально широкую аудиторию, все же в своих публичных выступлениях Маргарет Тэтчер обращается и ориентируется все же на определенную аудиторию, используя наиболее привлекательные и знакомые для нее когнитивные аттракторы.

Основная часть

Речевые когнитивные аттракторы представляют интерес для науки в первую очередь своей способностью влиять на восприятие слушателя, способностью обратить внимание выбранной аудитории на то, что хочет донести автор.

В научной статье «Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа» Е. А. Огнева выделила выявили следующие аргументативные аттракторы [6]:

- (1) темпоральный аргументативный аттрактор,
- (2) проксемный аргументативный аттрактор,
- (3) культурологически маркированный аргументативный аттрактор,
- (4) исторически обусловленный аргументативный аттрактор,
- (5) пейзажный аргументативный аттрактор.

Типы дискурсивных аттракторов представлены в статье Е.Ф. Серебряковой «Умная настройка» политического французского дискурса (на материале выступлений Ш. Де Голля) [7]:

- (1) аттракторы, апеллирующие к национальному коду культуры;
- (2) аттракторы, апеллирующие к национальной идентичности;
- (3) аттракторы, апеллирующие к патриотизму;
- (4) аттракторы, апеллирующие к свободе;
- (5) аттракторы, апеллирующие к чувству единения.

Дискурсивные аттракторы основаны на параметрах, формирующих механизм «продуцирования текста» [8, с. 84] в дискурсе, что ведет к дальнейшему развитию «когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе» [9, с. 313-338].

Исследование дискурсивных аттракторов взаимосвязано с понятием профессиональной личности, понимаемой как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека» [10, с. 15]. В модели профессионального дискурса значима интерпретация дискурса как «с позиции определенного гендера» [11], так и с учетом условий «коммуникативной ситуации» [12, с. 84-85] и «тематической обусловленности» [13, с. 8], формируемой «внутренней ментальной деятельностью сознания» [14, с.105], что в целом требует учета «множества факторов» [15, с. 16] для создания «интерпретативной модели» [16, с. 1001].

Проведенный лингводискурсивный анализ выявил самые частые аттракторы, которые использует Маргарет Тэтчер в одном из своих публичных выступлений.

Для анализа была выбрана речь, которую произнесла Маргарет Тэтчер в Ратуше Кенсингтона в 1976 году. Данное выступление наглядно демонстрирует речевые приемы, которыми М. Тэтчер пользуется во многих публичных дискуссиях.

В первую очередь следует отметить активное апеллирование к эмоциям, контрастность данной речи. Автор чередует противоположные по смыслу и эмоциональному наполнению слова, что бесспорно удерживает внимание слушателя и оказывает сильное психологическое влияние. Анализируемые номинанты речи выделены полужирным шрифтом, курсивом и подчеркиванием:

Пример 1. THATCHER:

The first duty of any Government is to ***safeguard*** its people against external ***aggression***. To ***guarantee*** the ***survival*** of our way of life.

На протяжении всей речи часто используется культурологически маркированный аргументативный аттрактор, затрагивающий темы военной угрозы и

защиты, агрессора и жертвы, долга и стойкости. Прямое указание на эти темы вызывает у аудитории очень сильные чувства. Нельзя не отметить, что перечисленные темы отражены в культуре Британии и однозначно привлекают внимание слушателя.

Пример 2. THATCHER:

They don't seem to realise that ***the submarines and missiles*** that the Russians are building ***could be destined to be used against us.***

Six thousand Cuban ***regular soldiers are still there.***

They have one ***great advantage over us*** — the ***battles*** are being fought ***on our territory,*** not theirs.

В данной публичной речи Маргарет Тэтчер также неоднократно использует дискурсивный аттрактор, апеллирующий к свободе.

Пример 3. THATCHER:

We stand with that select body of nations that believe in ***democracy*** and social and economic ***freedom.***

Let's ensure that our children will have cause to rejoice that we did not forsake their ***freedom.***

But it is one that we must be willing to bear if we want our ***freedom to survive.***

We look to our alliance with American and NATO as the main guarantee of our own ***security*** and, in the world beyond Europe, the United States is still the prime champion of ***freedom.***

Выступление Маргарет Тэтчер в Ратуше Кенсингтона содержит очень много когнитивных аттракторов. Можно привести в пример и дискурсивный аттрактор, апеллирующий к чувству единения (It is a time when ***we*** urgently ***need*** to strengthen ***our*** defences), и исторически обусловленный аргументативный аттрактор (***Throughout our history,*** we have carried the torch for freedom). Однако самым частым аттрактором в данной речи является проксемный аргументативный аттрактор.

Пример 4. THATCHER:

Military men are always warning us that the strategic balance is tilting against NATO and ***the west.***

I am going to visit our troops in ***Germany*** on Thursday. I am going at a moment when the Warsaw Pact forces—that is, the forces of Russia and her allies—***in Central Europe*** outnumber NATO's by 150,000 men nearly 10,000 tanks and 2,600 aircraft.

Still more serious gaps have opened up elsewhere—especially in the troubled area of ***Southern Europe and the Mediterranean.***

They have moved into the ***Indian Ocean***. They pose a rising threat to our ***northern waters*** and, ***farther east to Japan's vital sea routes***.

Благодаря данному аттрактору речь производит более серьезное впечатление на слушателя, так как она звучит аргументированно, имеет конкретные примеры и указания. Обилие проксемного аргументативного аттрактора создает автору образ грамотного, уверенного человека, что может повышать его экспертность в глазах аудитории. Можно предположить, что в том числе благодаря частому использованию проксемного аргументативного аттрактора, выступления М. Тэтчер всегда звучат убедительно.

Выводы

В ходе исследования речевых особенностей Маргарет Тэтчер очевидным становится яркая эмоциональность ее выступлений, обилие разнообразных когнитивных аттракторов, частое использование слов, апеллирующих к культуре и истории, к ощущению единства среди граждан Великобритании.

Речи Маргарет Тэтчер однозначно привлекают и удерживают внимание, производят сильное впечатление на слушателя, что бесспорно делает политика интересным и эффективным оратором.

Список литературы

1. Фуко М. Порядок дискурса. Лекция [Электронный ресурс:]. // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 15.01.2023)
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс:]. // URL: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_l_l_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf (дата обращения: 16.01.2023)
3. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. - М., 2002. - С.32-43.
4. Шумихина Л.А., Николаев Р.М. Метафизические смыслы персонифицированных символов культуры Древней Руси: история и современность [Электронный ресурс:]. // Уральский Федеральный университет. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41322/1/iurp-2016-153-19.pdf?ysclid=ldhfl2ewz8960150770> (дата обращения: 19.01.2023)
5. Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) [Электронный ресурс:]. // URL: <https://djvu.online/file/uxWGztaZTStFx> (дата обращения: 22.01.2023)
6. Огнева Е.А. Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа (на материале триумфальной речи по случаю победы на президентских выборах) // Филологический аспект. – 2018. – № 12. – С. 100.

7. Серебренникова Е.Ф. «Умная настройка» политического французского дискурса (на материале выступлений Ш. Де Голля) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 104.
8. Жирова И.Г. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Дискурсивные практики в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2021. – С. 83-89.
9. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Стебунова К.К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 2. С. 313-338.
10. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: принципы и параметры лингвистического описания: Языки профессиональной коммуникации. Сб. ст. участников IV международной научной конференции. Ответственный редактор-составитель Е. Н. Квашнина. 2009. – С. 14-17.
11. Трофимова Н.А. Особенности построения мужского публицистического дискурса (на материале газеты "The New York Times") // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3 (34). – С. 247-255.
12. Ogneva E.A., Stepanova L.I., Chikovani T.V. Modeling of text and discourse worlds // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Т. 8. № 1. С. 79-92.
13. Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
14. Кушнерук С.Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 105-114.
15. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 14-31.
16. Ogneva E. A., Danilenko I. A., Kireeva Y. I., Kutsenko A. A. Interpretative model of linguacultural knowledge // The Social Sciences. 2015. Т. 10. № 6. С. 1101-1106.

УДК 81

Василенко А.П., Рыбакина В.С. Фразеологизмы с компонентом-гастрономимом «молоко», «масло» в отражении культурного кода французского и русского народов

Василенко Анатолий Петрович

доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
РФ, г. Брянск
a.p.vasilenko@mail.ru

Рыбакина Виктория Сергеевна

студентка 3 курса, кафедра французского языка, Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
rybakiny@gmail.com

Phraseological units with the component-the gastronym "milk", "butter" in the reflection of the cultural code of the French and Russian peoples

Vasilenko Anatoliy Petrovich

Doctor of Philology, Professor of the French Language Department
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Rybakina Victoria Sergeevna

3rd year student, Department of French
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Аннотация. В данной статье исследуются фразеологические единицы с субстантивными компонентами *молоко*, *масло*, которые в национальном коде французского и русского народов, согласно исследованию, содержат как положительное, так и отрицательное смысловое наполнение. Основное внимание в работе авторы акцентируют на гастрономические компоненты *молоко* и *масло*, которые, как думается, в подавляющем большинстве культур занимают особое место в питании человека, что и отражено во фразеологической картине мира. В качестве ключевого доказательства о первостепенности такого молочного продукта, как, например, *молоко*, указывается тот факт, что упомянутый вид продукта в гастрономическом коде культуре реализует витальную ценность, является единственным важным продуктом для поддержания появившегося на свет человека в первые дни жизни. Отсюда формируется денотативная сема 'облигаторности', а также коннотативная семантика негативного и позитивного отношения к образу *молока*, метафорически используемого во фразеологическом образе. Данное лингвокультурологическое исследование дополняется рассмотрением производного продукта *молока* – *маслом*. Гастрономим *масло* раскрывает, как правило, бенефициарную составляющую образа фразеологизма. В заключении выявляется коннотативная семантика французских и русских фразеологизмов с искомыми компонентами *молоко*, *масло*, говорится о том, что данные гастрономимы характеризуют возраст и опыт, также благополучие и удовлетворённость носителя языка.

Ключевые слова: коннотация, фразеологизм, компоненты: *молоко, масло*, лингвокультурология, гастрономический код культуры

Abstract. This article examines the main phraseological units with the components *milk, butter* in the national code of the French and Russian peoples, identifies both positive and negative connotations of these components for each of the cultures, and also conducts a comparative characteristic of these phraseological units in the framework of modern use. The gastronomic components of *milk* and *butter* occupy a special place in human nutrition, which is reflected in the phraseological picture of the world. As a key proof of the primacy of such a dairy product as, for example, *milk*, it is the only important product for maintaining a person born in the first days of life. The denotative seme of 'obligatoriness' is formed, as well as the connotative semantics of negative and positive attitudes to the image of *milk*. This linguoculturological study is supplemented by the consideration of a derivative product of *milk* named as *butter*. As a rule, *butter* reveals the beneficial component of the image of idioms. The study revealed the semantics of French and Russian phraseological units with the components *milk, butter* and revealed the national vision of age and experience, well-being and satisfaction.

Keywords: connotation, phraseology, components: *milk, butter*, linguoculturology, gastronomic culture code

Актуальность исследования заключается в изучении особенностей использования фразеологических единиц с компонентами *молоко, масло* в гастрономическом коде культуры русского и французского народов как неотъемлемой части их национального сознания.

Целью данной статьи является сравнительный анализ национального отношения к данным продуктам через призму фразеологических единиц, содержащих гастрономические компоненты *молоко, масло*.

В качестве **материала** были использованы толковые и фразеологические словари, актуальные сведения о национальном отношении французского и русского народов к *молочным продуктам*, являющимися частотными компонентами фразеологических единиц.

В ходе данного исследования авторы применили **метод** лингвокультурологической интерпретации фразеологизмов исследуемых языков (французский и русский).

Ничто не характеризует любой народ так, как его кухня. Под изучением национальной кухни понимается социальный феномен, выступающий проводником национальной самобытности [2, с. 172].

Национальная кухня представляет собой совокупность кулинарных обычаев, традиций, местных продуктов питания. С течением времени она подвержена трансформациям, но, тем не менее, оставляя неизменными собственные базовые (национальные) представления о приеме пищи [Там же].

Именно национальная кухня во многом определяет отношение к народу, его ценностям и традициям. Гастрономия является отражением культуры народа, даёт о нем первичное представление. Удовольствие от еды способствует распространению позитивного образа народа. [7, с. 111].

Так, Франция давно славится своей национальной кухней, а с 17 ноября 2010 года французская кухня была признана ЮНЕСКО нематериальным культурным наследием человечества. Именно поэтому иностранцы видят утонченность в качестве одной из главных черт, присущих любому французу [1, с. 21]. К слову сказать, *французский багет* признан всемирным гастрономическим наследием [9, электронный ресурс].

Напротив – русская кухня славится своей сытностью. Русский обед, состоящий из трёх блюд, создаёт черту гостепреимства в русском человеке для иностранца [Там же].

Стоит отметить, что развитие национальной гастрономии было бы невозможным без культурного взаимодействия народов, которое, несомненно, ведёт к появлению не только новых рецептов, но и языковых изменений, нашедших своё отражение в фразеологизмах.

В рамках данного исследования рассматривается один из продуктов первой необходимости – *молоко*, а также молочный продукт – *масло*, без которых не может обойтись подавляющее большинство национальных культур.

МОЛОКО (LAIT)

Молоко, как и *хлеб*, выступает символом здоровья: «Пейте, дети, молоко, будете здоровы!» – поётся в советском короткометражном мультфильме 1973 года «Кто пасётся на лугу?» В русской культуре также принято выражение *как кровь с молоком* – ‘о здоровом, крепком человеке’ [6, с. 196]. Стоит отметить, что во фразеологическом составе французского языка отсутствуют выражения с семей ‘здоровый’, ‘крепкий’.

Молоко – символ детского питания, нежности и молодых лет, представляет собой субстанцию для поддержания существа первых дней жизни. Консистенция *молоко* также может случить метафорическим названием в астрономии – Млечный путь. В сказках, например, аллегория *молочная река с кисельными берегами* становится символом изобилия [4, с. 625].

Неудивительно, что такой продукт, как *молоко*, ассоциируют с ‘незрелостью’ и ‘молодостью’, поскольку первой пищей любого новорождённого становится *молоко*. Например, русский фразеологизм *молоко на губах не обсохло* – ‘слишком молодой’, ‘неопытный’, *молокосос* – ‘незрелый’, ‘под чьей-либо опекой’ обычно используют с

укором в сторону неопытного человека, находящегося под родительской опекой [6, с. 4]. Другая русская фразеологическая единица *впитать с молоком матери* – ‘усвоить что-либо с рождения’ может описывать как положительные, так и отрицательные качества или знания человека любого возраста [6, с. 85] и др.

Во французском языке можно обнаружить прямые эквиваленты вышеперечисленным русским фразеологическим единицам: *si on lui pressait le nez il en sortirait du lait* (букв.: если зажать ему нос, из него вытечет молоко) – ‘слишком молодой’, *il a encore le lait sur les lèvres* (букв.: у него ещё молоко на губах) – ‘неопытный’, ‘незрелый’, *le blanc bec* (букв.: белый клюв) – ‘незрелый’, ‘под чьей-либо опекой’, *sucer avec le lait* (букв.: всасывать с молоком) – ‘усвоить что-либо с рождения’ [5, с. 87] и др.

Однако во французской фразеологии можно наблюдать иронический контекст при использовании рассматриваемых гастрономических компонентов: *le vin est le lait des vieillards* (букв.: вино – это молоко для стариков) – ‘удовольствие’. Данное значение также реализуется в следующих французских фразеологических единицах: *boire du petit lait* (букв.: выпить немного молока) – ‘наслаждение’, *bouillir du lait à qn* (букв.: вскипятить кому-то молоко) – ‘угодить кому-то’, ‘доставить удовольствие’, *vache de loin a assez de lait* (букв.: у коровы издалека достаточно молока) – ‘обманчивое счастье’ [5, с. 87] и др.

Наконец, компонент *молоко* обладает характерной только для французской фразеологии семой ‘неприятность’, ‘облигаторность’. К ней относятся следующие французские фразеологические единицы: *avalier qch doux comme lait* (букв.: проглотить что-то мягкое как молоко) – ‘принять что-либо не прекословя’, *avoir du lait sur le feu* (букв.: иметь молоко на огне) – ‘иметь срочное дело, от которого нельзя отказаться’, *casser le pot au lait* (букв.: разбить горшочек с молоком) – ‘разрушить мечты’, а также пословица *chat échadé craint l'eau froide* (букв.: обожжённый кот боится холодной воды) – ‘быть осторожным’, ‘перестраховываться’ [3, с. 17]. У данной поговорки существует русский эквивалент – *обжётся на молоке, дует на воду* со схожим значением [Там же].

МАСЛО (BEURRE)

Сливочное *масло* также играет особую роль как в русской, так и во французской культуре. Так, известная притча о двух лягушках Л.Н. Толстого повествует о том, как одной из них удалось выбраться из кувшина с *молоком*, взбив последнее в *масло*. Во французской же культуре *маслу* отведена особая роль в рецептах, особенно выпечке.

Стоит отметить, что большая часть французских фразеологизмов обладает семей 'счастье', 'удовольствие', 'лёгкость'. Среди них стоит отметить следующие: *battre son beurre* (букв.: взбить масло) – 'снимать сливки', 'брать лучшее', *c'est du beurre* (букв.: это масло) – 'проще простого', *entrer quelque part comme dans du beurre* (букв.: входить куда-то как в масло) – 'легко войти (о предмете)', *vouloir le beurre et le prix du beurre* (букв.: хотеть масла и приз в виде масла) – 'получить всё, ничего не давая ничего взамен' [5, с. 88] и др.

Напротив, среди всех фразеологизмов, содержащих компонент *масло*, был выявлен лишь один с семей 'счастье': *как сыр в масле кататься* – 'жить без забот' [6, с. 200].

Раньше *масло* считалось дорогим молочным продуктом, что также отразилось во многих фразеологизмах французского языка: *faire son beurre* (букв.: делать своё масло) – 'наживаться', *mettre du beurre dans les épinards* (букв.: положить масла в шпинат) – 'поправить финансовые дела', *ôter à qn son beurre* (букв.: снять с кого-либо масло) – 'лишить кого-либо дохода', *promettre plus de beurre que de pain* (букв.: обещать больше масла, чем хлеба) [5, с. 88]. Итак, вышперечисленные фразеологизмы позволяют определить ещё одну сему для гастрономического компонента *масло* – 'финансовый излишек'.

Однако стоит отметить наличие и отрицательной коннотации у данного фразеологического компонента. Так, во французском языке были изучены следующие фразеологические единицы: *ne pas inventer le fil à couper le beurre* (букв.: не изобретать проволоку для того, чтобы разрезать масло) – 'делать что-то бесполезное', *l'œil au beurre noir* (букв.: глаз в чёрном масле) – 'синяк под глазом', *être beurré* (букв.: быть масляным) – 'быть пьяным' [5, с. 89]. В русском языке были выявлены следующие фразеологизмы с негативным значением: *масло масляное* – 'переборщить', *кукиш с маслом* – 'ничего не получить' [8, с. 536]. Основными семами данного ряда фразеологизмов являются 'глупый', 'неприятность'.

Таким образом, вышперечисленные фразеологизмы и их значения позволяют говорить о том, что в гастрономическом коде русской и французской культур субстантивные компоненты *молоко* и *масло* транслируют, в основном, положительную семантику 'здоровый', 'молодой', 'богатый'. Из отрицательных коннотаций можно выделить 'излишек', 'незрелый', 'под чьей-либо опекой'.

Стоит отметить, что некоторые из вышперечисленных фразеологических единиц являются полными эквивалентными, что подтверждает культурную

идентичность (а в отдельных случаях – культурную интерференцию) между русской и французской нациями.

Наконец, исходя из денотативного значения устойчивых оборотов, в которые включаются искомые гастрономимы, можно заключить, что во французской и русской культуре компоненты *молоко* и *масло* обладают, в основном, положительной семантикой ‘молодой’, ‘приятный’, ‘удовольствие’, ‘финансовый излишек’, а также могут транслировать иронический контекст, создавая суппозитивные метафоры типа *молоко есть вино*.

Список литературы

1. Герасимова С. А., Дудорова Н.И. Роль французской гастрономии в культуре Франции // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. №3 (23). 55 с. — С. 20-24.
2. Егорова О.А. Парадигма кулинарии народа как важная составляющая материальной культуры (на материале русских сказок) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: «Открытое знание», 2021. №04 (72). 173с. — С. 164-172.
3. Иванченко, А. И. Французские пословицы и их русские аналоги / А. И. Иванченко. Изд. 2-е, испр. и доп. - СПб: КАРО, 2020. – 128 с.
4. Кравченко, А. И. Культура и культурология: словарь / Кравченко А. И. — Москва : Академический Проект, 2020. — 928 с.
5. Кумлева Т.М. Самая современная фразеология французского языка. — Астрель, АСТ, 2011. — 147с.
6. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 512с.
7. Павловская А.В. Национальная гастрономическая культура как фактор формирования позитивного образа страны // Язык, культура и "мягкая сила". Сборник научных трудов, 2018. — С. 105-113.
8. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008 — 878 с.
9. Французский багет стал наследием ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63876ec69a7947a48f8f5dd8> (дата обращения: 04.03.2023).

УДК 8; 811.11

Комарова Е.Ю., Буренкова С.А. Иноязычные термины в профессиональной лексике пищевой промышленности

Комарова Елена Юрьевна

канд. психол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Пензенский государственный технологический университет, РФ, г. Пенза
eykomarova@yandex.ru

Буренкова Снежана Алексеевна

студент, Пензенский государственный технологический университет, РФ, г. Пенза

Foreign-language terms in the professional vocabulary of the food industry

Komarova Elena Yurievna

Cand. Sci (Psychology), assistant professor of Foreign language department
Penza State Technological University, Russia, Penza

Burenkova Snejana Alekseevna

student, Penza State Technological University, Russia, Penza

Аннотация. По мере развития пищевой отрасли меняются или появляются новые термины, названия которых непосредственно связаны с процессами производства продуктов питания. В статье рассматриваются профессиональные термины в пищевой промышленности, заимствованные из иностранных языков. Основными способами пополнения терминов в данной сфере являются прямое заимствование и калькирование. В качестве исследовательского материала были выбраны названия оборудования, технологий приготовления и профессии, которые не имеют схожего перевода в русском языке.

Ключевые слова: иностранный язык, профессиональные термины, заимствования, пищевая отрасль, этимология.

Abstract. As the food industry develops, new terms change or appear, which names are directly related to the food production processes. The article discusses professional terms in the food industry borrowed from the English language. The main ways to replenish terms in this area are direct borrowing and «calquing». The names of equipment, cooking technologies and professions that do not have a similar translation in Russian were chosen as research material.

Keywords: foreign language, professional terms, borrowings, food industry, etymology.

Научно-технический прогресс в пищевой промышленности повлек за собой возникновение новых аппаратов и оборудования, технологий и процессов производства пищевых продуктов, а также названий новых профессий [3]. Большинство из них были переведены на русский язык, однако некоторые названия, которые можно перевести прямым способом или описательно, были целиком

заимствованы из иностранных языков, поскольку в процессе перевода не нашлось точного эквивалента [1].

Рассмотрим этимологию и модели образования некоторых терминов, обозначающих оборудование, процессы производства и профессии.

1. Оборудование:

«Миксер» (*mixer*: англ. *mix* - «смешивать» + суффикс *-er*): *Planetary mixers consist of a bowl and an agitator.*

В словарный состав в качестве бытового электрического прибора для смешивания ингредиентов слово вошло в середине XX века. До этого времени, приблизительно с XVII в., «*mixer*» обозначало работника, занимающегося смешиванием. В русском языке есть варианты перевода – «мешалка, смеситель», однако в кулинарии они не прижились [5].

«Меланжер» (*melanger*: фр. *mélange* - «смешивать»): *Chocolate melanger mixing raw ingredients.*

Впервые слово было введено в XIX в. с изобретением устройства для вальцевания сырья в производстве шоколада. В редких случаях в русском языке можно встретить перевод – «мельница» [7].

«Блендер» (*blender*: англ. «*blend*» - «сочетать, смешивать» + суффикс *-er*): *Countertop blenders are designed to mix, puree, and chop food.*

С 1872 г. «*blender*» обозначало человека или вещь, которые сочетаются. С 1942 г. – электрический прибор для измельчения продуктов, их взбивания [7].

«Слайсер» (*slicer*: англ. «*slice*» - «нарезать на части, кусочки»): *Slicers can be adjusted easily to cut slices of variable thickness.*

Слово «*slicer*» использовалось еще с конца XV в. и применялось для указания того, кто нарезает или что нарезают. В 1909 г. слово начало использоваться как механический прибор для нарезания продуктов питания, в частности для хлеба, яиц, колбасы и сыра. В русском языке существует варианты с переводом: для нарезания колбасы, сыра – «ломтерезка», для хлеба – «хлеборезка», для яиц – «яйцетерезка», которые относятся к изобретенному в 1909 г. прибору. Однако с изобретением электроприводных универсальных ломтерезок, в пищевой промышленности стали применять именно слово «слайсер» [5].

«Экструдер» (*extruder*: англ. «*extrude*» - «выталкивать»): *In addition, an auger extruder has the ability to remove unwanted macroscopic air voids within the moldable mixture.*

Экструдер, изобретенный в 30-е годы XX в., представляет собой машину, для получения изделий путем продавливания через формуемое отверстие. В состав русского словаря слово вошло в середине XX в. [7].

2. Процессы и технологии производства:

Конширование (*conching*: англ. «*conch*» - «раковина, ракушка» + окончание - *ing*): *Conching redistributes the substances from the dry cocoa that create flavor into the fat phase.* Это процесс длительного перемешивания шоколадной массы в конш-машине. Конш-машина получила своё название благодаря форме, напоминающей раковину морских улиток.

Карамелизация (*caramelization*: англ. *caramelize* – «кармелизовать» + суффикс -*tion*): *Like the Maillard reaction, caramelization is a type of non-enzymatic browning.* Это химический процесс преобразования сахаров при нагревании, в результате которого изделие приобретает сладкий вкус и темную окраску.

Темперирование (*tempering*: англ. «*temper*» - «приводить в надлежащее состояние» + окончание -*ing*): *The uniform sheen and crisp bite of properly processed chocolate are the results of consistently small cocoa butter crystals produced by the tempering process.* Это процесс многократного последовательного нагревания и охлаждения шоколада до его рабочей температуры.

Бланширование (*blanching*: англ. «*blanch*» - «отбеливать, мыть» + окончание -*ing*): *Blanching foods helps reduce quality loss over time.* Это процесс приготовления пищи путем кратковременной обработки кипятком или паром.

Поширование (*poaching*: англ. «*poach*» - «варить» + окончание -*ing*): *Poaching is often considered a healthy cooking method because it does not use fat for cooking or flavoring the food.* Поширование - это разновидность варки яиц и нежных сортов рыбы при слабом кипении при температуре 90-97°C. Приготовленные блюда называются пашот. В кулинарии данный термин впервые упоминается в конце XIV в., когда он был заимствован из старофранцузского слова «*poche*» («положить в карман») из-за особенности приготовления яиц-пашот, при котором яичный белок обволакивает желток, создавая своеобразный «карман» [6].

3. Профессии:

Шоколатые (*chocolatier*: испан. «*chocolate*» + окончание -*ier*): *Chocolatiers must understand the physical and chemical aspects of chocolate.* Данная профессия означает кондитера, изготавливающего шоколадные изделия.

Ремюер (*remuer*: фр. «*remuer*» - «шевелить»): *Remuer lowered the wine bottle.* Этот специалист встряхивает бутылки с созревающим шампанским, в процессе чего происходит избавление игристых вин от осадка.

Соммелье (*sommelier*: фр. «*sommier*» - «служащий, отвечающий за провизию»): *A professional sommelier also works on the floor of the restaurant and is in direct contact with restaurant patrons.* Сомелье специализируется на сервировке вина и других алкогольных напитков в процессе обслуживания гостей ресторана.

Бариста (*barista*: англ. «*bar*» - «бар» + окончание *-ist*): *Baristas generally operate a commercial espresso machine, and their role is preparing and pulling the shot.* Бариста занимается приготовлением и подачей кофе и кофейных напитков.

Фуд-стилист (*food-stylist*: англ. «*food*» - «еда» + «*stylist*» - «стилист, модельер»): *The role of the food stylist is to make the food look attractive in the finished photograph.* Данная профессия является новой и востребованной в настоящее время и означает специалиста по созданию композиций из продуктов и блюд, гастрономических натюрмортов [2].

Бесспорно, пищевая промышленность активно развивается: специалисты с интересом применяют новинки оборудования, осваиваются новые технологии и методы производства продуктов, появляются новые вакансии [4].

Что касается профессиональных терминов, то на основе выполненного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Богатыми источниками профессиональных терминов для пищевой промышленности являются английский и французский языки.

2) Названия оборудования чаще всего имеют модель образования слова: глагольная основа + суффикс *-er*.

3) Названия технологий и процессов при образовании терминов состоят из основы глагола + суффикса *-ing*.

4) Профессии можно перевести описательно.

Список литературы

1. Amitrova M. V. Impact of critical thinking on decision making and our everyday life // Языковые и культурные реалии современного мира: Материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Пенза, 29 апреля 2019 года / Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2019. – Р. 5-10.
2. Вельдина Ю. В. Филологические особенности немецких кулинарных рецептов в сравнении с русскими (на примере рецепта брецеля) / Ю. В. Вельдина, Е. А. Нелюбина // . – 2020. – № 64-5. – С. 10-14.
3. Куликова И. В. Информационные технологии как компонент учебного процесса на примере обучения иностранным языкам // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2017. – № 5-6(39-40). – С. 163-168.
4. Мягкова В. Ю. Формирование конкурентоспособности бакалавров в процессе профессионально-ориентированного взаимодействия с использованием иноязычной компоненты // Языковые и культурные реалии современного мир : Сб. материалов VII Всеросс. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 25 апреля 2022 года. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2022. – С. 137-140.
5. Онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page
6. Фарафонова К. А. Идиомы в современном английском языке // Языковые и культурные реалии современного мира: Сборник материалов V Всеросс. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 08–20 октября 2020 года. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2020. – С. 90-95.
7. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/>

УДК 8

Коротков П.А. Особенности перевода общественно-политической лексики

Коротков Павел Алексеевич

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков и коммуникативных технологий, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», РФ, г. Москва
Dysyndyst@gmail.com

Peculiarities of translation of socio-political vocabulary

Korotkov Pavel Alexeevich

Senior teacher of Department of Foreign Languages and Communication Technologies
National Research Technological University «MISIS», Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается специфика перевода лексики общественно-политического дискурса. В статье раскрывается значение таких понятий как дискурс, общественно-политический дискурс, переводческие трансформации. Статья содержит исследование основных лексических единиц, наиболее часто встречающихся в текстах на общественно-политическую тематику, а также анализ конкретных приемов, обеспечивающих эффективную и точную передачу англоязычных лексических единиц средствами русского языка.

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, приемы перевода, общественно-политическая лексика, общественно-политический дискурс, английский язык, русский язык.

Abstract. The article discusses the peculiarities of translating socio-political discourse's vocabulary. The article reveals the meaning of such concepts as discourse, socio-political discourse, translation transformations. It also contains the study of the main lexical units, which are often found in texts on socio-political topics, as well as an analysis of specific methods that ensure effective and accurate translation of English lexical units by the means of the Russian language.

Key words: translation, translation transformations, translation methods, socio-political vocabulary, socio-political discourse, English language, Russian language.

В настоящей статье исследуется специфика перевода лексических единиц общественно-политического дискурса с английского на русский язык. Актуальность исследования обусловлена значимостью, которую приобретают тексты общественно-политического дискурса в рамках текущих международных отношений. Англоязычные статьи, новостные сообщения, заметки, интервью и выступления деятелей на общественно-политическую тематику привлекают внимание не только специалистов в области международных отношений и представителей власти, но и значительного числа граждан, интересующихся изменениями, происходящими в зарубежных общественно-политических процессах. Как следствие, в настоящее время

наблюдается рост числа переводов текстов общественно-политического дискурса с английского на русский язык. Одной из ключевых особенностей общественно-политического дискурса является особая лексика, от адекватного и эквивалентного перевода которой зависит полнота и точность передачи англоязычного политического дискурса средствами русского языка.

В статье рассматриваются ключевые приемы перевода общественно-политической лексики. Изучение различных аспектов, влияющих на адекватность перевода, и переводческих приемов, обеспечивающих надлежащую передачу оригинальной лексики общественно-политической тематики средствами языка перевода, необходимо для понимания особенностей перевода общественно-политических текстов.

Исходя из цели статьи, были поставлены следующие задачи: рассмотреть понятие общественно-политический дискурс; выделить специфику лексического уровня общественно-политического дискурса; проанализировать особенности передачи общественно-политической лексики на примере перевода англоязычных политических статей на русский язык.

Теоретическую основу исследования составили работы Н. В. Гороховой, Т. А. ван Дейка, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Е. К. Павловой и других авторов, исследовавших общественно-политический дискурс и проблемы его перевода.

В ходе исследования использовались метод сплошной выборки, анализ и описание научной литературы, обобщение полученных данных, их сравнение, классификация лексических единиц англоязычного общественно-политического дискурса, а также метод контекстуального анализа и метод лингвокультурологического анализа. Материалом для исследования особенностей перевода общественно-политической лексики послужили три англоязычные статьи медийного общественно-политического дискурса, опубликованные в *The American Conservative* и *The National Interest*, и их переводы на русский язык.

Научная новизна исследования определяется выявлением актуальных приемов перевода англоязычной общественно-политической лексики на основе реальных примеров. Практическая значимость связана с тем, что данные статьи могут использоваться при изучении вопросов лингвистики и теории перевода и написании работ по смежным темам.

Ввиду интенсификации международных контактов на различных уровнях общественно-политический дискурс является предметом интереса представителей власти и жителей разных стран. От адекватного и точного перевода подобных текстов

(прежде всего, на лексическом уровне) может зависеть как развитие социальных и политических процессов, так и формирование общественного мнения.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в настоящее время в лингвистике отсутствует единое определение понятия дискурс и общественно-политический дискурс. Как правило, дискурс рассматривается в рамках трех основных точек зрения: как связный текст, как частный случай текста или как совокупность различных текстов [2, с. 90-91]. Одно из наиболее целостных определений дискурса представлено Т. А. ван Дейком, согласно которому дискурс является коммуникативным событием, происходящим между адресатом и адресантом с учетом определенных временных и пространственных рамок, а также вербальной и невербальной составляющих. Вербальная составляющая дискурса выражена текстом (в устной или в письменной форме). Невербальная составляющая выражена этногеографическими, социокультурными и психологическими факторами, определяющими ход дискурса. В результате дискурс рассматривается как актуальный речевой акт с соответствующей привязкой ко времени, а текст понимается как явление языковой системы [3, с. 8-9].

В соответствии с типологией дискурса, представленной В. И. Карасиком, выделяют личностно-ориентированный (бытовой и бытийный дискурс) и статусноориентированный виды дискурса. Статусноориентированный дискурс подразделяется на институциональный, т. е. коммуникация ведется в рамках социальных институтов, и неинституциональный (общение незнакомых людей). В свою очередь, в институциональном дискурсе выделяются экономический, общественно-политический, научный, военный, рекламный и иные виды дискурса, развитие которых зависит от сложности организации общественных институтов [4, с. 147].

В лингвистике также отсутствует унифицированное определение понятия общественно-политический дискурс. Согласно Т. А. ван Дейку, политический дискурс является особым видом коммуникации, в котором принимают участие разнообразные политические акторы. Данный подвид дискурса ограничивает отдельные тексты и коммуникацию в целом определенным политическим контекстом (т. е. коммуникация ведется только по общественно-политическим тематикам), моделями общения и целями политических акторов [8, с. 13-14]. Д. Е. Никулина пишет, что политический дискурс представляет собой институциональное общение, осуществляемое посредством особого подъязыка, характеризующегося общественно-политическими и социологическими терминами, фразеологией и стилистикой [6, с. 148]. Кроме того, ключевыми свойствами общественно-политического дискурса

считаются информативность, актуальность, реалистичность (т. е. повествование о реальных лицах и событиях), интертекстуальность, широкая доступность текстов, использование политкорректной лексики, воздействие на картину мира и сознание адресата [5, с. 43]. Общественно-политический дискурс может быть представлен институциональным политическим дискурсом (т. е. выступлениями и интервью политиков и общественных деятелей, официальными документами и публикациями органов власти и пр.); научным общественно-политическим дискурсом (т. е. научными публикациями); медийным общественно-политическим дискурсом, к которому относятся различные статьи, аналитические материалы, репортажи, заметки и публикации СМИ.

Е. К. Павлова рассматривает такое явление как глобальный политический дискурс, который развивается в рамках перевода текстов на общественно-политическую тематику на разные языки, что обеспечивает доступ носителям разных языков к одним и тем же общественно-политическим текстам. Тем самым, происходит распространение информации о социально-политических проблемах по всему миру и активизируется интерес граждан к политическим процессам, причем данный тип дискурса не ограничен одной языковой картиной мира и основную роль при его переводе играет коммуникативная эквивалентность, т. е. полноценная и правильная передача коммуникативного акта [7, с. 58].

Перевод общественно-политических текстов осложняется повышенной информативностью оригинального текста, наличием элементов агитации, социокультурной спецификой и прецедентностью. Социокультурная специфика общественно-политического дискурса на уровне лексики представлена безэквивалентной лексикой (именами собственными, языковыми реалиями, лакунами), неологизмами, окказионализмами, политкорректной лексикой, фразеологизмами, политическими, экономическими и социальными терминами, эмоционально-оценочной лексикой и прочими компонентами лексического уровня. Прецедентность общественно-политических текстов связана с цитатами, пословицами и поговорками, аллюзиями и иными элементами, затрудняющими процесс перевода. Таким образом, с помощью определенных лексических единиц общественно-политический дискурс формирует особое лингвокультурное пространство, при этом для достижения адекватного перевода необходимо обладать достаточным объемом фоновых знаний о менталитете, культуре и традициях адресанта и адресата текстов общественно-политического дискурса.

В результате для достижения адекватного и эквивалентного перевода

используются переводческие трансформации, под которыми понимаются преобразования, способствующие переходу от единиц оригинального текста к единицам языка перевода [1, с. 23]. Данные приемы делают перевод возможным несмотря на различия языковых систем. К основным переводческим приемам лексического уровня относятся транскрипция, транслитерация, калькирование, генерализация (обобщение), конкретизация (уточнение), подбор аналога, модуляция, дополнение (добавление), описательный перевод и опущение (отказ от перевода единицы).

В ходе анализа англоязычных статей на общественно-политическую тематику был сделан вывод, что лексический уровень англоязычного общественно-политического дискурса в основном включает в себя такие компоненты как фразеологизмы, клише, общенаучную лексику и термины, неологизмы и окказионализмы, профессионализмы, безэквивалентную лексику (в том числе реалии), сокращения, политкорректную лексику, эмоционально-оценочную и разговорную лексику, заимствования, историзмы и диалектизмы. Следует отметить, что такие единицы лексического уровня как эмоционально-оценочная и разговорная лексика, сокращения, фразеологизмы и клише широко распространены в интервью и выступлениях на общественно-политические темы. Историзмы, диалектизмы и окказионализмы менее распространены в общественно-политических текстах, что, вероятно, можно объяснить повышенными требованиями к их доступности всем носителям языка.

В рамках анализа англоязычных клише (всего выделено 40 единиц), являющихся шаблонными выражениями, активно употребляемыми в публицистике и речи общественно-политических деятелей, были выделены следующие способы перевода данных устойчивых выражений:

1. калькирование (30 единиц), например: *trade and financial ties* – торговые и финансовые связи; *war machine* – военная машина; *slave labor* – рабский труд; *strategic interests* – стратегические интересы; *military attack* – военное нападение;

2. подбор аналога (7 единиц), например: *effective control* – сильный контроль; *seek power over* – стремиться к превосходству над; *stark reality* – суровая реальность;

3. модуляция (3 единицы), например: *positive changes* – нужные изменения; *liberal/progressive mind* – либералы и прогрессисты.

В результате основными приемами передачи клише служат калькирование и подбор аналога. Главным недостатком частого использования калькирования при

переводе клише является эффект буквального перевода, который, тем не менее, позволяет в большинстве случаев верно донести семантику оригинальных единиц до носителей языка перевода. При переводе рассмотренных статей не использовались приемы добавление, опущение, генерализация, конкретизация или описательный перевод, поскольку передача клише и стандартизированных выражений, как правило, не вызывает трудностей.

Перевод фразеологизмов (всего выделено 12 единиц), которые представляют собой словосочетания с устойчивой внутренней семантической и грамматической связью между отдельными словами и устойчивой внешней связью с другими компонентами предложения, чаще всего переводятся при помощи:

1. калькирования (1 единица), например: open the floodgates – открыть шлюзы; gray market sales – продажи на «сером рынке»;
2. подбора аналога (7 единиц), например: have nothing to do with – не имеет никакого отношения к; say nothing of the fact that – не говоря о том, что; be fed up with – надоела ложь; put a swift end – быстро пресекать; be in no mood to – не настроен; with no end in sight – не видно конца;
3. модуляция (2 единицы): intensify the pace – увеличили темпы; embrace this reality – принять нынешние реальности;
4. описательный перевод (1 единица): honing their tools – создает и «оттачивает» новые инструменты.

В целом данные приемы позволили адекватно передать семантику исходного текста на русский язык. Кроме того, перевод фразеологизмов, выполненный с помощью подбора аналога, позволил сохранить экспрессивность и выразительность оригинальной речи.

Рассмотренные статьи содержат значительное число безэквивалентных лексических единиц, к которым относятся имена собственные (имена реальных людей, героев мифов или литературных произведений, а также названия организаций и различных учреждений), реалии и лакуны, обозначающие свойственные обществу уникальные понятия, относящиеся к сферам культуры, географии, политики, быта и пр. Имена собственные (всего выделено 10 единиц) и реалии (всего 13 единиц) переводились с помощью:

1. транскрипции и транслитерации (6 единиц), например: Viktor Orban – Виктор Орбан; rubble – рубль; Gazprom – Газпром; Rosstat – Росстат;
2. калькирования (4 единицы), например: parallel import – параллельный импорт; Chinese Communist Party – коммунистическая партия Китая;

3. описательного перевода (3 единицы), например: Chief Executive Leadership Institute (CELI) – Институт руководителей высшего звена Йельского университета (CELI); NewsGuild – профсоюз газетных журналистов NewsGuild; NPR – Национальное общественное радио.

Особенностью передачи безэквивалентной лексики стало сочетание сохранения англоязычного написания и переводческой трансформации. Например, имя собственное Donald G. McNeil было переведено с помощью транскрипции «Дональд Макнил», однако в скобках переводчик указал и англоязычный вариант данного имени. Реалии, представляющие собой названия компаний и организаций, часто не переводились на русский язык, т. е. сохранялось их англоязычное написание без каких-либо уточнений (например, Starbucks, Reuters, New York Times и пр.); вероятно, переводчик посчитал, что данные реалии широко известны русскоязычным читателям, соответственно, нет необходимости раскрывать их семантику с помощью дополнительных лексических единиц.

Кроме того, был найден пример употребления историзма *bulwark*, который передан с помощью словарного соответствия как «оплот».

В статьях также встретились 6 неологизмов, которые были переданы посредством подбора аналога (person of color – цветной сотрудник; person of paleness – белый; sky-rocketing – стремительный рост; skyrocketed – резко вырасти; curtail operations – свернуть деятельность) и калькирования (diversity, equity and inclusion – разнообразие, справедливость, инклюзивность).

В статьях активно употреблялись термины (26 единиц) на политическую, экономическую и социальную тематики, которые переводились с помощью словарных соответствий, что позволило создать точный и адекватный перевод (например, macroeconomic – макроэкономический, repression – репрессия, sanctions – санкции, recession – рецессия, economic stagnation – экономический застой и пр.).

Профессионализмы, т. е. лексические единицы, активно используемые в определенной научной области и вызывающие некоторые трудности с пониманием их значения у людей, не принадлежащих к ней, также периодически встречались в анализируемых статьях. Всего было выделено 8 единиц, которые переводились с помощью:

1. транскрипции и транслитерации (2 единицы), например: imperialism – империализм; communism – коммунизм;
2. калькирования (5 единиц), например: geostrategic position – геостратегическое положение; geopolitical landscape – геополитический ландшафт;

military hardware – военная техника;

3. описательного перевода (1 единица): conventional defense – оборона с помощью обычных вооружений.

Сокращения (всего выделено 7 единиц) в общественно-политических текстах, как правило, передаются с помощью транслитерации (NATO – НАТО); подбора аналога (GDP – ВВП); описательного перевода (например: NPR – Национальное общественное радио; DW – немецкий канал DW; РОС – цветные люди).

Эвфемизмы и политкорректная лексика (11 единиц) также встречались в рассмотренных статьях, при этом в переводе уровень эвфемизации мог как снижаться (например, person of paleness – белый; n-word – негр), так и возрастать (например, Russian aggression/invasion – спецоперация), последнее обусловлено стремлением переводчиков снизить уровень чрезмерно агрессивной западной риторики и привести лексику в соответствие с официальным внешнеполитическим курсом.

Таким образом, проанализировав перевод различных лексических единиц, составляющих общественно-политический дискурс, можно сделать вывод, что основными приемами перевода выступают транскрипция и транслитерация (особенно часто они используются для перевода реалий и имен собственных), калькирование (широко применяется для перевода различных лексических единиц, особенно часто используется при переводе клише и профессионализмов), подбор аналога (один из наиболее часто встречаемых видов перевода в целом) и описательный перевод, раскрывающий точное значение исходной единицы. В совокупности данные трансформации позволяют создать адекватный и эквивалентный перевод, максимально полно передающий семантику оригинального текста.

Список литературы

1. Бабалова Г.Г. Проблема эквивалентности перевода и переводческие трансформации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. С. 23-28. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekvivalentnosti-perevoda-i-perevodcheskie-transformatsii/viewer> (Дата обращения: 22.08.2022)
2. Горохова Н. В. Проблема многозначности понятия «дискурс» // Омский научный вестник. 2014. С. 90-93. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mnogoznachnosti-ponyatiya-diskurs> (Дата обращения: 21.08.2022)
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация // Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 308
4. Карасик В. И. Энциклопедия «Дискурсология». Дискурс // Дискурс-Пи, 2015. С. 147-148
5. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. С. 43-48

6. Никулина Д.Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Тамбов: Грамота, 2017. № 9. С. 147-149
7. Павлова Е.К. Роль перевода в глобальном политическом дискурсе // Режим доступа: <https://istina.msu.ru/media/publications/article/8f5/9a9/5521274/52-63.pdf> (дата обращения 22.08.2022)
8. Dejk van T.A. What is Political Discourse Analysis? // University of Amsterdam. P. 11-52. Режим доступа: https://e-l.unifi.it/pluginfile.php/909651/mod_resource/content/1/Van%20Dijk%20Waht%20i%20political%20discourse%20analysis.pdf (Дата обращения: 23.08.2022)

Список источников

1. Иносми. В США захотели тратить на Европу меньше сил // Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220802/nato-255309037.html> (Дата обращения: 26.08.2022)
2. Иносми. В США идеи равенства и справедливости потерпели крах // Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220826/ideologiya-255691174.html> (Дата обращения: 26.08.2022)
3. Иносми. Западные санкции против России все-таки не сработали // Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220821/sanktsii-255600546.html> (Дата обращения: 26.08.2022)
4. The American Conservative. The Magical World of Liberal Equity // Режим доступа: <https://www.theamericanconservative.com/the-magical-world-of-liberal-equity/> (Дата обращения: 26.08.2022)
5. The National Interest. Have Western sanctions against Russia failed? // Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/have-western-sanctions-against-russia-failed-204354> (Дата обращения: 26.08.2022)
6. The National Interest. Why I won't vote to add Sweden and Finland to NATO // Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/why-i-won%E2%80%99t-vote-add-sweden-and-finland-nato-203925> (Дата обращения: 26.08.2022)

УДК 81-119

Макаренко А.С. Когитология как ответвление когнитивной лингвистики

Макаренко Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры общего и германского языкознания
Ульяновский государственный университет, РФ, г. Ульяновск
garnele@list.ru

Cogitology as a part of cognitive linguistics

Makarenko Anastasia Sergeevna

Postgraduate student of General and German Linguistics department
Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

Аннотация. В данной статье представлены определения когнитивной лингвистики и когитологии как одного из направлений когнитивной лингвистики. Также в статье рассматриваются истоки возникновения когитологии и когнитивной лингвистики, их развитие и формирование. Цель – определить роль когитологии для лингвистики в целом. В статье внимание уделяется классическому американскому когнитивизму и российским структурно-семантическим исследованиям как основным школам когнитивной лингвистики. В данной статье описываются основные положения модели морфотемного анализа лингвемы и локутемы, являющейся актуальной и неотъемлемой частью когитологии. Также в статье было уделено внимание междисциплинарному характеру когитологии как ответвлению когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, американский когнитивизм, структурно-семантические исследования, когниция, концепт, когитология.

Abstract. This article deals with the issues of cognitive linguistics and cogitology as one of the areas of cognitive linguistics. The article also discusses the origins of the emergence of cogitology and cognitive linguistics, their development and formation. The goal is to determine the role of cogitology for linguistics in general. In the article, special attention is paid to the classical age-related cognitive and social structural-semantic research, as the completion of the school of cognitive linguistics. This article is about the accepted main provisions of the model of morphoteme analysis of linguema and lokuteme, which is an actual and integral part of cogitology. The article also paid attention to the interdisciplinary nature of cogitology as a branch of cognitive linguistics.

Key words: cognitive linguistics, American cognitivism, structural-semantic research, cognition, concept, language, cogitology.

Когнитивная лингвистика определяется как направление в языкознании, исследующее проблемы соотношения языка и сознания. Когнитивная лингвистика определяет роль языка при концептуализации и категоризации мира в процессе познания и обобщении человеческого опыта. Когнитивная лингвистика изучает связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. В. А. Маслова считает, что когнитивная лингвистика рассматривает

язык как средство познания. Как известно, когнитивная лингвистика берет свое начало в генеративной грамматике Н. Хомского, «глубинные структуры» выражаются в «поверхностных структурах» предложений. В русле когнитивной лингвистики изучаются метафорические схемы (Д. Лакофф, М. Джонсон) [1, с.83].

Принято считать, что когнитивная лингвистика была сформирована на основе теории текста, генеративной грамматики, лингвистической прагматики и семантики. Изучение когнитивных процессов и структур в сознании человека, которые выражаются посредством языка, относится к основным направлениям исследований когнитивной лингвистики. Связь языка с познавательной деятельностью человека как личности, которая обладает определенным социальным опытом, является основополагающим принципом когнитивной лингвистики. Человеческая когниция (взаимодействие систем восприятия, продуцирования и репрезентирования информации) является предметом исследования когнитивной лингвистики [2, с.18]. Задачей когнитивной лингвистики является выявление возможности разной категоризации определенных перцептуально или концептуально заданных ситуаций [3, с.264]. Концепт, когниция, язык являются основными понятиями когнитивной лингвистики. Под термином «концепт» принято понимать ментальную сущность, имеющую имя в языке и отражающую культурно-национальное представление человека о мире [4, с.4]. Под термином «когниция» принято понимать сферу знаний, конкретное содержание, контенционал [5, с.215].

В когнитивной лингвистике выделяют в качестве школ классический американский когнитивизм и российские структурно-семантические исследования. Несмотря на то, что данные школы развивались в независимости друг от друга и использовали различную терминологию, категории в результате исследований пересекаются. Американскому когнитивизму характерна связь с нейролингвистикой и психолингвистикой. Русской концепции когнитивизма характерна прочная связь с лингвокультурологией, этнолингвистикой и антропологической лингвистикой. Ученые, объединенные англоязычным академическим стилем, определяют когнитивную лингвистику как подход, совокупность разнонаправленных исследований по определенным ключевым принципам. В. Эванс считает, что когнитивная лингвистика может выступать в качестве подхода, объединять общий набор принципов, приводящие к возникновению теорий, которые дополняют друг друга [6].

Дж. Тейлор в работе «Когнитивная грамматика» [7] объясняет разницу между схожими понятиями, отмечает использование термина «когнитивная лингвистика» с

целью обозначения широкого круга исследований в современном языкознании. Данный термин охватывает множество тенденций, подходов и методологий, которые связаны общими принципами. Одним из основных принципов является убеждение о том, что язык является интегральной частью человеческого познания. По этой причине исследования в области языка должны быть проведены с учетом знаний о когнитивных свойствах человека. Основным интересом представляет анализ концептуальной и эмпирической основы языковых категорий, где формальные структуры языка изучаются как отражение общей концептуальной организации, механизмов обработки и воздействия опыта, а также основ категоризации [6].

Интердисциплинарный характер когитологии выражается в интеграции взглядов на язык в философии и лингвистике. В рамках когитологии рассматривается характер взаимодействия языкового и концептуального сознания, характер соотношения языковых и мыслительных категорий в акте обозначения (вынаруживание мысли с помощью языка), также рассматривается моделирование способов и каналов объективации ретроспективной мысли, становление и дальнейшее формирование интегративных семантико-понятийных категорий [5, с.216]. Объектами когитологического исследования выступают когитологические сферы и единицы. Языкомысль – это словомысль как единство звукоформы и значения-понятия. Лингвема является основной показательной единицей языкомысли. Речемысль – это единство селектированной словомысли и коммуникативного смысла. Локутема является основной представительской единицей речемысли, а коммуникема служит в качестве вспомогательной репрезентативной единицы речемысли [5, с.219]. Так как язык не отделяется от мышления и сознания, они должны быть областью изучения когнитивной лингвистики.

В когитологии используется модель морфотемного анализа лингвемы и локутемы, являющаяся операционной моделью исследования, в котором воплотились аналитические и синтетические элементы структуры языковой и речевой единицы. Морфотема описывает вербальную единицу и является объяснительной и прикладной по характеру. Сам термин морфотема является символом взаимоперехода и неразделимого единства формы (поверхностных семантических признаков) и темы (широкого спектра глубинных семантических признаков, наполненных конкретным содержанием). Морфотемная модель распространена на речевые и языковые единицы. В данной модели анализа следует выделить следующие макрокомпоненты: материальная форма лингвемы; идеальное

представление лингвемы в вербально-понятийном сознании; синтез идеального образа лингвемы с мотивационными признаками; лингвемная синтагма как синтагмообразная семантическая структура синтезированных микрокомпонентов позиционного, логико-категориального, модификационного, контенционального порядка; обозначаемая концепта [8, с.170]. На основе морфотемной модели в когитологии подвергаются анализу процессы семантизации мыслительных понятий в рамках субстанциальности, реляциональности, локальности, темпоральности, квантитативности и квалитативности [5, с.226].

Таким образом, когитология уделяет большое внимание уточнению используемого терминологического аппарата, вносит корректуры в толкование знаковой природы языка. Когитология является одним из инновационных направлений в лингвистике, которое берет истоки в философии языка, развивалось на основе когнитивной лингвистики и сформировалось как самостоятельное интегративное исследование, рассматривающее проблемы языкознания и речемышления.

Список литературы

1. Фефилов А. И. Диалоги о языке. – Ульяновск: УлГУ, 2018. – 178 с.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С.17-33.
3. Сусов И. П. История языкознания: учеб. пособие. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – 2-е изд. – Минск, 2005. – 256 с. 5. Фефилов А. И. Введение в языкознание: учеб. пособие. – Ульяновск: УлГУ, 2016. – 291 с.
5. Афанасьева М. С. Современная когнитивная лингвистика // Образовательный портал «Справочник». 2022. Режим доступа: https://spravochnick.ru/yazykoznanie_i_filologiya/kognitivnaya_lingvistika/sovremennaya_kognitivnaya_lingvistika/ (Дата обращения: 26.03.2023).
6. Taylor J. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 621 p.
7. Фефилов А. И. Основы когитологии. – Ульяновск: УлГУ, 2004. – 215 с.

УДК 811.111

Сабурова Н.А., Ившина А.А. Лигвопрагматическая характеристика интернет-мемов в пространстве санкционного контента

Сабурова Наталья Анатольевна

канд. филол. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ДВФ, «Российский государственный университет правосудия»
РФ, г. Хабаровск
nsaburova@mail.ru

Ившина Александра Александровна

студент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ДВФ
«Российский государственный университет правосудия», РФ, г. Хабаровск
sasaivsina614@gmail.com

Lingvo-pragmatic characteristics of internet memes in the space of sanction content

Saburova Natalya Anatolievna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic disciplines Russian state university of justice (Far East branch)
Russia, Khabarovsk

Ivshina Alexandra Alexandrovna

Student of the Department of Humanitarian and Socio-Economic disciplines
Russian state university of justice, (Far East branch)

Аннотация. Объект данного исследования – интернет-мем как один из жанров сетевого общения, выполняющий развлекательную функцию. Материалом стали мемы социально значимой санкционной тематики. Они отражают актуальную проблематику современных СМИ и требуют не только социально-исторического, но и лингвистического осмысления. Цель – выявление лигвопрагматической специфики санкционных мемов. Статья посвящена комплексному описанию интернет-мемов. Рассмотрено тематическое разнообразие мемов, указаны источники их возникновения, особенности формирования. Описаны способы достижения комического эффекта. Кроме того, в статье рассматривается структура мемов и их классификация. Сделан вывод о том, что данные интернет-мемы отражают различные аспекты жизни людей и их взаимоотношений в условиях санкций.

Ключевые слова: интернет-мем, вербальный компонент, визуальный компонент, комический эффект

Abstract. The object of this study is an Internet meme as one of the genres of network communication which performs an entertaining function. The material was memes of socially significant sanctions topics. They reflect the current issues of modern media and require not only socio-historical, but also linguistic comprehension. The purpose of the study is to identify the linguopr pragmatic specifics of sanctions memes. The article is devoted to a comprehensive description of Internet memes. The thematic variety of memes is considered, sources of memes and the features of the formation are indicated. Ways to achieve a comic

effect are described. Besides, the structure of memes and their classification are discussed in the article. It is concluded that these Internet memes reflect various aspects of people's lives and their relationships under sanctions.

Key words: internet meme, verbal component, visual component, comic effect

С расширением технологизации общества и увеличением отраслей коммуникативного взаимодействия между его членами потребность в скорейшей передаче оценочной информации становится все более актуальной и значимой для современного человека. В мире достаточно широко используются различные СМИ, в том числе социальные сети, мессенджеры, основная задача которых – быстрая передача информации. С возрастанием популярности виртуальной коммуникации в качестве отдельного мультимодального [1] жанра выделился «интернет-мем», который приобретает в современном интернет-пространстве все новые черты и функции [2] и становится объектом не только лингвистических, но междисциплинарных исследований [3]. Интернет-мемы возникли с начала развития сетевого общения и позволили пользователям завоевывать популярность и обзаводиться новыми знакомствами. Интернет играет важную роль в появлении и распространении мемов. Как утверждает Р. Докинз, термин мем (англ. *meme*) – это «идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества» [4, с. 50].

Различные интернет-сообщества (блоги, форумы, чаты, группы в социальных сетях и т. п.) являются пространствами, где «зарождаются» мемы. Интернет-мемы отличаются разной степенью локальности в зависимости от того, какую часть интернет-пространства они покрывают. Поводы для создания мемов многообразны: горячая новость в СМИ, предмет искусства, кинофильм, персонаж аниме, выражение интернет-пользователя, отношения в семье [см, 5] международные и внутригосударственные отношения [см. 6], и т. д.

К главным чертам интернет-мема относятся вирусность, реплицируемость, чувственность, серийность, мимикрия, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическое направление, медийность, фантазийный характер [7, 8].

Главной функцией, выполняемой интернет-мемами, является развлекательная. Многие мемы основаны на вымысле, который позволяет «играть с реальностью», превращать мемы в игровое, увлекательное пространство. Вымысел прослеживается либо в визуальном компоненте (например, использование в меме изображения, измененного в программе Photoshop), либо в вербальном компоненте

(например, использование сопроводительной надписи с алогизмом, абсурдом, намеренным аграмматизмом и т. д.). Часто встречаются интернет-мемы с моделированием несуществующей, невозможной ситуации (например, интернет-мем о говорящих животных). Реплицируемость и вирусность мема – особенно значимые черты для передачи актуальной информации. Интернет-сообщество мгновенно реагирует с помощью мемов на социально значимые культурные события, отражая в них свои мнения, эмоции и модусы оценки.

С начала 2021 года увеличилось количество мемов на тему санкций. Вследствие развернувшейся российской спецоперации по демилитаризации Украины страны Европы считают Россию агрессором и нарушителем международного мира, и для того, чтобы наказать ее за нарушение суверенитета другой страны, вводят пакеты санкций. Реакция российских граждан на введенные меры оказалась мгновенной: значительная часть политического контента как в дипломатическом, журналистском, так и в неформально-бытовом его проявлении посвящена осмыслению этих жестких антироссийских акций. Одним из жанров в рамках оформления таких коммуникативных рефлексий стал жанр интернет-мема, который требует не только политико-идеологического, но и лингвистического осмысления.

Интернет мемы санкционной тематики и стали объектом нашего исследования, цель которого – выявить лингвопрагматическую специфику интернет-мемов в пространстве санкционного контента. Поставленная цель определила решение следующих задач: изучить понятие интернет-мема, рассмотреть тематическое разнообразие интернет-мемов на тему санкций, выявить особенности формирования креализованного текста мемов санкционной тематики.

Обратимся к понятийному членению санкционного контента посредством мемов. Значительную его часть составляют мемы, основанные на шутках об импортозамещении (рис. 1).

Рисунок 1

Пример 1 иллюстрирует отношение людей к замене отечественной продукцией импортных продуктов питания. В связи с последними событиями на российском рынке начали закрываться зарубежные предприятия, в частности, фастфуды, в т. ч. «Макдональдс». Визуальный компонент мема содержит фото обычного обеда среднего россиянина – вареного картофеля (подобия популярного продукта «картошка фри») и куриных крыльев, обжаренных обычным способом (аналог «куриных крылышек» из «Макдональдса»).

Не менее популярны мемы, посвященные уходу с рынка и других иностранных компаний. Вскоре после начала спецоперации на Украине популярная мебельная компания «Икеа» объявила о закрытии своего предприятия в России, что делает невозможным приобретение ее товаров на территории России. Для создания комического эффекта автор использовал вербальный компонент: «Акула из Икеи внесена в Красную книгу России» (рис. 2), в котором автор с иронией говорит об ограниченном количестве мягкой игрушки «Blåhaj». Мем в шутливой форме подчеркивает отсутствие негативных последствий для среднего потребителя «ухода» с российского рынка Икеи.

Акула из Икеи внесена в
Красную книгу России

Рисунок 2

Другая категория картинок посвящена негативным последствиям введения санкций. Так, на рис. 3 автор мема передаёт отношение к повышению цен на необходимую для жизни человека продукцию. После введения санкций появился дефицит некоторых товаров из-за прекращения поставок зарубежных фирм. Фраза «Покажи еще раз, насколько ты богат» наталкивает на мысль о том, что товары, лежащие в багажнике машины (бумага, сахар, шампунь), имеют достаточно высокую цену, т. е. богатство человека в нынешней ситуации оценивается по новым критериям: исходя из возможности потребителя приобрести большое количество «редких» товаров повседневного спроса. Визуальный компонент увеличивает воздействие: на

фото покупательская способность усиливает положительное впечатление о новом знакомом девушки. Сатирический эффект достигается путем сочетания вербального и визуального компонентов.

Предметом насмешек в мемах стало введение ответных санкций странам Европы, которые в значительной степени повлияли на экономическую ситуацию в европейских государствах. В меме (рис. 4) на фразу «Ты доигрался! Я ввожу против тебя санкции» объектом наказания становится... медведь, который, безусловно, является излюбленным символом России и подтверждает мнение о том, что мем – это «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [9, с. 113], заостряя внимание на культурной специфике этих единиц.

Рисунок 3

Визуальный компонент делает акцент на том, что России не вредят санкции: медведь находится в доме (в защищенном комфортном пространстве) и пьет чай. Семиотически значимы и размеры изображенных объектов, символизирующих противоборствующие стороны: огромный медведь и крошечный Запад. Вербальный компонент мема (Что? Отказываешься брать в долг, покупать газ, электричество и уголь?) дает понять, что Европа пострадает от прекращения/сокращения поставок природных ресурсов из России в значительно большей степени, чем Россия – от введенных санкций. Образ медведя в визуальном компоненте мема присутствует также и в меме, отражающем количество введенных санкций.

На рисунке 5 изображены участники Евросоюза, которые держат в руках толстые книги под названием «Санкции», а фраза «Осталось только запретить балалайки и медведей» указывает на огромное количество действующих против России санкций, которые, тем не менее, не нанесли большого вреда нашей стране.

Запрет на балалайки и медведя выглядит смешно, так как касается духовных ценностей, которыми богата Россия, а их запретить невозможно.

Рисунок 4

Такого рода мем позволяет высмеять абсурдность действий правительств западных стран.

Рисунок 5

Частотны мемы, отражающие различные аспекты влияния санкций на повседневную жизнь. Безусловно, во многих медийных жанрах присутствует сопоставление жизни россиян до и после социально-значимых событий. И санкционный контент не исключение. Так, в меме (рис. 6) сравнивается жизнь «до» и «после» введения санкций. Изображение иллюстрирует неизменность материального статуса обычных россиян: у людей все такая же «китайская техника», «отечественный автомобиль» и «дешманское пиво». Автор мема, используя стилистически сниженную разговорную лексику, хотел указать на безразличие к введенным санкциям со стороны российского обывателя, уровень достатка которого отнюдь не высок.

Одним из важнейших аспектов «санкционных» мемов является отношение людей к введению санкций. Интернет-мем на рисунке 7 адаптирует сцену из фильма «Баллада Бастера Скраггса», используя диалог из кинокартины в качестве вербального компонента с комментарием.

Рисунок 6

Люди, представленные в меме, – «жертвы» санкций – ждут так называемой казни «крымчан». Здесь проведена аналогия с жителями Крыма, против которого в 2014 году (после присоединения к России) ввели большое количество санкций: угрозы Украины и объединенного Запада не смогли изменить судьбу сделавших свой выбор крымчан. Поэтому риторический вопрос главного героя по отношению к «остальным россиянам»: «Первый раз?» звучит иронически и предполагает безусловный ответ, что и на этот раз угрозы останутся позади, а последствия – преодолимы.

Рисунок 7

Интернет-мем – это единица культурной информации, представляющая собой особый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации, креализованный текст, сочетающий, как правило, визуальный и вербальный компонент, при этом изображение может быть подвижным (в виде «GIF», подвижного изображения) или неподвижным. С учетом многообразных характеристик мемов создаются различные классификации.

Одним из основных признаков для классификации мемов является их структура. Исследователь мема с точки зрения PR А. Г. Квят предлагает следующую типологию мемов: речевые клише (цитаты, паремии); визуальные и аудиовизуальные объекты (фотографии, рисунки, видеоролики); образы реальных или вымышленных персонажей медиапространства; бренды компаний или товаров; тематические доминанты медиапространства [10]. Рассмотрим представленность указанных типов в нашем материале.

В качестве примера речевого клише (цитаты) в интернет-меме (рис. 8) можно указать фразу французского политика Э. Макрона: «Я перестану звонить Путину». Употребленная в санкционном контенте, эта фраза означает одну из санкционных угроз, которая, разумеется, не способна нанести никакого вреда объекту санкций.

«Я ПЕРЕСТАНУ ЗВОНИТЬ ПУТИНУ».

**МАКРОН ОБЪЯВИЛ О САМЫХ ЖЕСТКИХ
САНКЦИЯХ ЕС**

Рисунок 8

В интернет-мемах в целом, и в мемах, посвященных санкциям, визуальные и аудиовизуальные объекты играют первостепенную роль. В проанализированных мемах в качестве невербального ряда широко используются фотографии, рисунки, видеоролики. Так, в мемме (рис. 9) для закрепления комического эффекта используются фотографии: пакет с надписью «пакет Санкций» и «пакет с пакетами». Вербальный компонент мема включает осмысление слова *пакет* в двух значениях: совокупность документов и упаковочное средство, не имеющее никакой ценности. Визуальный и вербальный компоненты демонстрируют, что отношение России к «пакету санкций» такое же, как к обычному пакету: «*Весь мир: создает пакет санкций. Россия: кладет его в пакет с пакетами*». Игра слов, повтор, нацеленный на снижение стилистической окраски слова *пакет*, в совокупности с изображением приводит к стилистическому эффекту мейозиса, обесценивающего принятые в отношении к России санкционные решения.

Рисунок 9

«Санкционные» мемы активны в использовании образов реальных персонажей. Так, в качестве основы мема (рис. 10) использован образ известного американского актёра Джейсона Стэтхэма, очень популярного в России, благодаря известным фильмам с его участием («Механик: Воскрешение», серия фильмов «Форсаж», «Шальная карта»). Вербальный компонент мема о запрете Стэтхэмом его цитат в России звучит абсурдно, так как касается по сути ограничения на артефакты культуры, которые имеют общемировую значимость.

**ДЖЕЙСОН СТЕТХЭМ ЗАПРЕТИЛ
ИСПОЛЬЗОВАТЬ В РОССИИ СВОИ
ЦИТАТЫ**

Рисунок 10

Находят отражение в мемах и вымышленные персонажи, в частности – герои мультфильмов (рис. 15).

В качестве визуального компонента используются бренды компаний или товаров. В меме (рис. 11) высмеивается нелепость ранее введенных санкций путем переосмысления абсурдной рекламной фразы о вкусовых качествах правой и левой палочки шоколада «Twix», которая выступает в данном контексте в качестве прецедентной. Визуальный компонент представлен фотографией этого популярного бренда.

Сообщается, что из России временно уходят левые палочки твикс. Официальный представитель сообщает, что шоколадки будут комплектоваться двумя правыми палочками

Рисунок 11

По количеству вербальных компонентов мемы могут быть как одночленными/односоставными (как на рис. 3), так и двучленными/двусоставными, т. е. состоящими из двух высказываний, разных в функциональном отношении: завязки и так называемого панчлайна, вступающих в сложные смысловые взаимоотношения с сопутствующим визуальным компонентом. Так, на рисунке 12 завязкой мема является фраза: *В России начался дефицит бумаги А4: цены выросли в 10 раз*, а комический эффект дает визуальный компонент в сочетании с вербальным – панчлайном: на фото изображены упаковки бумаги А4 в качестве товара на рынке и вербальный компонент: «*Рынок ценных бумаг*».

**В РОССИИ НАЧАЛСЯ ДЕФИЦИТ
БУМАГИ А4: ЦЕНЫ ВЫРОСЛИ
В 10 РАЗ**

Рисунок 12

В текстовых мемах используется только вербальный компонент (рис. 13). В меме ключевым словом санкционного дискурса является лексема *отзывать*, которая в типичном употреблении касается только реальных людей, а по отношению к персонажам анекдотов формирует явно иронический эффект.

Рисунок 13

В персонажных мемах в центре внимания авторов герои фильмов (рис.7, 10), анекдотов (рис. 8) или мультфильмов (рис. 14).

Персонажные мемы могут быть построены по принципу комиксов, герои которых символизируют стороны, находящиеся в политической оппозиции по отношению к России (рис. 15).

Ряд мемов (рис. 1, 6, 9, 16) можно отнести к компаративным. Компаративные мемы основаны на сопоставлении нескольких изображений, объектов, точек зрения на ситуацию и т. д.

Рисунок 14

Рисунок 15

Так, на рис. 16 сравниваются популярные бренды одежды и продукты малоизвестных производителей. В оппозиции находятся также мимика, жесты и позы героя фотоизображения, которые отражают его противоположные эмоциональные состояния.

Рисунок 16

Проанализировав интернет-мемы, посвященные санкциям, можно сделать вывод о том, что в тематическом плане они охватывают разные аспекты осмысления русскими новой санкционной реальности. Для формирования вербальной составляющей используются стилистически-окрашенные лексемы, игра слов, употребление мейозиса, вопросно-ответные конструкции, абсурдные и прецедентные высказывания. Визуальные компоненты имеют прецедентный характер. Их источниками стали как реальные личности, так и герои популярных кинофильмов, мультфильмов и анекдотов. В композиционном плане мемы могут быть как одночленными, так и двучленными и даже многочленными (в случае с мемом-

комиксом). Значительно количество компаративных мемов, которые позволяют смиряться с новыми условиями жизни, с одной стороны, и выражать критически-насмешливое отношение к оппозиционной стороне, с другой. Коммуникативный посыл мемов рассмотренной тематической группы заключен в снижении социальной остроты санкционного контента и остросатирической направленности данных креолизованных текстов против инициаторов и проводников санкций. Мемы отражают критическое общественное мнение о действиях коллективного Запада в отношении к России и, благодаря юмору и даже порой злой сатире, позволяют справиться с ощущением страха и растерянности в новых политических условиях.

Список литературы

1. Блинова О.А. Мультиmodalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотоандии // Научный диалог, 2019, №10. – С.79-93
2. Рыжков К.Л. Интернет-мемы как новое социально-культурное явление // Человек и культура. – 2021. – № 4. – С. 143 – 150 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36432 (дата обращения: 30.03.2023)
3. Мартынова А.С. Применение интернет-мемов в процессе обучения технической лексики для студентов агроинженерного направления / А.С. Мартынова // Международный научно-исследовательский журнал.– 2021. – №6 (108). - URL: <https://research-journal.org/archive/6-108-2021-june/primenenie-internet-memov-v-processe-obucheniya-texnicheskoj-leksike-dlya-studentov-agroinzhenerenogo-napravleniya> (дата обращения: 30.03.2023)
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. – Москва : Мир, 1993. – 318 с.
5. Женевская Е.В. Интернет-мем «Семья» как прагматически обогащенная лингвовизуальная единица полиmodalного дискурса / Е. В. Женевская, А. С. Мартынова // Гуманитарные и социальные науки, 2020. – № 4 . – С. 100-111 – URL: <http://www.hses-online.ru/2020/04/11.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
6. Канашина, С. В. Интернет-мем как лингвовизуальный политический дискурс // Германистика 2021: nove et nova : Материалы IV Международной научной конференции, Москва, 10–12 ноября 2021 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2021. – С. 225-229.
7. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полиmodalного дискурса в интернет-коммуникации: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2016. – 265 с.
8. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – №6 (81). – С. 34-38
9. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. – 2013. – №. 1. – С. 113-115
10. Квят А. Г. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Квят, А. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход / А. Квят, – М.: Медиаскоп, 2013 .– № 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/125412> (Дата обращения: 26.11.2022)

УДК 81'42

Семченкова И.В. Моделирование дискурсивного формата языковой личности драматурга (на материале пьес Дж.Б. Шоу и А.П. Чехова)

Семченкова Инна Валентиновна

Доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников
Белгородский институт культуры и искусств, РФ, г. Белгород
inna.ryabina@mail.ru

**Discursive format modeling of the playwright's linguistic personalities
of J.B. Shaw and A.P. Chekhov**

Semchenkova Inna Valentinovna

Associate Professor of the Department of Directing Theatrical Performances and Holidays
Belgorod Institute of Culture and Arts, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается триадная модель функционирования драматического дискурса. Выявляются специфика информатива и особенности концептосфер разноязычных драматургов в интерпретируемой дискурсивной модели. Определяется фактор схожести номинативных полей концепта-доминанты ЛЮБОВЬ, выявленного в концептосферах языковых личностей Дж. Б. Шоу и А.П. Чехова. Установлено, что концепт-доминанта ЛЮБОВЬ представляет собой информативный конструкт, в котором превалирует антропоцентрическая контекстная поляризация.

Ключевые слова. Драматургический текст, концептосфера языковой личности, концепт-доминанта, информативный конструкт, текстовое моделирование, драматург.

Abstract. The article deals with a triadic model of dramatic discourse functioning. The specific features of the informative and the features of the conceptual domains of multilingual playwrights in the interpreted discursive model are revealed. The similarity factor of the nominative fields in the dominant-concept of LOVE, identified in the conceptual domains of the linguistic personalities of J. B. Shaw and A.P. Chekhov, is determined. It is established that the dominant-concept of LOVE is an informative construct in which anthropocentric contextual polarization prevails.

Keywords. Dramaturgical text, conceptual domain of linguistic personality, concept-dominant, informative construct, text modeling, playwright.

Введение

В свете интерпретативного вектора развития современной лингвистики значимы принципы «когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе» [1, с. 313-338], так как когнитивно-дискурсивная парадигма знания «характеризуется своими собственными отличительными чертами» [2, с. 31]. Эти черты когнитивно-дискурсивной парадигмы нацелены на изучение «дискурсивного пространства как ментального мира» [3, с. 45-49].

Рассмотрение дискурсивного формата языковой личности является одним из перспективных направлений современного языкознания, поскольку дискурсивный формат как исследовательский конструкт аккумулирует свойства языковой личности в её динамическом функционировании. Формат функционирования дискурса может быть интерпретирован в виде триадной модели, состоящей из следующих компонентов: «(1) художественная концептосфера как <...> информатив, (2) концептосферы коммуникантов <...>, (3) коммуникативная ситуация, в которой существует информатив» [4, с. 84-85]. В свете этого значим тот факт, что дискурсивная модель решает исследовательскую задачу, «требующую учета множества факторов» [5, с. 16].

В процессе исследования основной оперативной единицей дискурсивного формата предстает информатив, то есть первый компонент триадной модели, интерпретируемый как «структурированное, тематически маркированное знание, вокруг которого развивается коммуникативно-дискурсивная ситуация» [6, с. 390].

Исследование информатива зиждется на когнитивно-дискурсивном анализе компонентов посредством когнитивно-герменевтического моделирования, то есть «выявления концептов-доминант в художественном тексте» [7, с. 160]. Под концептами-доминантами понимаются «художественные концепты, репрезентированные наибольшим количеством лексических единиц» [8].

Рассмотрение параметров информатива невозможно без учета нелинейности дискурсивной парадигмы, которая обеспечивает «коммуникативное равновесие этой динамической системы как когнитивного формата знания» [9, с. 569]. В свою очередь когнитивный формат знания предопределен тенденциями «лингвокреативной деятельности в сфере профессиональной номинации» [10, с. 106] с учётом того, что профессиональная личность представляет собой «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека» [11, с. 15], на которые оказывают влияние «экстралингвистические особенности профессионального дискурса» [12, с. 245-251].

Свойства языковых личностей, формирующих профессиональный дискурс, предопределяют набор дискурсивных единиц, составляющих два компонента из представленной выше триадной модели функционирующего дискурса, то есть свойства языковых личностей оказывают непосредственное влияние на параметры дискурсивных единиц, входящих как в информатив, который является первым компонентом триадной модели, так и в концептосферы коммуникантов, которые являются вторым компонентом модели. В свете этого от профессионального дискурса

ожидают «эксплицитных, не завуалированных и не эвфемистичных утверждений» [13, с. 6], что позволяет выявить «доминантные принципы значений конструкций в дискурсе» [14, с. 85-104], в том числе в драматическом дискурсе.

Новизна исследования заключается том, что впервые рассмотрена триадная модель драматургического текста. Представлена сравнительно-сопоставительная модель концепта-доминанты ЛЮБОВЬ в разноязычных пьесах Дж.Б. Шоу и А.П. Чехова. Выявлены схожие и отличительные черты построения концепта-доминанты ЛЮБОВЬ в пьесе Дж.Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» и в пьесе А.П. Чехова «Чайка». Определено, что номинативное поле концепта-доминанты ЛЮБОВЬ в двух рассматриваемых пьесах выстроено по принципу контекстной поляризации.

Методы исследования. К рассмотрению дискурсивного формата языковой личности драматурга привлечены когнитивно-дискурсивный анализ, лингвистический анализ, интерпретативный анализ и метод когнитивно-герменевтического моделирования.

Основная часть

Драматургические произведения – это «такие результаты дискурсивной деятельности, которые представлены в форме пьес» [15, с. 4]. Когнитивно-герменевтическое моделирование драматургических произведений нацелено на детальное исследование двух компонентов дискурсивного формата, а именно: информатива и концептосфер коммуникантов, создающих драматургический дискурс. Первый компонент драматургического дискурса, информатив, позволяет раскрыть «символическую интерпретацию отношений между субъектами внутри дискурсивного пространства» [16, с. 139] и выявить, при необходимости «когнитивные-доминанты» [17]. Второй компонент драматургического дискурса, а именно: концептосферы коммуникантов – характеризует языковую личность драматурга. Третий компонент функционирования дискурсивного формата – коммуникативная ситуация, в которой существует информатив, в проводимом исследовании не моделируется, что не исключает ее моделирование в принципе. Дискурсивные единицы, формирующие информатив драматургического дискурса, предопределены свойствами языковой личности драматурга, характеризуемой по «когнитивным, коммуникативным и психолингвистическим параметрам» [18, с. 11-12].

В данной статье моделируется дискурсивный формат языковой личности Дж. Б. Шоу в проекции выстраиваемого информатива пьесы “Caeser and Cleopatra” / «Цезарь и Клеопатра» и дискурсивный формат языковой личности А. П. Чехова в проекции выстраиваемого информатива пьесы «Чайка». Пьеса “Caeser and Cleopatra” была написана в 1898 году и состоит из пяти действий. Пьеса «Чайка» была написана в 1895-1896 годах и состоит из четырех действий.

Исследование материала показало, что концептосферы обоих драматургов, репрезентированные в двух пьесах, состоят из различных концептов, среди которых выявляется несколько концептов-доминант. В статье рассматривается реализация сегмента дискурсивных форматов языковых личностей двух драматургов в концепте-доминанте ЛЮБОВЬ.

Исследование концепта-доминанты ЛЮБОВЬ в пьесе Дж. Б. Шоу и в пьесе А. П. Чехова показало, что дискурсивная единица, которая семантически эквивалентна ядру концепта-доминанты, более частотна в пьесе «Чайка», где слово «любовь» употреблено 12 раз, а однокоренные слова, входящие в приядерную зону, определены в количестве 94 единиц при объеме текста в 28.672 слова, тогда как в пьесе “Caeser and Cleopatra”, слово «love» как имя существительное употреблено 5 раз, а в роли глагола, входящего в приядерную зону, 22 раза при объёме пьесы в 36.989 слов.

Выявлено, что концепт-доминанта ЛЮБОВЬ в пьесе «Чайка» и в пьесе “Caeser and Cleopatra” представляет собой конструкт контекстной поляризации, а именно антропоцентрической контекстной поляризации, под которой понимается «противопоставление параметров описания одного и более героев художественного произведения в определённом контексте» [19, с. 233]. Существует восемь подтипов антропоцентрической контекстной поляризации: «1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности, 2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений, 3) антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего, 4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности, 5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия, 6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни, 7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения, 8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания» [20, с. 63].

Определено, что из восьми подтипов антропоцентрической контекстной поляризации А.П. Чехов использовал в тексте пьесы только два подтипа: (1) антропоцентрическую контекстную поляризацию мировосприятия, (2) антропоцентрическую контекстную поляризацию поведения.

Пример 1. **Антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия** выражена в словах Медведенко: «Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения» [21]. В рассматриваемом контексте антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия выражена в словах, репрезентирующих влюбленную пару – «души сольются» – в словах, репрезентирующих пару, в которой любит только мужчина, а женщина к нему безразлична – «А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения». Контекстная поляризация мировосприятия прослеживается между двумя парами и между мужчиной и женщиной во второй паре, то есть А.П. Чеховым реализована двойная контекстная поляризация.

Пример 2.1 **Антропоцентрическая контекстная поляризация поведения** выражена в словах героини пьесы Маши: «Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все» [21]. В рассматриваемом контексте поляризуется поведение двух героев пьесы.

Пример 2.2. «Раз в сердце завелась любовь, надо ее вон» [21]. В данном контексте выявлено противопоставления двух типов поведения Маши: любовь и решимость от неё отказаться.

Дж. Б. Шоу из восьми подтипов контекстной поляризации использовал в тексте пьесы “Caesar and Cleopatra” также два подтипа: (1) антропоцентрическую контекстную поляризацию мнений, (2) антропоцентрическую контекстную поляризацию поведения. Но, в отличие от А.П. Чехова, Дж.Б. Шоу применил антропоцентрическую контекстную поляризацию мнений и не употребил антропоцентрическую контекстную поляризацию мировосприятия, что свидетельствует о более обыденном описании любви в английской пьесе по сравнению с описанием любви в русской пьесе.

Пример 3. **Антропоцентрическая контекстная поляризация мнений** выражена в словах Клеопатры: «Love me! Caesar loves no one» [22] / «Любит меня! Цезарь не любит никого» (Перевод автора – И.С.). В рассматриваемом контексте выражено противопоставление двух мнений: мнения окружающих о том, что Цезарь любит Клеопатру, и мнения самой Клеопатры о том, что Цезарь не любит никого. Далее было выявлено, что среди номинантов номинативного поля концепта-доминанты ЛЮБОВЬ есть метафоры как в пьесе А.П. Чехова, так и в пьесе Дж. Б. Шоу.

Пример 4. «Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву» [21]. Рассматриваемая метафора в пьесе А.П. Чехова также является маркером антропоцентрической контекстной поляризации поведения.

Пример 5. «Shake off thy heavy load of love» [22] / «Сбросить тяжелый груз любви». Рассматриваемая метафора в пьесе Дж.Б. Шоу также является маркером антропоцентрической контекстной поляризации поведения.

Таким образом, рассмотрение информатива, репрезентированного в двух разноязычных пьесах, написанных практически в один год, и рассмотрение одного из концептов-доминант концептосфер драматургов Дж.Б. Шоу и А.П. Чехова, концепта-доминанты ЛЮБОВЬ, выявляет черты схожести и различия функционирования языковых личностей двух драматургов. Определено наличие схожей черты – контекстной поляризации в построении номинативного поля концепта-доминанты ЛЮБОВЬ, однако маркеры контекстной поляризации в двух пьесах частично отличаются.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Стебунова К.К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 313-338.
2. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во «ТГУ» им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 30-45.
3. Кушнерук С.Л. Когнитивные концепции изучения дискурсивного пространства как ментального мира // Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. – 2013. – С. 45-49.
4. Ogneva E. A., Stepanova L. I., Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – Т. 8. – №. 1. – С. 79-92.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №1. – С. 14-31.
6. Огнева Е.А. Информативный код дискурса проповедника (на материале Рождественского Послания 1952 года Святителя Иоанна (Максимовича) Шанхайского и Сан-Францисского // Когнитивные исследования языка. Вып. №1 (52): Познание и язык: через видимость в сущность : сборник научных трудов / отв. ред. вып. О. Н. Ковалева. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. – С. 390-401.
7. Даниленко И.А. Когнитивные доминанты литературы первой половины XX века // Гуманитарные исследования. – 2022а. – № 2 (82). – С. 159-165.

8. Даниленко И.А. Выявление концептов-доминант в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022б. – № 3.
9. Огнева Е.А. Трансформация дискурсивной модели социума: проблемы и перспективы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. Материалы науч.-практ. конф. Отв. ред. Ю.А. Зубок. – 2015. – С. 659-573.
10. Голованова Е.И. Лингвокреативный характер профессиональной номинации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2020. – № 2. – С. 106-115.
11. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: принципы и параметры лингвистического описания: Языки профессиональной коммуникации. Сб. ст. IV междунар. науч. конф. Отв. редактор-составитель Е. Н. Квашнина. – 2009. – С. 14-17.
12. Хвесько Т.В., Викторова Н.В. Экстралингвистические особенности профессионального дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 39. – С. 245-251.
13. Демьянков В.З. Нарратив и дискурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 4. – С. 5-16.
14. Boldyrev N.N. The dominant principle of meaning construction in mind and discourse // Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning and Knowledge / Edited by Brian Nolan and Elke Diedrichsen. – Cambridge Scholars Publishing. Lady Stephenson Library, 2019. – P. 85-104.
15. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 4. – С. 3-10.
16. Полякова И.А., Юзефович Н.Г. Речевая стратегия проксимизации: концепция П. Цапа // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ответственные редакторы А.П. Чудинов, Сунь Юйхуа. 2017. С. 139-141.
17. Даниленко И.А. Алгоритм выявления когнитивных доминант (на примере творчества Э.М. Ремарка) // Когнитивные исследования языка. – 2022в. – № 2 (49). – С. 536-541.
18. Бутакова Л.О. Региональная языковая личность: проблемы построения современных лингвистических моделей разного уровня» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 9-21.
19. Гламазда С.Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира // Вестник ТГУ. Серия: Филология. – 2019б. – №4 (63). – С. 232-237.
20. Огнева Е.А., Гламазда С.Н. Концепция контекстной поляризации: монография. – Москва: Эдитус, 2021. – 230 с.

Источники фактического материала

21. Чехов А.П. Чайка. – М.: Центр книги Рудомино, 2018. – 96 с.
22. Show B. Caeser and Cleopatra. The Project Gutenberg EBook. Produced by Eve Sobol, and David Widger. – URL: <http://www.gutenberg.org> (acceded 28.02.2023)

УДК 81'42

**Шептун Н.Н. Аппрактивность в дискурсивном информативном коде
(на материале источников «Le monde» и «Российская газета»)**

Шептун Наталья Николаевна

Старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности
Белгородский институт культуры и искусств, РФ, г. Белгород
natalyasheptun@yandex.ru

**Attractiveness in a discursive informative code of "Le monde" and "Rossiyskaya
Gazeta"**

Sheptun Natalya Nikolaevna

Senior Lecturer of the Department of Library and Information Activities
Belgorod Institute of Culture and Arts, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается дискурсивный информативный код как значимый компонент газетно-публицистического дискурса. Выявляются текстовые когнитивные аттракторы в рубрике «культура» во франкоязычном издании «Le monde» и русскоязычном издании «Российская газета». Интерпретируется тот факт, что текстовые когнитивные аттракторы в совокупности формируют аппрактивность дискурсивного информативного кода газетно-публицистического дискурса. Терминологическая база исследования пополняется авторскими терминами: термин «лингвокультурный антропоним», под которым предлагается понимать номинант, маркирующий культурно обусловленное имя человека; термин «сопряженная двудерная проксема», под которой понимается двудерный проксеменный конструкт, где одно из ядер номинирует небольшое пространство, входящее в большее, номинируемое другим ядром, пространство; термин «диадный лексический таймер», понимаемый как двудерный темпоральный маркер, в состав которого входит два сопряженных лексических таймера.

Ключевые слова. Дискурс, газетно-публицистический дискурс, дискурсивный информативный код, текстовые когнитивные аттракторы, аппрактивность

Abstract. The article deals with the discursive informative code as a significant component of newspaper and journalistic discourse. Text cognitive attractors are identified in the heading "culture" in the French edition of "Le monde" and the Russian edition of "Rossiyskaya Gazeta". The fact is interpreted that textual cognitive attractors collectively form the attractiveness of the discursive informative code of newspaper and journalistic discourse. The terminological base of the research is being updated with the author's terms: the term "linguocultural anthroponym", which is proposed to be understood as a nominee marking a culturally conditioned person's name; the term "conjugate binuclear proxeme", which is understood as a binuclear proximal construct, where one of the kernels nominates a small space included in a larger space nominated by another kernel; the term "dyadic lexical timer", understood as a two-kernels temporal marker, which includes two conjugated lexical timers.

Key words. Discourse, newspaper and journalistic discourse, discursive informative code, text cognitive attractors, attractiveness

Введение

Проводимые исследования в современной дискурсологии зиждутся на возможности «использовать дискурсивный анализ в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка» [1, с. 86].

Теоретико-методологическая база современной дискурсологии обширна, тем не менее существует ряд «белых пятен», требующих дальнейшего научного поиска. Одним из таких малоизученных аспектов дискурсологии предстает дискурсивный информативный код, исследование которого предоставляет новые интерпретативные возможности.

Дискурсивный информативный код как «совокупная проекция различных социокультурных трансформаций представляет собой единство лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы реального мира» [2, с. 297], что «специфически проявляется в разных типах дискурса» [3, с. 564], в его «стратегиях и тактиках» [4].

Выстраивание архитектоники дискурсивного информативного кода основывается, в том числе и на понимании того, что в настоящее время существуют «основные векторы развития современного дискурса как продукта и продуцента текущих социокультурных трансформаций» [5, с. 16].

Дискурсивное маркирование современных социокультурных трансформаций позволяет моделировать и интерпретировать динамику социокультурных преобразований в обществе, проецируемых в формат газетно-публицистического дискурса. В процессе такого моделирования важно учитывать тот факт, что «персональный вектор использования языка характеризует статусные, ролевые и индивидуальные признаки» [6, с. 62], исследование которых основано на учете «роли дискурсивных маркеров» [7, с. 317-318].

Рассмотрение структуры персонального дискурсивного вектора выявляет доминантные смысловые маркеры, «посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя» [8, с. 87].

Новизна проводимого исследования заключается в выявлении доминантных смысловых маркеров, рассматриваемых в качестве дискурсивных аттракторов, в газетно-публицистическом дискурсе разноязычных газет «Le monde» и «Российская газета».

Методы исследования. Применены дискурсивный метод анализа, лингвистический метод анализа и квантитативный метод.

Основная часть

Исследование архитектоники публицистического дискурса решает различные задачи. Одна из наиболее значимых задач видится в том, чтобы выявить «доминантные принципы значений конструкций в дискурсе» [9, с. 85-104], в изучении особенностей «медийной репрезентации» [10, с. 379], «ее аксиологического и гносеологического аспектов» [11, с. 72-75].

Газетно-публицистический дискурс, вне сомнения, представляет собой манипулятивный формат функционирования информации при условии, что «природа манипулятивно маркированной коммуникации неоднозначна» [12, с. 502]. Поэтому исследовательское моделирование этого информационного формата нацелено на выявление аттрактивности дискурсивного информативного кода, поскольку «одним из главных элементов текста <...> является текстовый когнитивный аттрактор» [13, с. 10] при условии, что «текст и дискурс сопряжены» [14, с. 158], что значимо для создания «текстового мира» [15, с. 24]. Под текстовыми когнитивными аттракторами в исследовании понимаются «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя» [16, с. 87].

Рассмотрение текстовых когнитивных аттракторов способствует выявлению различных аспектов газетных текстов, в том числе и фактов, представляющих собой «взаимообусловленность языка и культуры» [17, с. 113-116], а также факторов, влияющих на «возможность построения любого текстового мира» [18, с. 187], что позволяет «to reveal discursive and modus nature of linguistic images» [19, с. 5] / «раскрыть дискурсивную и модусную природу языковых образов» (Перевод автора *Н.Н.*), в том числе и газетно-публицистических образов.

В статье выстраивается сравнительно-сопоставительная модель аттрактивности дискурсивного информативного кода в разноязычных газетах «Le monde» и «Российская газета». «Le monde» – это французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов, которая была основана Юбером Бёвом-Мери по распоряжению Шарля де Голля. Первый выпуск газеты вышел 19 декабря 1944 года. «Российская газета» – это газета Правительства Российской Федерации, которая была основана в 1990 году Верховным Советом РСФСР. Первым редактором был известный журналист и публицист Борис Миронов. Первый номер газеты вышел 1 ноября 1990 года. Поскольку дискурсивный информативный код представляет собой совокупную проекцию различных социокультурных трансформаций, то в указанных газетах исследуются соответствующие рубрики.

В статье представлены результаты исследования когнитивных аттракторов, входящих в состав дискурсивного информативного кода рубрики «Культура» в обеих газетах. Так, рассмотрение рубрики «Culture» / «Культура» в известной французской газете «Le monde» показало тот факт, что эта рубрика состоит из шести тематических подрубрик: «cinema» (кино), «television» (телевидение), «livre» (книги), «musique» (музыка), «art» (искусство), «scenes» (сцены).

Рассмотрение рубрики «Культура» в издании «Российская газета» показало тот факт, что эта рубрика также состоит из шести тематических подрубрик: «Кино и ТВ», «Театр», «Музыка», «Арт», «Литература», «Культурный обмен». Исследование одной из общих рубрик для обеих газет, рубрики «art» / «Арт», показало наличие статей по общей тематике «музеи, выставки». Наряду с данной тематикой в издании «Российская газета» высокочастотно представлена подрубрика «раскопки» и среднечастотно подрубрика «памятники», которые практически отсутствуют в рассматриваемой рубрике «art» в газете «Le monde».

Сравнительно-сопоставительный анализ газетно-публицистического дискурса за последние три недели с начала марта 2023 года выявил совпадение темы публикации в выпусках от 9 марта, когда в газете «Le monde» в рубрике «Art» была опубликована статья Филиппа Дажена о художниках «De Léonard de Vinci à Cy Twombly, quand les maîtres du dessin jouent à faire des «gribouillages»» [20] («От Леонардо да Винчи до Сая Туомбли, когда мастера рисования играют в «каракули»») и в издании «Российская газета» была опубликована статья Татьяны Тюменевой «Открылась самая доступная выставка работ Кустодиева» [21].

Рассмотрение архитектоники статьи «De Léonard de Vinci à Cy Twombly, quand les maîtres du dessin jouent à faire des «gribouillages»» выявило наличие следующих когнитивных аттракторов: (1) лингвокультурные антропонимы «Léonard de Vinci» (Леонардо да Винчи), «Cy Twombly» (Сай Твомбли), (2) проксемы «Le Palais des beaux-art de Paris» (Дворец изящных искусств Парижа), (3) диадный лексического таймера «de la Renaissance à l'époque contemporaine» (от Ренессанса до современной эпохи), (4) номинации «gribouillages» («каракули»).

Было выявлено, что лингвокультурный антропоним «Léonard de Vinci» номинирует известного итальянского художника, ученого, изобретателя, писателя, музыканта эпохи Высокого Возрождения. Под лингвокультурным антропонимом предлагается понимать номинант, маркирующий культурно обусловленное имя человека. Этот антропоним может одновременно рассматриваться как лексический таймер, поскольку соотносит имя с определенной исторической эпохой. Под

лексическим таймером понимаются «слова или словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект в номинативном поле художественного концепта «ВРЕМЯ»» [22, с. 177].

Лингвокультурный антропоним «Су Twombly» номинирует известного американского художника, скульптора и фотографа. Этот антропоним также маркирует эпоху в американском искусстве с середины XX века по 2011 год и является лексическим таймером.

Проксема «Le Palais des beaux-art de Paris» (Дворец изящных искусств Парижа) представляет собой двуюдерную проксема, в состав которой входит номинация-топоним Paris – столица Франции и урбаноним «Le Palais des beaux-art». Специфика данной проксема заключается во вложенности одного проксеменного ядра в другое. Такое явление предлагается назвать *сопряженной двуюдерной проксемой*, под которой понимается двуюдерный проксеменный конструкт, где одно из ядер номинирует небольшое пространство, входящее в большее, номинируемое другим ядром, пространство.

Диадный лексический таймер «de la Renaissance à l'époque contemporaine» (от Ренессанса до современной эпохи) маркирует две точки на темпоральной оси. Под диадным лексический таймером понимается двуюдерный темпоральный маркер, в состав которого входит два сопряженных лексических таймера. Номинация «gribouillages» («каракули»), диссоциирующая с именами великих художников в контексте рассматриваемой статьи также становится когнитивным аттрактором в дискурсивном информативном коде статьи.

Рассмотрение архитектоники статьи «Открылась самая доступная выставка работ Кустодиева» выявило следующие текстовые когнитивные аттракторы: (1) лингвокультурный антропоним «Борис Михайлович Кустодиев», (2) проксема «на сайте «Виртуальный Русский музей»», (3) двуюдерный темпоральный маркер «к 145-летию со дня рождения», (4) номинации четырех картин «Купчиха за чаем», «Портрет Ф.И. Шаляпина», «Петр Первый», «Праздник в честь II Конгресса Коминтерна», (5) история картины «Петр Первый» и история картины «Праздник в честь II Конгресса Коминтерна».

Очевидно, что количество текстовых когнитивных аттракторов в тексте исследуемой статьи на русском языке превышает количество текстовых когнитивных аттракторов в выше рассмотренной статье на французском языке.

Было выявлено, что лингвокультурный антропоним «Борис Михайлович Кустодиев» маркирует известного русского и советского живописца, творившего с

рубежа XIX-XX веков до 1927 года. Данный лингвокультурный антропоним можно интерпретировать в качестве лексического таймера, указывающего на определенный период в развитии отечественной живописи. Проксема «на сайте «Виртуальный Русский музей»» репрезентирует явление цифровой эпохи. Двухданный темпоральный маркер «к 145-летию со дня рождения» состоит из обобщенной хронемы «145-летие» и лексического таймера «со дня рождения». Номинации четырех картин «Купчиха за чаем», «Портрет Ф.И. Шаляпина», «Петр Первый», «Праздник в честь II Конгресса Коминтерна» в качестве текстового когнитивного аттрактора сопрягает визуальный и невербальный смысловой ряд. Текстовый когнитивный аттрактор «история картины «Петр Первый» и история картины «Праздник в честь II Конгресса Коминтерна» отсылает читателей к историческим событиям.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ выявил преобладание количественного и качественного аспектов аттрактивности дискурсивного информативного кода в русскоязычной статье Татьяны Тюменевой «Открылась самая доступная выставка работ Кустодиева», опубликованной в издании «Российская газета», по сравнению с франкоязычной статьей Филиппа Дажена «De Léonard de Vinci à Cy Twombly, quand les maîtres du dessin jouent à faire des «gribouillages»», опубликованной в газете «Le monde».

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 2. – С. 85-86.
2. Огнева Е.А., Трофимова Н.А. Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 296-300.
3. Карасик В.И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. – 2022б. – Т. 9. – № 3. – С. 564-574.
4. Седых А.П., Шевченко М.И. К вопросу о стратегиях и тактиках в институциональном дискурсе // Научный результат. Сер. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – Т. 1. – № 1 (3). – С. 26-31.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14-31.
6. Карасик В.И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2022а. – № 3. – С. 61-71.
7. Голованова Е.И., Корсакова Ю.И. Учет семантики дискурсивных маркеров при проведении лингвистической экспертизы диалогов // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – 2019. – С. 317-318.

8. Огнева Е.А. Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа (на материале триумфальной речи по случаю победы на президентских выборах) // Филологический аспект. – 2018а. – № 12 (44). – С. 97-105.
9. Boldyrev N. N. The dominant principle of meaning construction in mind and discourse // Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning and Knowledge / Edited by Brian Nolan and Elke Diedrichsen. Cambridge Scholars Publishing. Lady Stephenson Library, 2019. – P. 85-104.
10. Кушнерук С.Л. Облик города в медиадискурсе британских местных газет // Пользовательский контент в современной коммуникации. Сб. мат-лов I Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2021. – С. 377-381.
11. Мощева С.В. Аксиологический и гносеологический аспекты массмедийного дискурса // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 72-75.
12. Мощева С.В. Манипулятивно маркированный дикурс: активные речевые практики // Медиалингвистика. Мат-лы VI междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 501-505.
13. Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022а. – № 1. – С. 6-13.
14. Alefirenko N.F. Chumak-Zhun I.I., Ozerova E.G., Stebunova K.K. Text and discourse: between Scylla and Charybdis of cognitive linguopoetics // Journal of Language and Literature. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 157-160.
15. Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование. Опыт сопоставительно исследования рекламной коммуникации. – М.: Флинта, 2019. – 368 с.
16. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты. Международный сборник научных трудов. Отв. ред.: Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина. – Белгород, 2018б. – С. 87-92.
17. Макарова А.Г., Озерова Е.Г. Язык и культура текста региональной газеты (Белгородская область) // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 113-116.
18. Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Мат-лы XI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. ЧелГУ. – Челябинск, 2022б. – С. 183-186.
19. Alefirenko N.F. Language Imagery: Discursive and Modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 3-14.
20. «Le monde». 2023, март. – URL: www.lemonde.fr
21. «Российская газета». 2023, март. – URL: www.rg.ru
22. Бузина Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 44. – С. 174-178.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81–23/.24

Белоусова Е.Д. Категории лица, числа и рода у глагола и их когнитивные особенности в русском и европейских языках

Белоусова Екатерина Дмитриевна

студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, РФ, г. Калининград
belousova.e2003@yandex.ru

**Verbal categories of person, number and gender and their cognitive features
in Russian and European languages**

Belousova Ekaterina Dmitrievna

student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Аннотация. В данной работе подробно описываются категории лица, числа и рода у глагола как его важнейшие морфологические характеристики и способы их проявления в языке. Автор представляет вниманию общепринятые в языкознании определения лица, числа и рода, рассматривает и сопоставляет их через призму каждого из четырех приведенных языков, через русский, английский, немецкий и латинский. Делается акцент на сравнении связи личных местоимений и глаголов во всех наклонениях и действии данных различий на способ мышления говорящего. Благодаря применению сопоставительного метода можно легко проследить, какими из выбранных грамматических категорий обладают рассматриваемые языки, и какое влияние они могут оказывать на когнитивные аспекты того или иного языка, а также посредством данного анализа можно выделить, какие языки отражают гендер в глаголах, а какие являются гендерно-нейтральными.

Ключевые слова: категории лица, числа и рода, глагол, морфологические характеристики, когнитивный аспект, гендер

Abstract. In this theoretical article the categories of person, number and gender are described in detail as the most important morphological characteristics of a verb and the ways of manifestation in the language. The author pays readers' attention to the conventional definitions of person, number and gender in linguistics, considers and matches them from the perspective of four languages, Russian, English, German and Latin. There is also an emphasis on the comparison of connection between personal pronouns and verbs in every mood and impact of these differences on the speaker's way of thinking. Due to the application of comparative method, it is easy to see which of the chosen grammatical categories the languages in question have and how they can influence the cognitive aspects of one language or another. Moreover, by means of this analysis it is possible to distinguish which languages show gender in verbs and which are gender-neutral.

Key words: category of person, number and gender, verb, morphological characteristics, cognitive aspect, gender

Введение и теоретическая часть

Язык – уникальная живая система, в которой четко проявляются тенденции развития общества и его потребности в данный момент времени. Часто благодаря изучению языков представляется возможным увидеть и ощутить образ мышления людей, находящихся в разных языковых средах, то, как они воспринимают различные объекты и явления, а также себя и остальных членов общества. Такие особенности можно проследить во всех частях речи посредством анализа морфологических, грамматических и семантических аспектов лексем. В данной статье мы рассмотрим одну из важнейших частей речи, позволяющих выражать нам действие, желание или состояние, без которой язык потерял бы свое «движение» – речь, конечно же, идет о глаголе.

Согласно «Словарю лингвистических терминов», глагол – это «часть речи, выражающая действие или состояние как процесс и характеризующаяся такими грамматическими категориями, которые указывают на отношение высказываемого к моменту речи, действительности, участникам речевого акта и т. п. (т. е. времени, наклонения, залога и др.), а также синтаксическим употреблением в функции сказуемого и особой системой формо- и словообразовательных моделей» [1]. Исходя из определения можно заметить, что глагол напрямую связан с когнитивными способностями человека посредством грамматических категорий, которых у него в общей сложности шесть или семь в зависимости от рассматриваемого языка: вид, залог, наклонение, время, число, лицо и род.

В этой работе мы обратим внимание только на три из вышеприведенных категорий – лицо, число и род через призму всех наклонений в языках индоевропейской семьи: в русском, английском, немецком и латинском. Акцент сделан именно на лицо, число и род глагола оттого, что данные категории напрямую позволяют понять, как индивид воспринимает субъект и объект речи по отношению к действию и действительности, в которой он находится.

Если говорить об определении лица, числа и рода глагола, то «Лингвистический энциклопедический словарь» обозначает их как «морфологические категории», призванные что-либо выражать или характеризовать. Например, лицо – это «морфологическая категория глагола, выражающая отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта»; число – «морфологическая категория глагола, выражающая качественную характеристику производителя действия (субъекта действия)»; род – «морфологическая категория, характеризующая субъект действия по признаку пола»

[2]. Важно сразу отметить, что из рассматриваемых нами четырех языков категория рода встречается только в русском, причем исключительно в формах сослагательного наклонения и прошедшего времени единственного числа изъявительного; в остальных же языках фигурируют только лицо и число, позволяющие выражать представления о субъекте и объекте действия.

Уже вышеупомянутый в определении глагола «Словарь лингвистических терминов» представляет свое видение категорий лица и числа. Дефиниции звучат следующим образом: лицо – это «грамматическая категория глагола, обозначающая отношение действия (процесса) и его субъекта к говорящему лицу»; число – «форма глагола, показывающая отношение данного процесса к единичному или не единичному субъекту». Более того, данный источник классифицирует лицо на три вида: глагольное, неопределенно-выраженное и определенно-выраженное. Первое является «выражением категориальных форм лица в парадигме глагольного спряжения»; второе обозначает первое лицо ед. ч., но выражено формой второго лица ед. ч. (например, в русском языке с добавлением безличного глагола «бывало»); третье же отличается от глагольного лица употреблением личного глагола вместе с местоимением, подчеркивающим «определенность» субъекта [1].

«Словарь лингвистических терминов» предлагает также классификацию глагольного лица по отнесенности субъекта речи к действию и коммуникативной ситуации. Так, например, первое лицо – это автор речи (говорящее лицо), с которым употребляется, соответственно, «глагольная форма, указывающая на то, что субъектом действия является сам говорящий»; второе лицо – лицо-слушатель, к которому обращена речь; третье же лицо (проксимальное) «не участвует в речи и стоит вне ее», к нему применима «глагольная форма, указывающая на то, что субъектом действия является лицо или предмет, не участвующий в речи». Однако помимо привычных и характерных для большинства индоевропейских языков трех лиц, словарь выделяет еще четвертое лицо (обвиативное), обозначающее одну «из нескольких форм «третьего» лица, выделяемую на основе категории отчуждаемой – неотчуждаемой принадлежности для указания на лицо» [1]. Оно призвано обозначать субъект, упоминаемый в предложении и не являющийся производителем какого-либо действия.

При сопоставлении данных определений можно заметить некоторые сходства. Так, к примеру, во всех определениях «Лингвистического энциклопедического словаря» и в дефиниции категории лица у «Словаря лингвистических терминов» фигурирует субъект действия и отношение действия к нему, однако происходит это

по-разному: в первом источнике рассматривается оппозиция «отнесенность-неотнесенность» действия по отношению ко всем участникам коммуникации, а второй источник делает акцент на том, как действие и его субъект относятся к говорящему, который может и сам являться производителем действия. Отличаются также и представления о числе глагола: первый словарь определяет число как «морфологическую категорию», позволяющую дать количественную характеристику субъекта; второй же считает число «формой глагола», демонстрирующей отношение действия к субъекту, который может быть выражен «единично» или «не единично».

Описательная и сопоставительная части

Стоит начать с рассмотрения латинских глагольных форм, которые передали некоторые особенности ныне существующим языкам. В изъявительном и сослагательном наклонениях применяется одинаковая система личных инфектных окончаний, причем каждому лицу и числу присущи индивидуальные флексии. Например, в формах первого лица ед. ч. и мн. ч. в активном залоге к основе глагола добавляются окончания -o (-m) и -mus, во втором лице -s и -tis, а в третьем -t и -nt. Такое разнообразие объясняется тем, что в латинском не существует прямой связи личного местоимения и глагола – он самостоятельно выражает субъекта речи посредством выбранной флексии. В пассивном залоге присутствует своя система окончаний, которая также используется для вышеупомянутых наклонений.

Примеры глаголов настоящего времени изъявительного наклонения в активном и пассивном залогах в 1 и 2 лице ед. ч.:

- 1) *adopto* – я выбираю, *adoptor* – меня выбирают;
- 2) *discis* – ты учишься, *disciris* – тебя учат.

Примеры глаголов настоящего времени сослагательного наклонения в активном и пассивном залогах в 2 и 3 лице мн. ч.:

- 1) *deleatis* – пусть вы бы разрушали, *deleamini* – пусть вас бы разрушали;
- 2) *puniant* – они наказывали бы [3, с. 117], *puniantur* – их наказывали бы [3, с. 118].

В повелительном же наклонении могут выражаться только оба числа второго лица в активном и пассивном залогах, для которых характерны свои правила формообразования. Однако общим и важным свойством для всех латинских глаголов может считаться их употребление без местоимений, то есть присутствие только «глагольного» лица. Таким образом, когда римлянин собирался выступить в качестве лица говорящего, хотел обратиться к лицу слушающему или же подчеркнуть, что

субъект или объект не относятся к действию, он соотносил глагольную флексию с коммуникативной ситуацией, что напрямую доказывает связь языкового строя и мышления носителя.

Далее рассмотрим способ функционирования английского глагола. В отличие от латинского, глагол в английском всегда находится в неразрывной связи с личным местоимением, то есть его лицо является «определенно-выраженным». Бывают случаи употребления глагола в одиночном виде в разговорной речи, однако это делается только при двух условиях: ответ является кратким и субъект действия – само лицо говорящее.

Пример такого диалога:

- Please, buy me those cookies when you go shopping. – Пожалуйста, купи мне то печенье, когда пойдешь в магазин.

- OK, got it. – Хорошо, понял.

В разговорном стиле такая форма вполне допустима, но по правилам речевой нормы глагол всегда должен быть «персонифицирован» при помощи местоимения, так как спряжение английских глагольных форм изъявительного наклонения обоих залогов отражается только на вспомогательном глаголе, который является общим для отдельных лиц. Примеры таких вспомогательных глаголов в зависимости от выбранного времени: -do, does; -am, is, are; -have, has; -will, shall (в устаревшем варианте). В английском отсутствует система индивидуальных флексий по типу латинских инфектных окончаний, однако исключение составляет только третье лицо ед. ч. во времени Present Simple, где к глаголу в утвердительном предложении добавляется окончание -s.

Продуктивнее всего выражает категорию лица вспомогательный глагол -am, используемый только для первого лица ед. ч.; остальные же указывают только на принадлежность к тем или иным лицам без конкретизации: вспомогательный глагол -do характерен для всех лиц, кроме третьего в ед. ч., для которого будет употребляться -does; форма глагола «to be» - «быть» -is показывает принадлежность к третьему лицу ед. ч., в то время как все остальные лица (за исключением первого в ед. ч.) определяются формой -are; с формами вспомогательных глаголов -has и -have все намного проще оттого, что первая применима к третьему лицу ед. ч., а вторая – ко всем оставшимся. Также в английском будущем времени ранее было два вспомогательных глагола -will и -shall: первый употреблялся со всеми лицами, а второй только с первым лицом в обоих числах, однако в современном языке остался только универсальный глагол -will ввиду упрощения грамматики.

Примеры предложений с разными временами:

1) I am doing my homework, don't disturb me. – Я делаю домашнее задание, не мешайте мне.

He is going to a party tonight. – Он идет сегодня ночью на вечеринку.

2) Do they spend much time watching TV in the evenings? – Много ли времени они проводят у телевизора по вечерам?

Does she work in the hospital as a nurse? – Она работает в больнице медсестрой?

3) We have just washed our hands before having dinner. – Мы только что помыли руки перед ужином.

The football match has already begun. – Футбольный матч уже начался.

4) It will be hard to remember all this information. – Будет трудно запомнить всю эту информацию.

We shall perform at the school theater. – Мы будем выступать в школьном театре.

В английском сослагательном и повелительном наклонениях в принципе отсутствует отражение категории лица непосредственно в глагольной форме. В первом случае ко всем глаголам вне зависимости от субъекта речи применяется вспомогательный глагол *-would*, а во втором так же, как в латыни, существует только две повелительные формы и обе относятся ко второму лицу, причем глагольная форма для них используется идентичная, выраженная инфинитивом, и без стоящего рядом личного местоимения. Также возможно выразить повелительное наклонение для первого лица мн. ч. (обычно в устной речи) посредством конструкции *let's*.

Примеры предложений с сослагательным и повелительным наклонениями:

1) I would do that anyway. – Я бы сделала это в любом случае.

We would go somewhere if we had a chance. – Мы бы поехали куда-то, если бы у нас была возможность.

2) Read it out loud, please. – Прочитай (прочитайте) вслух, пожалуйста.

Let's try it out! – Давайте же опробуем это!

Таким образом, можно выделить следующие наблюдения: английская категория лица находит свое отражение только в выбранной форме вспомогательного глагола, причем довольно неполноценно. В полной мере категорию персональности выражают только личные местоимения, находящиеся в неразрывной связи с глаголом («определенно-выраженное лицо»). Ввиду неизменяемости английского смыслового глагола не представляется возможным для носителя разрушить такую связь. Говорящий, определяя субъект и объект, всегда обязан соотнести действие с подходящим местоимением.

Немецкие глагольные формы имеют сходства в употреблении и строении как с латынью, так и с английским языком. Они представляют некий симбиоз ввиду того, что одновременно находятся в неразрывной связи с личным местоимением и имеют вспомогательные глаголы в некоторых временах, а также им присущи личные окончания наподобие инфектных латинских, однако они не так индивидуальны, как в праязыке.

Если рассматривать систему личных окончаний, характерную в изъявительном наклонении для настоящего и простого прошедшего времен, то можно заметить, что отличные от остальных флексии имеют только формы первого и второго лица ед. ч.; другие же окончания совпадают для нескольких лиц, например, -t для третьего лица ед. ч. и второго мн. ч.; окончание -en применимо к первому и третьему лицу мн. ч. Следовательно, для определенности субъекта и объекта действия требуется личное местоимение, помогающее выразить категорию персональности.

Некоторые вспомогательные глаголы несут в себе большую индивидуальность в отличие от личных окончаний. Ярким примером может послужить werden и его глагольные формы: для первого лица ед. ч. – werde, для второго ед. ч. – wirst, для третьего ед. ч. – wird; во мн. ч. выделяться будет только второе лицо с формой werdet, в первом и третьем мн. ч. будет идентичный глагол werden. Схожая ситуация обстоит и с haben и sein, с заучивания спряжения которых обычно начинают изучать немецкий язык. Кроме форм мн. ч. первого и третьего лица, где будут haben и sind, все остальные будут выражать категорию лица: первое лицо ед. ч. – habe и bin, второе ед. ч. – hast и bist, третье ед. ч. – hat и ist, второе во мн. ч. – habt и seid.

Примеры предложений с разными временами:

1) Wirst du diesen Film sehen? – Ты будешь смотреть этот фильм?

Er wird das Museum unbedingt besuchen. – Он обязательно посетит музей.

2) Habt ihr einen Hund gekauft? – Вы купили собаку?

Ich habe mehrmals diese Speise ausprobiert. – Я неоднократно пробовал это блюдо.

3) Sie ist nach vielen Ländern gereist. – Она путешествовала во многие страны.

Wir sind gestern spazieren gegangen. – Мы вчера ходили гулять.

В плане сослагательного наклонения современный немецкий язык стал равняться на английскую грамматику из-за желания упростить преимущественно устную речь. Если раньше для выражения условности требовалось изменить корневую гласную (в некоторых глаголах) и указать категорию лица посредством добавления личной флексии, то сейчас способ формообразования сослагательного

наклонения выглядит куда проще – необходимо просто использовать инфинитив и вспомогательный глагол *würden*, спряжение которого напоминает модальные глаголы, где формы первого и третьего лица ед. ч. будут совпадать из-за окончания -e, вследствие чего теряется персональность глагольной формы; во всех остальных случаях будет использоваться привычная система личных окончаний.

Примеры предложений с сослагательным наклонением (в устаревшем и современном вариантах):

1) *Ich ginge dorthin gern.* или *Ich würde dorthin gern gehen.* – Я бы охотно туда сходила.

2) *Du kämest, aber du hast viel zu tun.* или *Du würdest kommen, aber du hast viel zu tun.* – Ты пришел бы, но у тебя много дел.

Повелительное наклонение отлично от латинского и английского как минимум тем, что в нем присутствует не два лица, а четыре. В немецком обратиться с приказом или просьбой можно к четырем лицам: обеим формам второго и ко мн. ч. первого, а также третьего в качестве уважительной формы. При этом связь с местоимением и личные флексии у них будут работать по-разному.

Примеры предложений с повелительным наклонением:

1) *Mach das Fenster auf!* – Открой окно!

2) *Lest bitte dieses Buch nicht!* – Не читайте, пожалуйста, эту книгу.

3) *Machen wir das!* – Сделаем же это! (Давайте сделаем это!)

4) *Notieren Sie bitte die wichtigste Information.* – Отметьте, пожалуйста, самую важную информацию.

Как можно заметить из вышеуказанных примеров, каждая глагольная форма имеет свои отличия. Так, например, во втором лице ед. ч. для выражения повелительного наклонения остается только основа глагола без личного местоимения; во мн. ч. первого и второго лица сохраняется система личных окончаний, однако местоимение присуще только первому лицу, причем оно уходит на вторую позицию в предложении из-за акцента на действие; в уважительной же форме сохраняется и система окончаний, и местоимение на второй позиции, как в случае с мн. ч. первого лица.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: немецкие глагольные формы способны выражать категорию персональности благодаря системе личных окончаний и спряжению вспомогательных глаголов, однако связь личного местоимения и глагола остается все равно сильной ввиду совпадения некоторых формообразовательных флексий. Говорящему на немецком языке, следовательно,

приходится соотносить действие не только с нужными формами вспомогательного и смыслового глаголов, но и с подходящим к субъекту и объекту действия личным местоимением.

Русский же язык имеет определенные сходства и различия со всеми вышерассмотренными языками, однако поистине уникальным его делает наличие категории глагольного рода. Что касается связи личного местоимения и глагола, то здесь невозможно дать однозначный ответ; хоть русский глагол обычно и находится рядом с местоимением, он также способен употребляться самостоятельно ввиду наличия системы личных окончаний. Формообразовательные глагольные флексии в русском схожи с латинскими в плане своей индивидуальности для каждого лица. Выбор личного окончания в обоих языках определяется спряжением глагола – в русском глаголы можно разделить на две группы по типу спряжения, а в латинском на четыре. Более того, использование разнообразных окончаний обусловлено отсутствием каких-либо вспомогательных глаголов, как в английском и немецком языках.

В настоящем и будущем времени изъявительного наклонения присутствует следующая система личных окончаний: для первого лица ед. ч. -у (-ю) для обоих спряжений, для второго в ед. ч. -ешь (-ишь), для третьего в ед. ч. -ет (-ит); для первого лица мн. ч. -ем (-им), для второго во мн. ч. -ете (-ите), для третьего во мн. ч. -ут (-ют) и -ат (-ят). Однако русские глаголы можно также классифицировать по принципу отсутствия и двойственности некоторых форм лица. Так, например, Е. А. Анисимова и И. Н. Кавинкина выделяют «недостаточные» и «избыточные» глаголы. Первые характеризуются отсутствием форм первого и (или) второго лица (примеры: дерзить, победить, чудить), а вторые, наоборот, их вариативностью (пример: брызгать – брызгаешь и брызжешь). Стоит также отметить, что «между этими формами обычно существует или смысловое или стилистическое различие» [4].

Примеры предложений с настоящим и будущим временами:

- 1) Что (ты) делаешь в столь поздний час?
- 2) Они сегодня вечером играют на том стадионе.
- 3) (Я) буду поздно, ничего хорошего не обещаю.

При рассмотрении прошедшего времени изъявительного и самого сослагательного наклонений невозможно не заметить отсутствие категории лица и ее замену на категорию рода. Данным глагольным формам присущ суффикс -л, после которого следует флексия, выступающая маркером рода, например, нулевое окончание для мужского рода, -а для женского и -о для среднего. Однако род не

характерен только мн. ч., для которого будет применимо универсальное окончание -и. В остальных же случаях индивид, повествуя о себе, как о лице говорящем, обращаясь к лицу слушающему или упоминая объект действия, будет всегда соотносить глагольную форму с биологическим полом субъекта или предмета.

Примеры функционирования глагольного рода:

- 1) Ты принесла мне чашечку кофе?
- 2) Я пришел в тот магазин, а он был уже закрыт.
- 3) Сегодня бюро путешествий не работало.
- 4) Мы сделали все, что было в наших силах.

В русском повелительном наклонении принято выделять глагольные формы только для обоих чисел второго лица. Способ образования достаточно прост: требуется добавить к основе глагола суффикс -и для ед. ч. и флексию -те для мн. ч. Однако часто к таким словоформам в ед. ч. применяется еще и, так называемое, нулевое окончание в тех случаях, когда основа оканчивается на -ь или же на суффикс -й.

Примеры предложений с повелительным наклонением:

- 1) Учи это правило, оно тебе пригодится!
Нарисуй, пожалуйста, прекрасный пейзаж.
Спрячься за тем углом.
- 2) Учите сегодня стихотворение!
Нарисуйте то, о чем сейчас думаете.
Спрячьте это немедленно!

Таким образом, русский язык демонстрирует нам более свободную связь между личным местоимением и глаголом, чем в английском и немецком, но глагол не освобождается полностью от влияния местоимения, как это происходит в латыни. Ввиду использования системы личных окончаний в настоящем и будущем временах изъявительного наклонения иногда допускается опустить в речи местоимение для более быстрой передачи информации, однако так не получится поступить в прошедшем времени и сослагательном наклонении по причине совпадения глагольных форм во мн. ч. Тем самым, можно сделать вывод, что носителю русского языка приходится соотносить не только подходящую глагольную форму, но и в некоторых случаях нужное местоимение для точного выражения категории персональности.

Таблица 1. Сравнительно-сопоставительная таблица с результатами исследования

Параметр сравнения	Латинский	Английский	Немецкий	Русский
Наличие категории лица	+	+	+	+
Наличие категории числа	+	+	+	+
Наличие категории рода	-	-	-	+
Связь с личным местоимением	Отсутствует, глагол самодостаточен в плане выражения категории персональности	Неразрывная, ввиду неполноценности выражения категории лица посредством вспомогательных глаголов	Довольно сильная, из-за совпадения вспомогательных глаголов и личных окончаний у глагольных форм	Довольно свободная, благодаря системе личных окончаний местоимение можно опускать в речи, однако в прошедшем времени и сослагательном наклонении связь с местоимением неразрывна
Наличие системы личных окончаний	+	- (только окончание -s в третьем лице ед. ч. во времени Present Simple)	+	+ (для настоящего и будущего времен изъявительного наклонения)
Наличие вспомогательных глаголов	-	+	+	-
Влияние типов спряжения	+	-	-	+

Заключение

Рассмотрев и сопоставив способы функционирования глагола в четырех языках индоевропейской семьи, можно прийти к выводу, что он, как основополагающий элемент языкового строя, напрямую связан с мышлением носителя. Когнитивные различия, выявленные при анализе категорий лица, числа и глагольного рода в русском, английском, немецком и латинском языках и представленные в Таблице 1, проявляются в связи личного местоимения и глагола. В языках, которым присуще использование вспомогательных глаголов, действие всегда напрямую соотносится с субъектом и объектом из-за совпадения таких глаголов у нескольких лиц; языки, которые не применяют для образования глагольных форм вспомогательные лексемы и для которых характерно наличие системы личных окончаний, демонстрируют отсутствие связи местоимения и глагола или же ее значительное ослабление.

Следовательно, чтобы выразить «отнесенность-неотнесенность» действия к участникам коммуникации и их «качественную характеристику», носителям английского и немецкого языков необходимо провести логическую цепочку при формулировании мысли не только с подходящими формами вспомогательного и смыслового (в немецком языке) глаголов, но и с нужным местоимением. Говорящим на латыни и русском достаточно выбрать личную флексию, правильно характеризующую субъект и объект действия. Однако русский глагол сохраняет сильную связь с местоимением только в прошедшем времени и сослагательном наклонении ввиду совпадения формы мн. ч. и выражения гендерной принадлежности посредством категории рода.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Ленанд, 2021. – 576 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. – 709 с.

Список источников

1. Зарембо О.С., Прокопчук О.Г. Латинский язык / Учебно-методическое пособие / Гл. ред. Шевченко Г.И. – Минск: БГУ, 2011. – 173 с.
2. Анисимова Е.А., Кавинкина И.Н. Глагол. Наречие. Служебные части речи и другие классы слов / Пособие для студентов высших учебных заведений. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2010. URL: https://ebooks.grsu.by/kavinkina_lang/grammaticheskie-kategorii-glagola.htm (дата обращения: 11.03.2023).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.282

Захарова А.Э. Феномен смысловых интенций в «Благой вести» Венедикта Ерофеева

Захарова Анжела Эдуардовна

студентка факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
z-an9i@yandex.ru

The phenomenon of semantic intentions in the «Blagaya Vest» by Venedikt Yerofeev

Zaharova Angela Eduardovna

Student the Faculty of philology and intercultural communications
Ufa University of Science and Technology, Branch in Birk
Russian Federation, Bashkortostan, Birk

Аннотация. Статья представляет собой аналитический разбор малоизученного текста Венедикта Ерофеева «Благая весть». Литература постмодернизма стремится к синкретизму отличных друг от друга кодов, знаков, культурных концептов. Для Венедикта Ерофеева «Благая весть» – это не только эксперимент над формой, но и попытка напомнить читателю об утративших значение ценностях. Цель работы заключается в объяснении механизмов рождения смысла: это и прямая отсылка к евангельскому тексту, и интертекст, и фон аллюзий, реминисценций из литературной классики. Методология исследования соотносится с герменевтическими принципами, рецептивной эстетикой. Практический характер материала заключается в том, что его можно использовать при изучении творчества Венедикта Ерофеева, русской литературы второй половины XX века.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, «Благая весть», интертекстуальность, дискурс, текст, автор.

Abstract. The article is an analytical analysis of the little-studied text of Venedikt Yerofeev "Blagaya Vest". The literature of postmodernism tends to syncretism of codes, signs, and cultural concepts that differ from each other. For Venedikt Yerofeev, the "Blagaya Vest" is not only an experiment on form, but also an attempt to remind the reader of values that have lost their meaning. The purpose of the work is to explain the mechanisms of the birth of meaning: this is a direct reference to the gospel text, and the intertext, and the background of allusions, reminiscences from literary classics. The research methodology correlates with hermeneutical principles, receptive aesthetics. The practical nature of the material is that it can be used in the study of the work of Venedikt Yerofeev, Russian literature of the second half of the XX century.

Keywords: Venedikt Yerofeev, "Blagaya Vest", intertextuality, discourse, text, author.

Литература второй половины XX века, как в режиме зарубежной, так и отечественной раскладки, явление непростое, многоликое. Художественная модель мира, создаваемая в новых условиях, ориентирована на синтез разнонаправленных координат. Подобный эстетический эксперимент наблюдается и на уровне формы, и в пределах языка, жанра, и в конгломерате идейных, смысловых параллелей. Отметим, что фигура автора при этом нивелируется, претерпевает трансформацию, исчезает. По смелому заявлению структуралиста Ролана Барта, наступает т.н. «смерть автора» [2]. Однако стремление сохранить преемственность нарочито обыгрывается писателями первой волны русского постмодернизма, к которой, в частности, относим Венедикта Ерофеева.

Новая поэтика, новая эстетика, новый взгляд на окружающий нас мир не исключает синкретический характер. Если на уровне формы совместить разноплановые уровни получается достаточно органично, то содержательный пласт требует от авторов внимательной и вдумчивой творческой работы. Не лишает себя подобной экспериментальной экспрессии и Венедикт Ерофеев [1].

Творчество Вен. Ерофеева представляет для исследователей особый интерес, в его текстах внешние приметы есть ориентир на многомерный, сложный путь дешифровки смысла. Из написанного указанным автором окончательно завершены буквально два произведения: это «Москва – Петушки» (1969) и «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1984-1985). Все остальное представлено в деталях, набросках, незаконченных обрывках. Нетривиально написана, на наш взгляд, и мало изучена «Благая весть», текст, ориентированный на переложение евангельского конструкта. Следовательно, целесообразно осуществить анализ данного произведения и обратить внимание на то, каким образом конфигурируется смысл в этой достаточно непростой литературной форме. Таким образом, основная задача работы сводится к оценке «Благой вести» в рамках рецептивной эстетики, компаративистики, герменевтического принципа.

Венедикт Васильевич Ерофеев известен исследователям как интеллектуал, уникал, феноменальная личность. Его стиль и манера изложения отличны от большинства представителей литературной сферы второй половины XX века. В исследованиях [3, 9-10] поэтики текстов Вен. Ерофеева раскрывается сущность авторского языка, дается оценка расшатывания жанровых канонов, определяется фактурность образной системы (периферия – центр), устанавливаются текстовые особенности, определяется смысловое множество, формируемое объемным рядом отсылок к классике. Вообще для Венедикта Ерофеева было свойственно сближать

разные элементы, разные культурные коды в единое нарративное полотно: низменное, низовое сращивается с высокопарным, сверхвысоким, комическое сближается с трагическим, телесное сращивается с духовным. Подобный вариант синкретических сращений наблюдаем в «Благой вести» (1962), тексте незавершенном, однако ориентированным на ряд серьезных смысловых нитей.

Отправной точкой анализа «Благой вести» может стать рецепция формы: в данном случае целесообразно обратить внимание на жанр. Евангельская составляющая проявляется на уровне композиции, словесной игры, контаминации дискурсивно-эстетических [4] магистралей. Думается, что «Благая весть» была задумана, написана как новый вариант манифестации онтологических ценностей. Середине XX века характерна переоценка классических ценностей, порой, нарочитый отказ от устоявшихся границ. Но для Венедикта Ерофеева правда бытия заключается не в разрушении [5], реализации деструктивного поведенческого комплекса, а в преодолении симулятивного отношения к основам бытия. Градационный порог при этом усиливается с помощью языка, смежного с молитвенным словом.

«Благоую весть» Венедикта Ерофеева нельзя однозначно сопоставить с каноническим евангельским текстом, но ее суть и не сводится к этому. Для автора, а это именно авторский текст, основная цель заключается в преодолении личностного начала, создании верифицированной транспарентности христианства как одной из форм веры.

Если пьесы А.Н. Островского, романы Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, тексты Н.С. Лескова нарочито ориентировали на оценку мироустройства с православных позиций, то литературный XX век отошел от столь прямого указания на это. Миропонимание героев произведений Ивана Бунина, Михаила Булгакова, Ивана Шмелёва, Андрея Платонова, Бориса Пастернака, Александра Солженицына формировалось в условиях имманентной модели, закрытой для буквального откровения.

Венедикт Ерофеев создает свой вариант евангельской направленности. Своеобразие «Благой вести», на наш взгляд, в проговаривании автором ряда истин с апелляцией к буквально бытовому опыту читателя. В принципе, все в тексте достаточно очевидно: наличный «призыв», «воззвание», конкретика состояния героя, исцеляющий извод читателя. Однако для автора важен и т.н. долгосрочный эффект, «Благая весть» не только чтиво в тривиальном понимании этого слова, но и ориентир к новой жизненной истории, к правде, которая нужна для общества.

Пространственные координаты этого произведения близки условно земным. Художественное время, по определению, не конкретизировано: «И было утро – слушайте, слушайте! И было утро, и был вечер...» [1, с. 177], «Наступит время и Ты поймешь, – с тех пор как звезда наша стала заново восходить и перепуганный Творец ввел в наших сферах систему тайных доносов, ни один мыслящий придурок не хочет быть понятым в пределах, указанных Тем, чей дух почил на Тебе с ударом молнии, возвестившей мое явление...» [1, с. 178] и т.д.

Путь героя / автора, а далее и читателя, выстраивается в пределах открытых номинаций: «прежде чем расступится тьма и Ты возвратишься в тот мир, которому теперь не принадлежишь, – сердце Твое сто тридцать раз сожмется от страха и таинственных речей, и увидишь край, где томятся души воинства Люцифера и изведаете силу трех испытаний, соблазнительнее тысячи бездн...» [с. 178]. Трагическая составляющая заключается в том, что начало пути ориентировано на Тьму, которая распространена максимально объемно. Стоит предположить, что мир реальный, мир социальный или действительность как таковая оказывается в ситуации тупика, невозможности выбора: «Он явился – Тот, кого зовут Всемогущим – с первой комбинацией элементов, положившей начало Гармонии и Порядку; и сделал их принципами унылых актов творения, и свет отделил от тьмы, и явились Земля и светила на тверди небесной» [с. 180], «Так говорил Сатана» [с. 180]. Искушением для героя становится многомерность перспективы, желание обрести Гармонию и Порядок, но это лишь надменная провокация, не имеющая основ жизнеутверждения.

Феноменальность смысловых границ «Благой вести» Вен. Ерофеева заключается в синкретически сложном финале. Помимо собственно евангельских параллелей находим здесь еще и отсылки к литературной классике, насколько сильно они аргументируют желание героя достичь т.н. правды жизни. Например, «и полчища фурий, вампиров и ведьм рассыпались надо мной в смерче бергаманского танца, и низвергались вместе со мною – <...> – сквозь неистовство всех стихий, <...> в карнавале бедствий – праведное небо! – я летел как бомба, И светила, выбитые из орбит – тысячью вихрей – чертили вокруг меня бешеные арабески – и Галактика содрогалась в блеске божественной галиматъи – в глазах моих все померкло» [с. 189]. «Праведное небо», если вспомнить роман «Война и мир» Л.Н. Толстого, для Андрея Болконского и было тем откровением, которого он достиг. Ответа на множество жизненных вопросов в «Благой вести» как и у Л.Н. Толстого нет, однако смысловые [7] магистрали намечены очень четко.

Для Венедикта Ерофеева пространство текста становится ситуацией обновления, обретения тверди жизни. Письмо как таковое, вбирая разные интертекстуальные фокусы, формирует прочный палимпсестный дискурс [8]. Читатель целенаправленно ориентирован автором на интенциональное расширение горизонта коннотаций [6]. Возвращение к непререкаемому, на наш взгляд, сближает мышление Венедикта Ерофеева с изводами античной литературы, что вполне правильно и осознано: «Я очнулся в том самом образе, который утратил было в семье небожителей. И снова увидел землю, которую вечность назад покинул, и сам не признанный никем, никого не узнал» [1, с. 189].

Путь, который намечен для героя, да и для читателя только начинается, хотя номинация заглавных доктрин жизни произведена: «Я вышел навстречу мятущимся, и сказал: «Остановитесь, добровольцы! Смирите вашу отвагу и внемлите Мне, творящие добро: умеете преодолевать в себе то, чем являетесь вы от рождения, и не будьте доверчивы к импульсам, возникающим безответственно» [1, с. 190]. Смирение, отвага, добро, преодоление – вот пока не основной, но обязательный стандарт этики, требующий исполнения. Как таковая реалья, а именно к ней подводит нас автор, обречена на низведение в бездну, возвращение из которой невозможно.

Если «Благая весть» Вен. Ерофеева начиналась с искушений Сатаны, то заканчивается проповедью исцеленного: «Отойдите от берега: худшая из дурных привычек – решаться на подвиг, в котором больше вежливости, чем сострадания. Имейте мужество быть ротозеями – даже в те мгновения, когда гражданские обязательства побуждают вас действовать очертя голову, – идите за Мной – и позвольте утопающему стать утонувшим» [1, с. 190]. Напутственное мирское слово в данном случае является действенным и аргументированным, именно словом исцеляет автор и душу читателя, обозначая возвышенную перспективу. Ситуация потопа из ветхозаветного текста повторяется: «И воды сомкнулись над головой неведомого страдальца, и смущение запечатлелось на юных лицах, и взглядом окинули фейерверк...» [1, с. 190]. Иного обновления, вероятно, не может быть; земная твердь очищается как в метафорическом смысле, так и в интеллектуально-эстетическом. Стоит заметить, что текст «Благой вести» открыт, он незавершен, но и это, думается, правильный финал, созданный Венедиктом Ерофеевым. Для себя автор итог все же конкретизировал, хотя и это остается в пределах смысловых интенций. Для читателя объективный результат будет сложен значительно позже, ибо многое нужно еще переосмыслить, до многого нужно еще дорасти.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Благая весть» Вен. Ерофеева является, по сути, экспериментальной площадкой, с которой манифестируются знания о мире, знания о природе человека, напоминается приоритет определенных категорий этического, морального и нравственного толка. Ерофеев, конечно же, не учит читателя, это бессмысленно, он не старается догматику правил озвучить как бескомпромиссный каталог, однако именно без них человек теряет веру, надежду, смысл жизни.

Авторский взгляд направлен на преодоление в человеке надменно индивидуального. Итог «Благой вести» объективно оправдан, если даже его несколько иначе сконфигурировать: «велика ценность, завещанная пославшими Меня в этот мир – способность к жалости и самопожертвование» [1, с. 190]. Получается, и мы, как читатели, должны стремиться к некоей реализации указанной модели, однако этот путь сложен, тернист, но праведен.

Список литературы

1. Ерофеев В.В. Собр. соч.: в 2-х т. Т.2. М.: ВАГРИУС, 2001. 384 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. Санкт-Петербург : Гиперион, 2018. 226 с.
4. Безруков А.Н. Дифференциация текста и дискурса с позиций современной лингвистической теории // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе, Орел, 01 апреля – 01 2015 года / ответственный редактор: А.Г. Пастухов. Том 13. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2015. С. 8-19.
5. Безруков А.Н. Циркуляция танатологических мотивов в русской классике // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сборник научных трудов. Том Выпуск 7 (13). Тверь : Тверской государственный университет, 2017. С. 31-36.
6. Богин Г. Филологическая герменевтика. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. 48 с.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / Пер. с франц., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
8. Безруков А.Н. Факторы семантической изотопии литературно-художественного дискурса // Нижневартковский филологический вестник. 2018. № 2. С. 81-86.
9. Бравин А. «Благая весть» Венедикта Ерофеева и модель библейской риторики // Словесность и история. 2022. № 1. С. 151-174.
10. Перепелкин М.А. Мир, наизнанку вывернутый: метафизика «края» в «Благовествовании» Венедикта Ерофеева // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1(123). С. 104-112.

УДК 82.28

Изикаева Я.Д. Типология современной российской сюжетной лирики

Изикаева Яна Динаровна

студентка факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
izi.yana22@gmail.com

Typology of modern Russian plot lyrics

Izikaeva Yana Dinarovna

Student the Faculty of philology and intercultural communications
Ufa University of Science and Technology, Branch in BirsK
Russian Federation, Bashkortostan, BirsK

Аннотация. Данная статья посвящена литературоведческому анализу современной российской поэзии. Думается, что вопрос организации лирической сюжетики является наиболее актуальным, ибо большая часть текстов современной лирики, в частности Веры Полозковой, Ирины Астаховой, Сола Моновой построена не на чисто эмоциональном накале, что характерно для классики, но на визуальном эффекте. Модель художественного бытия превращается в клиповую парадигму событий. Немаловажно, что и современный читатель ждет именно такого формата. Цель данной статьи верифицировать типологию лирических сюжетов, определить своеобразие поэтики новейшей отечественной поэзии. Синкретический характер методологии анализа, на наш взгляд, позволяет наиболее точно представить основной событийный пласт, объективировать тематический уровень.

Ключевые слова: новейшая российская поэзия, сюжет, Вера Полозкова, Ирина Астахова, Сола Монова, рецептивная эстетика.

Abstract. This article is devoted to the literary analysis of modern Russian poetry. It seems that the question of the organization of lyrical plotting is the most relevant, because most of the texts of modern lyrics, in particular Vera Polozkova, Irina Astakhova, Sola Monova, are built not on purely emotional intensity, which is typical for classics, but on visual effect. The model of artistic existence turns into a clip paradigm of events. It is also important that the modern reader expects exactly this format. The purpose of this article is to verify the typology of lyrical plots, to determine the originality of the poetics of the latest Russian poetry. The syncretic nature of the analysis methodology, in our opinion, allows us to most accurately represent the main event layer, objectify the thematic level.

Keywords: the latest Russian poetry, plot, Vera Polozkova, Irina Astakhova, Sola Monova, receptive aesthetics.

Лирический текст представляет собой феноменальное явление, ибо в отличие от прозы он требует максимального совершенства и гармонии между формой и содержанием. Поэтические эксперименты были свойственны всем эпохам, всем временам. Еще с античного периода авторы были склонны синкретически совмещать классическую поэтику с рядом новых принципов. Это позволяло сделать текст более

открытым, привлекательным, оригинальным. Не лишена указанной черты и современная российская поэзия.

Имена Веры Полозковой, Ирины (Ах) Астаховой, Сола Моновой (Юлии Соломоновой) уже прочно вошли в наличный читательский список. Привлекает в текстах указанных авторов разверстка сюжетного хода, для поэтов важно не только передать индивидуально-личное, субъективное состояние души, сколько нарисовать художественную картинку происходящих событий. Отметим, что в классической поэзии сюжет все же играет несколько второстепенное значение, лирика XXI века стоит на иной поэтике, иной органике, для текстов изображаемая пиктограмма фактической действительности есть главное условие. Таким образом, цель нашей работы сводится к анализу лирических текстов и установлению типологии сюжетов новейшей русской поэзии. Методологическая основа исследования ориентирована на интегративный принцип, ибо содержательный пласт изучать целесообразно в рамках аналитики, форма может быть оценена рецептивно. Материал имеет практический характер, на наш взгляд, изучение сюжетных ходов в новейшей отечественной лирике является актуальным и продуктивным.

Современный литературный процесс объемлен в рамках жанрово-видовой типологии. Богатая проза, нетривиальная драматургия, открытая к диалогу лирика – вот, пожалуй, так можно охарактеризовать состояние отечественного художественного творчества. Большая часть из написанного, созданного в условиях новой российской словесности привлекает исследователей. Неоднозначной в критике видится поэтика текстов, типология сюжетов, смысловая разверстка произведений. Наиболее фактурно, на наш взгляд, выглядит трансформация лирических конструкций. Именно в поэзии эксперимент дается открыто, принципиально, конструктивно. Схоже второе десятилетие XXI века с настроениями начала XX столетия. И Владимир Маяковский, и Игорь Северянин, и Сергей Есенин, и Александр Блок формировали новый мир, мир новых идей [1] и настроений. Сейчас же на авансцене Вера Полозкова, Ирина Астахова, Сола Монова.

Лирика последнего десятилетия все активнее ориентирована на так называемый процесс визуализации. Поэты не только обыгрывают уже готовые сюжетные линии, но выстраивают целый комплекс игровой направленности, что не может не нравиться читателю. Например, Яна Савицкая, молодой, но достаточно интересный поэт так формирует реалии художественных событий:

*«Вышел Гриша поутру на крыльцо,
заглянул коту соседскому в лицо,
в дождик еле слышный посмотрел,
так и сел» [2, с. 74].*

Очевидно сходство с устным фольклорным творчеством, при этом Я. Савицкая переводит приоритет уже сказанного на новый формульный извод:

*«А вокруг-то... и не дать, и не взять,
что упало с мокрых веток – всё видать...
только погоди, постой, Марин,
что за цвет у неба посмотри» [2, с. 75].*

Таким образом, для достижения эффекта разрешения смысловой имманентности нужен не традиционный эмпирический ряд, но событийная картина т.н. живого пространства.

Сюжетология [3] поэтических конструкторов Ирины Астаховой необычна, оригинальна, многолика. Для Астаховой важно прописать сюжет не только в рамках бытовых реалий, хотя это нарочито сделано, но событийный уровень расширить до характерной модели миропонимания, свойственной не только современности, но и прошлому. Например, это встречаем в стихотворении «Начало»:

*«Впервые морщинки коснулись лица:
Две тонкие нити окутали очи.
Я в зеркале вижу начало конца,
Как вижу в окне наступление ночи» [4, с. 10].*

Или достаточно достоверно и искренне в стихотворении «Молитва»:

*«Господи, как мне хочется все успеть!
Лень победить свою и ничтожный страх –
Как бы мне не пропасть и не просмотреть
То, что могу держать на своих руках?*

*Господи, как мне хочется не устать
От суеты своей и ненужных дум!
Как бы мне не упасть на свою кровать?
(Или в еще какую-то наобум!)» [4, с. 80].*

Тематический спектр лирики Ирины (Ах) Астаховой достаточно широк, вероятно, это и объясняет существование в ее поэтическом мире интересно построенных сюжетов. Стихотворение «Собака», на наш взгляд, вбирает и интимно-

личное, и общественное, и даже философское. Строчки не оставляют нас равнодушными, при этом тяжелый фон происходящих событий хочется вновь и вновь озвучивать, переживать вместе с лирической героиней:

*«Скажите мне: вы, люди, замечали,
Уткнувшись в телефоны и на стены,
Глаза собаки, полные печали,
Живущей возле метрополитена?» [4, с 106].*

Основной образ по ходу развития сюжетной канвы объясняет для себя сложившееся положение, размышляет, что и мир в целом теряет важные, существенные человеческие качества. Тоска по «живому» и естественному в финальных строчках звучит максимально чувственно:

*«И грустно мне! Особенно ночами,
Что не могу я, преклонив колено,
Забрать собаку с грустными глазами,
Живущую у метрополитена» [4, с. 107].*

Поэтика текстов Ирины Астаховой тяготеет к классической, традиционной. Каких-либо серьезных языковых экспериментов практически не встречается, пожалуй, это говорит о диалоге с классикой. Оценка творчества Астаховой, которая дается в массе критических источников, вариантна, есть как положительные рецензии, так и отрицательные – таков художественный текст.

В плане сюжетных ходов нельзя не отметить нарочито используемую Ириной Астаховой форму травести. Но перевоплощение в «мужское» и вновь возврат в собственно «женское» ощущается достаточно акцентно. Специфика ее стихотворений, их индивидуальность, видимо, в том, что они ориентированы на обыгрывание, проигрывание сюжетных, внешних реалий. Действенная картина мира предстает целостно, метафизически полновесно.

Иная концепция выстраивания лирического сюжета характерна манере письма Веры Полозковой. Интертекстуальный [5] вариант ее языка отсылает к поэтическим наррациям Владимира Маяковского, Николая Гумилева, Иосифа Бродского и ряда других поэтов-классиков. Путь написания текстов для Веры Полозковой сопоставим, на наш взгляд, с процессом постижения дзен-модели. Например, вот так это представлено в стихотворении «Ис-комы-е»:

«Рифмоплетство – род искупительного вранья.

Так говорят с людьми в состояньи комы.

Глядя на ладони, даже хохмят, – влекомы

Деятельным бессилием. Как и я» [6, с. 139].

Номинация событий осуществляется в режиме прямой фиксации, частотность их вполне оправдана, таким образом достигается объективность повествования:

«Ездил на дачу к деду, прибрал в избе.

Крышу стелил. Грибов собирают – вёдра!

Митька щенка взял, выглядит очень бодро...» [6, с. 139].

Мотив сознательного выбора пути, имманентное путешествие, сюжетный ориентир на «условный Восток» встречаем в стихотворении «Верблюды»:

«Идём, под тяжёлым веком несём пески

И медленными сердцами тихонько стынем мы;

Горбы маскируем скромно под рюкзаки –

Нас ждут в оазисах, далеки,

Круглосуточные ларьки

За асфальтовыми пустынями...» [7, с. 98].

Можно отметить, что образы Веры Полозковой на первый взгляд буквальные, они как бы списаны с действительности, однако контуры настоящего по ходу чтения, восприятия стиля [8] приобретают несколько размытые очертания.

Дискурсивная [9] практика Веры Полозковой как поэта, качественно работающего над содержанием, смыслом сказанного, не сводится к стилистической огранке текста, для Полозковой поэтический стиль складывается на соразмерном стремлении к диалогу с читателем, реципиентом. Как отмечает А.Б. Фисенко, «для лирики В. Полозковой характерны диалогичность как намеренное наделение монологической речи чертами диалога и диалогизм как элемент структуры тексты и форма организации художественной речи» [10, с. 121]. Следовательно, рождение лирического сюжета у данного автора по определению сводится не только к личной истории, явлению социального порядка, но стремится к имманентному путешествию, движению к самому себе. Ряд схожих экспериментов можно было наблюдать у авторов начала XX века, причем это было свойственно не только модернистам, но и писателям реалистической [11] направленности. Вероятно, новый поэтический космос выстраивается в режиме апелляций, опять же античность, метафорика Возрождения для лирических сюжетов настоящего авторитетна.

Лирика еще одного представителя новейшего литературного процесса, на наш взгляд, ярко демонстрирует раскрытие сюжетных вариаций. Имя Сола Моновой в медийном пространстве на слуху – это и музыкальные композиции, и читка текстов под аккомпанемент, и травести, и даже некая театрализованная импровизация. Юлия Соломонова, а это ее настоящее имя, получила известность благодаря социальным сетям, платформе Стихи.ги. Отмечается, и это вполне оправдано, «Сола – это Игорь Северянин XXI века».

На данный момент Сола Моновой выпущено достаточное количество книг [12, 13], можно констатировать, что ее популярность растет. Думается, привлекает в поэзии указанного автора именно сюжетно-бытийный уровень, обыгрывание вполне понятных и где-то даже бытовых событий. В текстах Сола Моновой внешний игровой фон типологически обработан, это нравится и массовому, и элитарному читателю. Нарочитая простота доступна для многократного прочтения.

Сюжеты стихотворений Сола Моновой подсказывает сама действительность: блоги, чаты, цифровой контент, дискурс гламура, бьюти-реалии и т.д. Например:

«Верь в моду, в спорт и в удобу

[Уже не станет хуже].

И можешь наколоть губу

Для веры, не для мужа... «»

Несовершенная наша плоть,

Несчастливы люди-боги,

Но надо верить, раз Господь

Придумал бьюти-блоги» [12, с. 259].

Формируя событийный уровень своих текстов Сола Монова удачно, на наш взгляд, сводит в единый центр личное и общественное, глубоко частное и максимально типичное:

«Обновляй мою страницу

Чаще, чем свою,

И пускай тебе не спится –

Баюшки-баю.

*Видит сладкий сон столица,
Дышит глубоко.
Обновляй мою страницу –
Сон для слабаков» [12, с. 384].*

Частность художественных историй для Сола Моновой предмет особой гордости. Формально события ее стихотворений соотносятся с тем или иным именем, но читатели, особенно читательницы, узнают себя, своих подруг, своих близких и родных:

*«Анна просила Бога: «Господи, дай мне мужа,
Трижды я причащалась, совесть – как хлорамин!
Автомобиль без крыши всё ещё очень нужен,
Только супруг важнее! Господи, дай! Аминь» [13, с. 104].*

Обобщая сказанное, может выделить основной набор лирических сюжетов, которые достаточно продуктивны для новейшей российской поэзии. Типологически их можно объединить в следующий ряд:

- личная история,
- бытовая наррация,
- общественно-социальное явление,
- игровая история,
- трагедии (перевоплощение),
- имманентное путешествие.

При более детальном анализе, безусловно, типологию можно или расширить, или вычленив дробный ситуативный кластер. Однако, на наш взгляд, представленная раскладка отражает наиболее вероятные пути разрешения сюжетных ходов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: современная отечественная лирика в ряде указанных имен ориентирована на полновесное разрешение сюжета. Можно констатировать, что внутренне эмпирическая составляющая не исключается в текстах Веры Полозковой, Ирины Астаховой, Сола Моновой и других авторов, но внешние, порой игровые события становятся некоей коммуникативной [14] доминантой. На наш взгляд, это не мешает воспринимать современные тексты, высвечивать смыслы, рецептивно оценивать форму.

Диалог с классикой как обязательное условие литературного процесса все же соблюдается, даже проза органично вбирает в себя лирический нарратив. Например, в романах Алексея Сальникова [15] или Александра Пелевина [16]. Преемственность

позволяет обозначить тенденции характерные для новой литературы, отчасти определиться со спектром тем, проблем, которые раскрывают авторы. Сюжетная лирика более понятна и актуальна для современного читателя, это востребованный формат последних лет.

Список литературы

1. Гончаров П.А. "Но страшно мне: изменишь облик Ты": мотив подмены в поэме А.А. Блока "Двенадцать" // Литература в школе. 2022. № 4. С. 48-59.
2. Савицкая Я. Словарная статья // Новый мир. 2022. №5 (1165). С. 73-76.
3. Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструкторов // Studia Humanitatis. 2019. № 3. С. 24.
4. Астахова Ах. Мужская и женская лирика. 2-ое изд., дополненное. М.: Издательство «Э», 2018. 312 с.
5. Безруков А.Н. Интертекстуальные вариации в границах постмодернистского письма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2014. № 2(4). С. 129-134.
6. Полозкова В. Непознание. М.: Livebook, 2017. 224 с.
7. Полозкова В., Паволга О. Фотосинтез. М.: Livebook, 2017. 112 с.
8. Фисенко А.Б., Култышева О.М. Идиостилевое своеобразие диалогической лирики В. Полозковой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2(35). С. 247-250.
9. Безруков А.Н. Поэтический стиль и художественный дискурс: проблема соотношений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 года. Том 2. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 169-172.
10. Фисенко А.Б. Значение и адресованность диалогов в лирике В. Полозковой // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 2(87). С. 119-121.
11. Чевтаев А.А. Стихотворение И. Бунина "Айя-София": архитектурный "космизм" в структуре лирического сюжета // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 191-206.
12. Монова Сола. Стихи. М.: Издательство АСТ, 2019. 416 с.
13. Монова Сола. Когда появляется в жизни мужик. М.: Издательство АСТ, 2020. 160 с.
14. Безруков А.Н. Коммуникативные стратегии анализа художественного дискурса // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2017. № 2(13). С. 143-149.
15. Канарская Е.И. Функции и формы репрезентации лирики в романе А. Сальникова "Опосредованно" // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 2(10). С. 78-91.
16. Пелевин А. Покров-17 : [роман]. М.: ИД «Городец», 2022. 304 с.

УДК 82

Назаров И.А. Феномен безумия в советской культуре 1920-х гг. на примере очерка Е. Ромас «Вне жизни»

Назаров Иван Александрович

Канд. филол. наук, заведующий отделом научно-исследовательской деятельности ГБУК г. Москвы «Музей М.А. Булгакова», Доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский Международный Университет», РФ, Москва
Nazarov.postbox@gmail.com

The Phenomenon of madness in Soviet Culture in the 1920s on the example of the essay by E. Romas "Beyond Life"

Nazarov Ivan Aleksandrovich

Cand. Sci. (Philology), head of the research activity department M.A. Bulgakov Museum Assistant professor of department of humanities International University in Moscow, Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации феномена безумия на примере очерка Е. Ромас «Вне жизни». Внимание уделяется различным вариациям мотива безумия – патографическому тексту (описанию психической болезни и ее лечения), многочисленным образам героев-безумцев, мотиву театральности, образу сумасшедшего дома и его персоналу, а также другим аспектам исследуемой темы.

Ключевые слова: Безумие, мотив, сокрытие безумия, симуляция безумия, образ врача-психиатра, образ безумца, образ сумасшедшего дома.

Abstract. The article discusses the features of the implementation of the phenomenon of madness on the example of the essay by E. Romas "Beyond Life". Attention is paid to various variations of the motive of insanity – pathographic text (description of mental illness and its treatment), numerous images of mad heroes, theatricality motive, the image of a lunatic asylum and its staff, as well as other aspects of the topic under study.

Keywords: Madness, motive, concealment of madness, simulation of madness, the image of a psychiatrist, the image of a madman, the image of a madhouse.

Феномен психической болезни, как указывают отечественные и зарубежные исследователи-гуманитарии, литературоведы и культурологи (Л.К. Антошук, О.А. Иоскевич, И. Поспишил и другие), является сквозной темой в художественной литературе и находит свое отражение в различных литературных эпохах. Феномен безумия в отечественной литературе периода 1920–1930-х годов привлекал к себе внимание многочисленных писателей (А.Т. Аверченко, К.К. Вагинова, М.А. Булгакова, М. Горького, Ф.В. Гладкова, Б.С. Житкова, В.Я. Зазубрина, С.С. Заяицкого, Л.М. Леонова, Ю.К. Олеси, А. Соболя, Г.И. Шилина и многих других) и был представлен достаточно разносторонне, часто являясь откликом на различные

исторические и социокультурные преобразования в СССР. В данном контексте актуальны соображения О.А. Иоскевич, отметившей, что феномен безумия является сквозной темой в отечественной литературе и оказывается «представленным во все литературные эпохи, особенно в те, которые проблематизируют отношения между литературой и действительностью (средневековье, барокко, романтизм, модернизм и постмодернизм)» [2; с. 8]. В данной статье будут рассмотрены особенности художественного воплощения феномена безумия на примере очерка Е. Ромас «Вне жизни» (1924).

Особым пластом изучения заявленной темы оказывается разностороннее присутствие феномена безумия в советской периодике – воплощение темы через пародирование известных текстов (например, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя [7]), различный иллюстративный материал, а также отражение событий внешней и внутренней политики СССР (статья Б. Белогорского «№151. Сидели ли вы в сумасшедшем доме, а если нет, то почему?» [1], фельетон Б. Самсонов «Пожар в сумасшедшем доме» [6]) и др. Очерк Е. Ромас, опубликованный в четырех выпусках «Рабочей газеты» [2, 3, 4, 5] в мае 1923 года является отражением сразу нескольких аспектов репрезентации феномена безумия в советской культуре 1920-х годов: исторический контекст работы психиатрической клинической больницы Н.А. Алексеева («Канатчикова дача»), социальный аспект психических болезней, контекст Октябрьской революции и Гражданской войны, размышление о природе ментальных болезней, о способах их лечения и т.п.

Героиня-рассказчица оказывается в психиатрической лечебнице не в статусе пациента, а пребывает там с целью написания очерка: указанная ситуация посещения психиатрической лечебницы (в рамках подготовки исследования, экскурсии или, например, сна) – популярный сюжет в мировой литературе и встречается в произведениях А.Ф. Войекова («Дом сумасшедших»), И.Ф. Наживина («В сумасшедшем доме»), Э.А. По («The system of Dr. Tarr and professor Fether») и других писателей. Проводниками героини в сумасшедшем доме оказываются врач-психиатры и смотрители, вместе с которыми рассказчица посетит женское и мужское буйные отделения, изолятор, корпус хронических больных, рабочее отделение и другие пространства лечебницы.

Социум и обитатели лечебницы в очерке Е. Ромас взаимосвязаны, что позволяет выделить две условные категории – «безумие мира» и безумие личности. Первая категория отражает комплекс проблем онтологического и философского характера: несовершенство законов мироздания, бессилие разума в попытках

разрешения «проклятых» вопросов, подвижность представлений о норме в социуме. В данном контексте герой-безумец является своеобразным медиатором: его сумасшествие становится результатом дисгармонии окружающей действительности, реакцией на различные проявления «безумия мира» – в очерке Е. Ромас к данной категории относятся пациенты, пораженные социальными катаклизмами дореволюционной России, Октябрьской революции, Гражданской войны в России, переустройства общества в начале 1920-х годов, классовой борьбы и другими проблемами.

Показательна история пациентки-еврейки, которая сошла с ума, мучаясь вопросом о равенстве на земле. Для погружения во внутренний мир пациентки Е. Ромас знакомит читателя с дневником пациентки, где изложена «история болезни» (данный эпизод позволяет проследить утрату рассудка не только как результат, но и как процесс) – девушка поступила в русскую школу, где столкнулась с антисемитизмом, насильственным преподаванием закона божьего и т.п.; во время еврейской пасхи и других праздников она стала жертвой еврейских погромов. Е. Ромас подчеркивает социальный аспект проблемы – после Октябрьской революции (которая по мнению рассказчицы, принесла всем равенство) девушка не смогла понять идей марксизма и в безумии стала противницей коммунистов. В данном контексте заголовок очерка «Вне жизни» обретает дополнительный смысл – норма новой жизни оказывается связана не только с медицинским аспектом, но и социально-политическим.

Природа ментальных болезней и различность представлений о ней – одна из центральных проблем анализируемого очерка. Е. Ромас резюмирует, что в медицинской практике принята следующая позиция: психические заболевания условно делятся две группы, где в одной причина недуга заключается в искусственном физическом повреждении организма человека; ко второй группе относятся «люди, у которых в организме не найдено никаких повреждений и неправильностей, кроме слишком большой впечатлительности. И все-таки они сходят с ума. Тут приходится искать причины во внешних условиях. Например, в испуге, перенесенном горе, неразрешимых вопросах и т.д.» [3].

Несмотря на то, что формально «Вне жизни» – очерк, написанный в рамках публицистического жанра, в нем присутствует значительное количество художественных образов, что позволяет рассматривать текст Е. Ромас вместе с некоторыми произведениями М.А. Булгакова, А.Р. Беляева, Ф.В. Гладкова и других авторов, затрагивавших исследуемую тему. Так, например, показательно, что

больница практически не имеет связи с окружающим миром (газеты и другие вещи извне – запрещены), внешне больница напоминает старую усадьбу, где течет тихая мирная жизнь и т.д. Иными словами, больница оказывается изолирована от развивающегося историко-временного контекста. Различной степенью художественной детализации отмечены некоторые пациенты – молодая пациентка, убежденная в том, что у нее нет тела и души, а также пожилая больная, которая раздает «гостинцы» (хлебные крошки, куски сахара, окурки и т.д.). Особый интерес в данном контексте представляет образ поэта (восходящий к сложившейся литературной традиции конца XVIII – начала XIX вв.) – в тексте очерка Е. Ромас цитируется стихотворение, в котором, помимо событий повседневной жизни (бунт пациентов, конфликты с администрацией и т.п.), приводится примечательное сравнение душевнобольных с волками, которые как дети закутаны в смирительные пеленки. В данном контексте подчеркивается противоречивая природа поведения героя-безумца, который визуально может вызывать чувство сострадания, однако в любой момент может проявить свое внутреннее «я» в виде припадка, агрессии и жестокости (что неоднократно подчеркивается и на примере контрастного описания пространства больницы, где наравне с описаниями ухода за больными, цитатами из стихотворений и прочими «положительными» деталями, постоянно упоминается о проявлениях нечеловеческой силы, ловкости и хитрости пациентов – склонности к обману, разбитых стеклах и оторванных решетках и т.д.). Отметим, что само изображение пациентов и их поведения в определенной степени отличается схематизмом – автор показывает образы душевнобольных с явной опорой на сформированный в культурной традиции «анекдотами, популярными поверьями, медицинскими фактами, наивными понятиями о психиатрии, а также литературными и жизненными сюжетами» [3; С. 290].

Одной из центральных тем очерка становится отражение советской культуры в сознании пациентов клиники. Отметим, что уже в первой части очерка автор отмечает интерес к «...пасынкам жизни. Это – люди с нарушенной психикой. Они живут у нас под боком. Их страдания так необычны <...> Мы их не знаем. А между тем крайне поучительно посмотреть на этот «задний двор» жизни, поучительно, потому что настоящая подлинная жизнь с ее тревогами, борьбой радостью и печалью, так или иначе, отразилась в больном мозгу» [2]. Отметим, что автор очерка в определенной степени подчёркивает многослойность темы безумия, что полностью соответствует представлениям о русской литературе данного периода чешского исследователя И. Поспишила, отметившего, что безумие обладает статусом многослойного явления,

значимого не только в медицинском аспекте, но и культурологическом, литературном – и особенно характерным для феномена русской литературы XX столетия [11].

В данном контексте отметим, что психический недуг оказывается связан как с социальными катаклизмами (Октябрьская революция, Гражданская война, внешняя политика СССР в начале 1920-х годов), так и становится отражением культурного переустройства социума (революционная риторика, утверждение советского лексикона 1920-х годов и др.) Указанное представлено на примере крестьянина Колужного (психическая болезнь героя является следствием ужасов Гражданской войны – герою мерещатся шомпола, погоны, красные звезды и огонь), безымянного пациента (страдающему из-за воспоминаний по близкому человеку, которого растерзали кадеты), страдающего идиотизмом Васюкова (воображающего себя революционным художником Д. Моором), красного командира Н. (ругающего всех невоенных и демонстрирующего рубцы как «почетные раны»), красноармейца Горбиков (бредящего, что знаком со всем Совнаркомом и просит передать записку Д.И. Калинин), пациента с фамилией В-жин (воображающий себя то Вильгельмом, то Вильсоном, то Вциксовнаркомом).

В контексте исследуемой темы особо примечательна часть очерка, посвященная пациенту Черешнину – это бывший приказчик мануфактурного магазина, болезнь которого определена как «психически – отсутствие морального чувства, физически – сухотка спинного мозга» [5]. Данный пациент представляет собой пример отрицательного персонажа – хитрый и язвительный, он эксплуатирует окружающих больных, организывает работу «контрразведки» (за хлеб и спички выменивает у пациентов информацию о персонале лечебницы), определяет себе «личного секретаря», пишет доносы в различные инстанции, после чего «Канатчикову дачу» посещают ревизоры для проверки «возмутительных фактов, сообщаемых группой больных» [5]. Противостояние между Черешниным и персоналом клиники (а также другими пациентами, разделяющими революционные идеи) в определенной степени оказывается пародированием Гражданской войны, где бывший приказчик воплощает собой дореволюционный уклад России.

Для художественного воплощения феномена безумия в литературе значимую роль играют образ врача и мотив лечения. В очерке Е. Ромас представлены два взгляда на проблему лечения душевнобольных. С одной стороны, уделяется внимание научно-медицинскому подходу – упоминаются различные процедуры и способы воздействия на физическое тело пациентов (например, заворачивание в мокрое полотенце), с другой – лечение, которое воздействует на сознание обитателей

лечебницы (психотерапия, лечение убеждением и т.д.). Отметим, что в данном случае прослеживается известная литературная традиция – физическое воздействие на пациентов лечебницы в определенной степени сопоставимо с насильственными действиями и принуждением. Анализируя специфику образа сумасшедшего дома в отечественной литературе, Л.А. Сапченко [9] отмечает, что связь клиники с картинами насилия восходит к литературным традициям XVIII века и находит свое развитие в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина (описание больницы «Бедлам»); в литературе XIX века данный мотив присутствует в творчестве А.С. Пушкина («Не дай мне бог сойти с ума...»), Н.В. Гоголя («Записки сумасшедшего»), В.М. Гаршина («Красный цветок»), А.П. Чехова («Палата № 6») и затем отражается в литературе XX века (произведениях Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме», А. Белого «Москва», С.О. Бройде «В сумасшедшем доме» и др.). Согласно указанной традиции, к сюжетно-мотивному комплексу относятся картины физического насилия над пациентами (процедуры, агрессивное поведение персонала лечебницы), их изоляция от окружающего мира и попытки побега, натурализм сцен поведения психически больного персонажа и другие. Характерно, что подобное воздействие на организм даже психически здоровых персонажей может оказывать резко отрицательное воздействие и воплощаться в развитии сюжета о доведении (случайном или сознательном) до безумия в стенах лечебницы.

В контексте проблемы лечения безумия показательно, что выводы Е. Ромас о работе «Канатчиковой дачи» сдержанны – клиника получает в целом удовлетворительную оценку: если сравнивать ее достижения в области лечения с прошлыми эпохами (когда больных сажали на цепь), то советская психиатрия заслуживает похвалы, но с учетом накопившегося опыта других стран к 1920-м годам, окончательная оценка оказывается неудовлетворительной.

Список литературы

1. Белогорский Б. №151. Сидели ли вы в сумасшедшем доме, а если нет, то почему? - Рабочая газета. №48. 1923. – С. 5.
2. Иоскевич О.А. На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины XIX в.) : монография / О.А. Иоскевич. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 161 с.
3. Куперман В., Зислин И. Симуляция психоза. Семиотика поведения. / Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 290–302.
4. Ромас Е. Вне жизни. В гостях у обитателей «Канатчиковой дачи». Рабочая газета. №102. 11 мая. 1923. – С. 5.
5. Ромас Е. Вне жизни. В гостях у обитателей «Канатчиковой дачи». Рабочая газета. №103. 12 мая. 1923. – С. 4-5.
6. Ромас Е. Вне жизни. В гостях у обитателей «Канатчиковой дачи». Рабочая газета. №105. 15 мая. 1923. – С. 4.
7. Ромас Е. Вне жизни. В гостях у обитателей «Канатчиковой дачи». Рабочая газета. №102. 16 мая. 1923. – С. 5.
8. Самсонов Б. Пожар в сумасшедшем доме. Крокодил. №15. 1930. – С. 5.
9. Сапченко Л.А. Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: от Карамзина – к Чехову / Л.А. Сапченко // Вопросы литературы. – 2002. – N 11/12.– С. 342–356.
10. Флит Б.Д. Записки сумасшедшего. Крокодил. №19. 1931. – С. 6.
11. Pospishil I. Fenomensilenstvi v ruske literature 19.a 20. stoletu / I. Pospishil. – Brno: Masarykova Univerzita, 1995. – 152 s.

УДК 82.282

**Таразова З.Х. Образ-символ птицы в пьесе
«Чайка» Антона Павловича Чехова**

Таразова Зулия Халиловна

студентка факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
zuliatarazova@yandex.ru

**The image-symbol of a bird in the play
"The Seagull" by Anton Pavlovich Chekhov**

Tarazova Zuliya Khalilovna

Student the Faculty of philology and intercultural communications
Ufa University of Science and Technology, Branch in BirsK
Russian Federation, Bashkortostan, BirsK

Аннотация. Статья представляет собой рассмотрение и аналитический разбор символа птицы в пьесе Антона Павловича Чехова «Чайка». Одной из знаменательных заслуг Чехова считается создание нового для драматургии явления, такого, как образы-символы. Предмет исследования – обоснование использования автором символа птицы в пьесе «Чайка» и их интерпретация. Актуальность рассмотрения данной темы обусловлена необходимостью анализа природы чеховского символа. Цель работы заключается в изучении образа-символа птицы в драматургии А.П. Чехова (на примере пьесы «Чайка»), его места и роли в художественной системе произведений. Практический характер материала заключается в том, что его можно использовать при изучении творчества Антона Павловича Чехова, русской литературы второй половины XIX века. В ходе проведенного исследования был сделан вывод, что образ-символ птицы – сложный, имеющий множество интерпретаций.

Ключевые слова: Антон Павлович Чехов, образ-символ, «Чайка», текст, автор.

Abstract. The article is a review and analytical analysis of the bird symbol in Anton Pavlovich Chekhov's play "The Seagull". One of the significant achievements of Chekhov is considered to be the creation of a new phenomenon for dramaturgy, such as images-symbols. The subject of the study is the justification of the author's use of the bird symbol in the play "The Seagull" and their interpretation. The relevance of the consideration of this topic is due to the need to analyze the nature of the Chekhov symbol. The purpose of the work is to study the image-symbol of a bird in the dramaturgy of A.P. Chekhov (on the example of the play "The Seagull"), his place and role in the artistic system of works. In the course of the study, cases of the author using the image-symbol of a bird in the play were identified and analyzed. The practical nature of the material is that it can be used in the study of the work of Anton Pavlovich Chekhov, Russian literature of the second half of the XIX century.

Keywords: Anton Pavlovich Chekhov, image-symbol, "Seagull", text, author.

Символ (от греч. symbolon – знак) – это некий условный знак, изображение, которое не имеет видимого сходства с обозначаемым предметом. В литературной энциклопедии терминов и понятий дается понятие символу: «символ – универсальная эстетическая категория, раскрывающаяся через сопоставление, с одной стороны, со смежными категориями художественного образа, с другой – знака и аллегории» [6, с. 49].

Так же, как и аллегория или метафора, символ образует переносное значение слов на основе связи между предметами и явлениями. В то же время между этими понятиями есть большие различия. Символ подразумевает огромное множество значений. Поэтому он отличается от аллегии и метафоры. Символ – это попытка автора показать что-то нематериальное, вечное, постоянно ускользающее из поля зрения человека. Метафора глубоко отражает восприятие реальности. Символ же помогает постичь «высшую реальность». Следовательно, по смысловой нагрузке символ значительно глубже метафоры.

Литературные символы подразделяются на два основных типа:

1) символы, тесно связанные с культурными традициями. Для того чтобы их показать, автор используют язык более доступный читателям. А также эти образы-символы приобретают и близкие автору индивидуальные смысловые оттенки. Ведь они играют важную роль в конкретном произведении художественной литературы. Примерами данного типа символов являются образы-символы дороги, моря, метели, щита и меча и т.д. В русской литературе источником новых идей для писателей часто служили библейские сюжеты, фрагменты античных мифов;

2) символы, которые создаются без опоры на культурные традиции. Они возникают на основе смысловых ассоциаций, существующих в рамках одного литературного произведения. К этим символам можно отнести образ вишневого сада в одноименной пьесе А.П. Чехова.

А.Ф. Лосев в своей работе «Проблема символа и реалистическое искусство» предложил одну из самых известных классификаций символов, в основе которой лежат различные области использования символов. Лосев обращает внимание на соотношение между собой разных типов символов, выделяя среди них такие ключевые, как научные, философские, художественные, мифологические, религиозные, человечески выразительные, идеологические и побудительные, внешне-технические, природные и общественные символы [7, с. 155-165].

Уже с давних времен символы привлекают к себе внимание как писателей, так и исследователей. Интерес вызван неоднозначностью и множественностью

классификаций символов. Символ позволяет увидеть индивидуальное, собственное представление автора о мире. Также интерес писателей к символам вызван тем, что применение символов в произведении делает текст более загадочным и интересным для читателя. Антон Павлович Чехов создал новое для драматургии явление – образ-символ.

А.П. Чехов – один из знаменитейших писателей не только в России, но и во всем мире. Он написал великое множество произведений как прозаических, так и драматических. Его пьесы были поставлены практически во всех театрах мира. И одна из самых известных пьес Чехова – «Чайка».

Чехов закончил «Чайку» в 1896 году. Сюжет пьесы незамысловатый. Автор поднимает вечные проблемы, такие, как проблема отцов и детей, любовный треугольник и др. Казалось бы, ничего примечательного. Но практически каждой репликой героев можно понять не только характер, но и душу того или иного героя. Перед нами возникает жизнь человека со всеми ее красками. В каждом действии пьесы раскрываются многогранность, сложность человеческих судеб. Хотя «Чайка» и обозначается автором как комедия, но смешного в ней мало. Там практически нет ни одной смешной сцены или комического момента. Через всю пьесу проходит линия столкновения поколений между уверенными, именитыми взрослыми и еще не опытной молодежью, которая стремится осуществить свои мечты.

Антон Павлович Чехов в своих пьесах использовал символы разного вида. По классификации А.Ф. Лосева конкретно в «Чайке» представлены природные символы, в частности, птица, которая становится самостоятельным образом в данной пьесе.

Образ-символ птицы тесно связан с культурными традициями русской литературы. Символ птицы мы можем наблюдать не только в пьесе «Чайка». Многие писатели и поэты, как русской, так и западной литературы, применяли данный символ в своих произведениях.

Уже с заглавия пьесы чайка несет в себе некое образное начало. Оно художественно многозначно и незаменимо. Когда мы читаем пьесу, мы понимаем, как само это слово «чайка» наполняется все новым и новым смыслом. Заглавный символ объединяет всех героев пьесы.

В. Гульченко пишет, что «птица как символ высокого человеческого духа известна во все времена эпохи мирового искусства, но для запредельных состояний, помещаемых художественным воображением Треплева за финалом всемирной истории, эта роль должна быть отведена именно чайке. Это единственная птица, название которой произошло от глагола душевного движения чаять» [3, с. 175].

Глагол «чаять» обозначает надеяться, думать. Все герои пьесы чего-то хотят и на что-то надеются. Гульченко приходит к выводу: «В произведении не одна, а семь чаек, по числу основных действующих лиц в произведении» [3, с. 177].

В начале пьесы чайкой обозначают одну из главных героинь Нину Заречную. Появляясь впервые, она говорит: «... меня тянет сюда к озеру, как чайку ... мое сердце полно воли...» [12, с. 19]. И свои письма Нина подписывает «Чайка». Но во втором действии Треплев к ее ногам кладет случайно убитую им чайку.

Нина Заречная – героиня, которая пережила неудачный роман, потеряла ребенка, потерпела неудачи на сцене, тоже чувствует себя убитой чайкой. Женщина всё твердила всем, что она чайка. Так она выражала свои переживания и страдания. Кроме того, Нина свободна, как птица, т.к. у нее нет дома и семьи. Чайка – это воплощения стремления и надежды Нины, которые разрушили Тригорин и обстоятельства.

З.С. Паперный писал: «На смену концепции подстреленной чайки выдвигалась другая: Нина – героиня торжествующая. Только она и есть подлинная чайка – не подстреленная, не погибшая, но продолжающая свой смелый, победный полет» [8, с. 160]. Нина напрямую обозначает символическую природу этого образа чайки в произведении.

Образ-символ чайки становится значительным и для героя Константина Треплева. Во втором действии он кладет у ног Нины чайку, которую случайно убил. Треплев тоже ассоциирует себя с чайкой: «Скоро таким же образом я убью самого себя» [12, с. 29]. Свои слова герой подтверждает в конце пьесы.

В. Гульченко пишет: «Убитая Чайка – это остановленный полет, это отказ движению вправо существовать» [3, с. 184]. Самоубийство Треплева – это и есть «остановленный полет». И в этом смысле он воплощает символический подтекст образа, т.к. сценическая жизнь других героев не обрывается, у них есть будущее, а у Треплева уже будущего нет, как и у чайки, которую он убил. Анализируя данный сюжет, можно говорить о ещё одном символическом значении чайки – стремлении к свободе. Смерть для Треплева – это освобождение от тягостных чувств и от того, что навязывает общество.

З.С. Паперный отмечает, что «образ-символ чайки, переливающийся разными значениями, по-разному проявляется в душе Треплева и Нины, то соединяя, то разъединяя их» [8, с. 160].

Совершенно по-иному воспринимается образ чайки в Тригорине. Увидев убитую чайку, он заносит в свою книжку сюжет для рассказа: «На берегу озера с

детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку» [12, с. 30]. Данным сюжетом Тригорин предсказывает дальнейшие события.

Образ-символ чайки содержит ряд всеобъемлющего лиризма – трагически-напряженного и философски-глубокого. Под его воздействием, по замечанию Л.А. Иезуитовой, «одни персонажи становятся «крылатым», «музыкальными», другие – «бескрылыми», «прозаическими» [5, с. 340]. З.С. Паперный особо подчеркивает, что «символический образ чайки, давший пьесе название, вбирает – в особом преломлении – темы искусства и любви, пересекающиеся в отношениях героев, – важнейшие мотивы пьесы» [9, с. 304].

Символ чайки также можно интерпретировать как мотив вечного тревожного полета, страдальной жизни. Именно через страдания Нина приходит к мысли о том, что главное – «не слава, не блеск», а «умение терпеть». Нина Заречная: «Умей нести свой крест и веруй» [12, с. 57]. Данная фраза – это выстраданный призыв к мужественному терпению, она открывает трагическому образу чайки воздушную перспективу, полет в будущее, не замыкает ее исторически очерченным временем и пространством, ставит не точку, а многоточие в ее судьбе.

Таким образом, в драматургии Чехова птицы неизменно связаны с течением жизни героев. В его произведениях образ птицы – сложный и многогранный, требующий тщательного анализа. Прежде всего, символ связан с мечтами и надеждами героев, которые чаще всего не сбываются. В пьесе «Чайка» эволюция образа-символа приводит к поиску новых путей, новых жизненных вариантов (и смерть как один из них). Ни один из писателей не обладал такой уникальной способностью заглядывать в самую глубь души человека, как Антон Павлович Чехов. Благодаря этому, его пьесы вызывают такой сильный эмоциональный всплеск у читателей и остаются актуальными до сих пор.

Список литературы

1. Безруков, А.Н. Дифференциация текста и дискурса с позиций современной лингвистической теории // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе, Орел, 01 апреля – 01 2015 года / ответственный редактор: А.Г. Пастухов. Том 13. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2015. – С. 8-19.
2. Вахтел, Э. Пародийность «Чайки»: символы и ожидания [Текст] / Э.Вахтел // Вестник Московского государственного университета; Серия 9: Филология. – 2002. – №1. – С. 72-90.
3. Гульченко, В. Сколько чаек в Чеховской «Чайке» [Текст] / В.Гульченко // Нева. – 2009. – №12. – С. 175-185.
4. Зингерман, Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. М.: Русанов, 2001. – 429 с.
5. Иезуитова, Л.А. Комедия Чехова «Чайка» как тип новой драмы // Анализ драматического произведения. Л., 1988. – 340 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – С. 49-50.
7. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст]/ А.Ф.Лосев.– 2-е изд., испр.– М.: Искусство, 1995.– С. 155-165.
8. Лотман, Ю.М. Избранные статьи. В3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.
9. Минкин, А. Нежная душа [Текст] / А. Минкин // Русское искусство. – 2006. – №2. – С. 147-153.
10. Паперный, З.С. «Чайка» А.П. Чехова [Текст] / З.С. Паперный. – М.: Художественная литература, 1980. – 160 с.
11. Паперный, З.С. А.П. Чехов: очерк творчества [Текст] / З.С.Паперный. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 304 с.
12. Чехов, А.П. Пьесы. – 2.е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – С. 5-60.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 1751

Герляк Н.А. Пейзаж и патриотические мотивы в поэме Микуля Шульгина «Макар Осьмаров»

Герляк Наталья Андреевна

научный сотрудник НИО ХФ БУ «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», РФ, г. Ханты-Мансийск
natasha-gerlyak@yandex.ru

Landscape and patriotic motifs in Mikul Shulgin's poem "Makar Osmarov".

Gerlach Natalya Andreevna

researcher of NIO HF BU «Ob-Ugric Institut applied research and development»
of the Russian Federation, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье рассматриваются основные мотивы в произведении поэта Микуля Шульгина «Макар Осьмаров». Через всю поэму проходит тема патриотизма к Родине. Понятие Родина у поэта многоаспектно. Родина – это суровый, северный край, где родился и вырос поэт, Родина – это и дом, и селение над рекой, Родина – народ и родной хантыйский язык. Родина – это страна, а страна – семья родная, Родина – это природа. Поэт не дает четкой градации этого понятия, оно включает в себя все, что принято называть «малой» и «большой» Родиной. Через образ главного героя Макара Осьмарова, поэт реализует систему нравственных ценностей хантыйского народа: добро, любовь к ближнему, сострадательность, честность, порядочность, самообладание и др. Через систему изобразительно – выразительных средств, описывающих природу (пейзаж) Севера, через эмоциональный настрой произведения Микуль Шульгин раскрыл свое видение мира, свою гражданскую позицию.

Ключевые слова: хантыйская литература, хантыйский поэт Микуль Шульгин, поэма «Макар Осьмаров», исторические события, художественные образы, мифологический образ, описание природы.

Abstract. The article discusses the main motives in the work of the poet Mikul Shulgin «Makar Osmarov». The theme of patriotism for the Motherland runs through the whole poem. The poet's concept of Homeland is multidimensional. The motherland is a harsh, northern region, where the poet was born and grew up, the Motherland is both a house and a village above the river, the motherland is the people and the native Khanty language. The motherland is a country, and the country is a native family, the motherland is nature. The poet does not give a clear gradation of this concept, it includes everything that is commonly called a «small» and «big» Homeland. Through the image of the main character Makar Osmarov, the poet implements the system of moral values of the Khanty people: kindness, love for one's neighbor, compassion, honesty, decency, self-control, etc. Through a system of visual and expressive means describing nature (landscape) Of the North, through the emotional mood of the work, Mikul Shulgin revealed his vision of the world, his civic position.

Key words: khanty literature, Khanty poet Mikul Shulgin, poema «Makar Osmarov», historical events, artistic images, mythological image, description of nature.

Изучение творчества писателей и поэтов Югры представляется чрезвычайно важным компонентом гуманитарного образования в ХМАО-Югре.

Любовь к Родине – это знание истоков, истории своего края. История, как чистый факт, плохо представляется сама по себе, а если это далекое время будет проиллюстрировано художественными произведениями, то она станет ближе, понятней. Динамично развивающийся Обь – Иртышский регион известен не только своими природными ресурсами, но и своеобразием культурной среды, из которой вышли такие талантливые национальные писатели и поэты, как Г. Д. Лазарев, Е. Д. Айпин, А. М. Сенгепов, В. С. Волдин, М. К. Волдина-Вагатова, Р. П. Ругин, В. А. Мазин и многие другие. Они и помогают читателю через свои произведения познать историю, культуру, традиции северного народа.

В плеяду северных писателей и поэтов Югры вошел и Микуль Иванович Шульгин с самобытным, оригинальным, литературным творчеством. Его перу принадлежит ряд сборников на хантыйском и русском языках: «Мави Ас. Медовая Обь» [1], «Тови ар. Песня весны» [2], сказка для младшего школьного возраста «Нелынг Айвой. Жадная Мышка» [3], «Благодарность» [4].

В литературном багаже поэта есть и стихи, и переводы произведений известных русских поэтов, таких как, «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке» А. С. Пушкина, «Конек-Горбунок» П. П. Ершова. Не обошел поэт стороной и такой эпический жанр, как поэма «Макар Осьмаров» (2009). Однако долгое время она не печаталась и пылилась в рукописном варианте у родных и близких Микуля Ивановича Шульгина. Возможность напечатать произведение появилась в 2009 году, благодаря вдове и дочери поэта Немысовой Евдокии Андреевне и Величко Наталье Ивановне. Поэма вошла в обновленный посмертный сборник «Мави Ас. Медовая Обь» [5], подготовленный родственниками к 70-летию юбилею Микуля Шульгина.

Прототипом главного героя поэмы – Макара Осьмарова стал отец Микуля Шульгина Иван Филиппович Шульгин, участник Великой Отечественной войны, защитник Ленинграда, «сын революции и ветеран войны» [5, с. 205].

Как пишет Е. В. Косинцева в статье «События истории XX века в хантыйской поэзии», что «события истории страны XX века отразились и в поэзии М. И. Шульгина. О войне поэт рассказывает через судьбу своего отца» [6, с. 55].

Поэт с сыновней любовью посвящает поэму Ивану Филипповичу Шульгину (произведение предваряет элемент перитекста – посвящение «Моему отцу»). С первых же строк мы видим портретные зарисовки отца, его смелый и мужественный характер, что подчеркивается фамилией самого героя Макара Осьмарова: в переводе

с хантыйского языка фамилия «Осьмаров» означает «смелый, ловкий, мужественный».

*Макарка, ханты, юный зверобой,
Согнул для пробы бровь тугую лука,
Зовет собак, чтоб дедовской тропой
Рвануться в путь...
А шкура лыж упруга! < ... >
Он подпоясан поясом тугим.
На поясе – ножны, колчан, точило,
Он молод, но схватись, попробуй с ним:
Его медвежья не пугает сила!
Обуглен солнцем, ветром иссечен, -
Его боится зверь в ночах тревожных,
Он – мастер, знает в жизни, что почем,
Рыбак, охотник, следопыт, таежник...
Им прочтены, как книга, все следы,
Что прячутся хитро в траве иль снеге,
И всякий раз достаточно стрелы:
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!*

Тема патриотизма и героизма народа ханты в Великую Отечественную войну также раскрывается через образ Ивана Филипповича в поэме. Под пристальным вниманием автора находится судьба мирного человека, попавшего на войну. Так, «вести с фронта отзываются болью в сердце героя, объединяют людей разных профессий и национальностей: «Сейчас мужчинам место на войне – / Учителям, охотникам, рабочим!» Герой поэмы встал в солдатский строй. Его решение продиктовано совестью» [6, с. 56].

*А нынче – это кровные дела:
Народа раны – это хантов раны.
Ну а Макар – охотник и стрелок,
Ему в тылу остаться недостойно...
Прощай, прощай, отец седой, как мох,
Прощай, сынок, и жди меня спокойно... <...>
Он насмерть встал за малого сынка,*

За Родину...

Что слава и награды?

Он – лучший снайпер энского полка

И доблестный защитник Ленинграда.

Поэт гордится своим отцом, охотником и рыбаком, защищавшим в дни войны город Ленинград, участником обороны городов Полтава и Варшава от немецкой оккупации.

Дошел таежный снайпер до Полтавы,

Осталось до Варшавы два шага.

Огонь, огонь путь освещал во мгле,

Глаза мрачнели под защитной каской:

Он хоронил друзей в чужой земле,

Их поминая песнею солдатской... <...>

Он отстоял родные города, –

И вот уже плескалась в старой каске

Дунайская, полтавская вода,

Но все-таки в Оби вода прекрасней!

В произведении Микуля Шульгина нашли отражение и многочисленные исторические события, знакомящие читателя с историей России и переменами на Обском Севере, от царской власти к советской – Первая мировая война; Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года; гражданская война; коллективизация; создание Советов народного хозяйства (1962 г.).

Составляющей патриотической тематики является и образ народа, который зримо через реальных людей и художественные образы присутствует в произведении поэта, а также показаны взаимоотношения народа и власти в этот тяжелый период.

Вот, например, отец Макара – самый

Хороший на сто верст вокруг рыбак,

Он круглый год повсюду сети ставит,

Но с князем не расплатится никак.

И раз в году в домишко свой старинный,

Как в гости, приезжает на два дня...

Ах, как отец летит тропой звериной –

Быстрее всех собак худых гоня!

Хозяева же знают только деньги,

Вся их работа – плеть, расписка, крик...

Как отмечает, Е. В. Косинцева «картины жизни аборигенов на севере во время правления последнего русского императора Николая II контрастны изображениям князей и приказчиков, подчеркивают социальное неравенство людей. Рассказывает поэт и об изменениях, которые принесла в жизнь северян смена власти» [6, с.56].

*В родимый дом вернулся с опозданием
Солдат знакомый с Первой мировой... <...>
Что перед Сенькиным купцы-невежды
Собольи шапки начали ломать?!
А солнце землю копьями кололо,
Трещал сушняк, как отзвук баррикад...
Гром над Югрою грянул –
то «Аврора»
Взметнула над планетой свой раскат!
Охотникам – меха, а рыбакам – улов!*

В связи с событиями истории в композицию поэмы автором введены легенды и предания о реальных исторических личностях, которые, так или иначе оставили свой след в истории России, в истории северного края: Ленин – русский революционер, советский политический и государственный деятель, главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 года в России; Колчак – русский государственный, политический и военный деятель, флотоводец, вошедший в историю как руководитель Белого движения во время Гражданской войны в России; Т. Д. Сенькин – большевик, организатор революционного комитета и Красной гвардии в Березове 1905-1917 гг.; Ваули Пиеттомин – предводитель восстания в 1830-1840 гг., национальный герой ненцев и хантов, а также показаны собирательные образы купцов, князей (князьков), приказчиков, урядников, хантыйских шаманов.

*Нагрязнули такие холода...
На нарте же приказчик с винной фляжкой,
Закутан в десять малиц, как кочан. <...>
Да, так уж повелось несправедливо,
Что эта глыба с глазками купца
Для князя продает пушнину, рыбу,
А сам-то не поймал даже песка... <...>
Так как же быть, Тихон Данилыч Сенькин?
Тихон Данилыч, ссыльный большевик...
Он жил в соседстве с домиком Макара,*

*Лес стал ему привычным и родным,
И ханты осторожные не даром
Его считали чуть ли не своим.
Среди лесов, объятых волчьим воем,
Среди снегов и тундровых болот –
Нет, не забыл он сказочных героев,
Надежд не растерял, он мой народ!
Он помнит легендарного Ваули,
Что поднял северян против царька, –
И дед Макара отмечен пулей,
Нагайку помнит кожа старика...
А нынче – снова: колобродит век,
Не зря Тихон Данилыч хантов учит
Купцам не верить, за бесценок мех
Не отдавать, когда придется случай,
И спирт не пить!..
Таков его завет. <...>
Оленевод, гони оленей!..
И неспроста казалось старикам:
Все в мире понимал товарищ Ленин. <...>
Промчался еле дышащий гонец...
– Друзья, считайте стрелы в колчанах,
Патроны набивайте! Время – бою:
Идут враги, и их ведет Колчак,
Как черный ворон стаю за собою. <...>
Шаман – из богатеев, он не зря
Смотрел, как волк, на бедное собрание,
Но красные знамена, как заря,
Светили людям в утреннем тумане.*

Но автор также подчеркивает, что ханты, всегда оставались детьми природы, и не вмешивались в политические игры царей и чиновников.

*Издравле ханты любят тишину
Издравле ханты тихо выжидали:
Им было все равно, где побеждали,
Кто из царей выигрывал войну.*

Так как, ханты живут в гармонии с природой, это было обусловлено их бытом и деятельностью: охотой, рыбалкой, оленеводством, сбором дикоросов. Поэтому особое значение в культуре народа ханты приобретают взаимоотношения человека и природы. Поклонение природе – характерная черта культуры народа ханты и формирует особое мышление.

Ввиду этого в произведении хантыйского поэта Микуля Шульгина мы встречаем поразительное описание богатой природы сибирского края, играющее особую роль в раскрытии событий, характера и психологического состояния героя, при этом знакомящее читателя с бытом и условиями жизни коренного народа.

*Тысячелетний лес на тыщу верст,
Седые кедры, как и встарь, угрюмы...
По сбившейся лыжне и свету звезд
Найдешь тропу к деревне...
Дремлют чумы.
Накинет елка снежный капюшон,
Застыв, как в белой малице невеста,
След заячий снежком припорошен,
Река во льдах, как будто бы навечно.
А утром солнца воспаленный глаз
Мигнет, что время, что пора охоты,
И скрипнет дверь, как с петель сорвалась,
И стонет, как домра, на низкой ноте. <...>
И снова лето... Ох, улов какой!
Не вытащить сетей, так разбухали...*

Восторженной любовью к родному краю продиктованы и художественные средства, используемые автором в описании северной природы – эпитеты, сравнения, метафоры.

*Заметил он, как ярки перья птичьи,
Подслушал, что поет в реке вода!
Он понял мысли загнанных зверей
И удивился скромности березы,
Он поразился зову глухарей
И подсмотрел, как насмерть бьются лоси.
Он по тайге бродил...
Так хорошо*

*Дотронуться до дерева тугого...
Макар забросил лук свой и ружье,
В тайгу без цели забредая снова.
Он полюбил речные берега,
Под коими налимы роют норы,
Он полюбил шуриание песка
И камыша ночные разговоры...*

Интересны образы природы, которые помогают раскрытию отношений между двух любящих сердец. Для того чтобы выразить свои чувства, впечатления от встречи с девушкой своей мечты, поэт прибегает к привычным образам из мира природы, понятным восприятию северного человека.

*Но как-то раз Макар столкнулся с ней –
В тайге, случайно, с феей яснолицей,
И стало сердце биться чуть сильнее,
Как бьется в клетке пойманная птица.*

Красота и спокойствие хантыйской девушки показаны через мифологический образ Мишнэ (мансийская богиня леса).

*Она входила в жизнь его во сне –
Под сенью кедров, лиственниц и вязов,
Простая фея из хантыйских сказов,
Красивая и верная Мишнэ.
Он слышал шелест девичьей косы,
Ее шаги в таежном отдаленьи!
Ее глаза – в прозрачности росы
И приближенье – в поступи оленьей.*

С помощью емких определений поэт создает образ женщины, являющейся земным воплощением возвышенного идеала для героя поэмы.

*Она была легка, как небеса,
Светясь в объятых утреннего мрака,
Она была ловка, как росомаха,
Стекала по плечу ее коса...
А сах ее – расшита, но строга,
И обувь с красной ниткою по краю,
В руках –
шершавый обруч туюска,*

В котором светит ягода лесная.

Женщина в поэме предстает в роли хранительницы семейного очага, матери, которая верно ждет любимого мужа с войны. Через образ любимой девушки героя поэт раскрывает национальные черты, которые присущи всем хантыйским девушкам женщинам: покорность, забота о детях, доброта.

*Он уходил по утренней росе,
И неся ветер вслед,
над лесом вея, –
И вслед ему с улыбкой на лице
Жена смотрела, горестная фея,
Она была легка, как небеса.
Что изнутри рассветы освещали,
Она была стройна, ее глаза
Макару жизнь и радость обещали!*

Также в поэме проскальзывает образ матери. Этот образ глубоко лиричен и проникнут чувством благодарности и нежности поэта.

*Зимой детишек не прокормит мама...
Она – одна, в глухой тайге отец,
И ей знакома музыка бурана,
Бела ее прическа, как песец,
А на руках – морщины, словно раны.*

Таким образом, сформированные основы мировосприятия поэта получили свое развитие и определили сквозные мотивы в поэме – любовь к родной земле и ее природе, сохранение родного языка и национальных традиций, стремление осознать место человека в природе, в истории, в обществе. Понятие Родина у поэта многоаспектно. Родина – это суровый, северный край, где родился и вырос поэт, Родина – это и дом, и селение над рекой, Родина – народ и родной хантыйский язык. Родина – это страна, а страна – семья родная, Родина – это природа. Поэт не дает четкой градации этого понятия, оно включает в себя все, что принято называть «малой» и «большой» Родиной.

Через эмоциональный настрой поэмы Микуль Шульгин раскрывает свое видение мира, свою гражданскую позицию, заставляет читателей еще раз задуматься о своей непростой истории, о судьбе целого поколения людей, которые жили и творили во имя будущего, свято верили в силу добра. Также, через образ главного героя поэт реализует систему нравственных ценностей хантыйского народа: добро, любовь к ближнему, сострадательность, честность, порядочность, самообладание и др.

Список литературы

1. Шульгин М.И. Мави Ас (Медовая Обь): стихи на хантыйском языке. – Тюмень: Тюмен. кн. изд-во, 1962. – 92 с.
2. Шульгин М.И. Тови ар: стихи. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. – 48 с.
3. Шульгин М.И. Нелынг Айвой: сказка для мл. шк. возраста. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. – 16 с.
4. Шульгин М.И. Благодарность: стихи / пер. с хант. В. Кузнецова. – Свердловск, 1975. – 96 с.
5. Величко Н.И. / Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. – 304 с.
6. Косинцева Е.В. События истории XX века в хантыйской поэзии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203). Филология. Искусствоведение. Вып. 46. С. 54–59.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Дьяченко А.Р. Авторская программа: теоретический аспект

Дьяченко Анастасия Руслановна

магистрант кафедры массовых коммуникаций и туризма
Нижевартовский государственный университет, РФ, г. Нижневартовск
ekaterina290482@ya.ru

Author's program: theoretical aspect

Dyachenko Anastasia Ruslanovna

Master's student of the Department of Mass Communications and Tourism
Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам авторской журналистики. Авторская журналистика недостаточно изучена различными исследователями, учеными, поэтому проблема, стоящая на протяжении веков, и в современном обществе до сих пор бытует из-за того, что уделяли мало внимание данной проблематике. В настоящее время авторская журналистика утратила свои приоритеты и ее существование связано с возникновением определенных трудностей. Эти трудности зачастую связаны с заказными авторскими статьями, событиями, которые пишутся «под заказ» для дезинформации общества о каких-либо важных событиях. Это вызывает криминализацию общества и недоверие со стороны читателей к «добросовестным журналистам» и авторам различных публикаций. Поэтому рассмотрение проблемы авторской журналистики приобретает значительную актуальность в современном мире.

Ключевые слова: журналистика, средства массовой информации, авторская программа, тележурналистика, телепрограмма.

Abstract. The article is devoted to the theoretical aspects of author's journalism. The author's journalism has not been sufficiently studied by various researchers, scientists, therefore, the problem that has been standing for centuries and in modern society still exists due to the fact that little attention has been paid to this problem. Currently, the author's journalism has lost its priorities and its existence is associated with the emergence of certain difficulties. These difficulties are often associated with custom-made author's articles, events that are written "to order" to misinform society about any important events. This causes criminalization of society and distrust on the part of readers towards "conscientious journalists" and authors of various publications. Therefore, the consideration of the problem of author's journalism acquires significant relevance in the modern world.

Keywords: journalism, mass media, author's program, TV journalism, TV program.

Авторская программа берет свое начало в XX веке, когда на телевизионных площадках обретают популярность разговорные жанры. Однако аудитория требует фигуру автора и телевизионщикам ничего не оставалось, как пустить в кадр человека. Именно с этого момента разговорный жанр приобретает образ, авторство и

индивидуальность. Авторская программа считается таковой только в том случае, когда задумка и идея на 90% была проведена и придумана автором. В основе программы стоит – автор. Он центр внимания, он создатель и идейный вдохновитель. Образ для телевидения – некоторая реальность, которая формируется в сознании человека, относительно от печатных средств массовой информации. Телевидение – картинка и здесь мы точно можем увидеть, как выглядит тот или иной человек, объект или животное, а текст не дает нам такой возможности [1, с. 5].

В теории и практике журналистики имеются различные точки зрения по возникновению и развитию авторской журналистики. С древнейших времен этому виду творчества способствовали создание разнообразных форм и научных достижений человечества, возникновение нового образа мышления среди людей и развитию научно-технического прогресса. Рассмотрим такое понятие, как «авторская журналистика», пришедшая в конце XVIII века и утвердившаяся в мыслях людей как специфическая и новая реальность современной действительности.

Существует несколько точек зрения относительно возникновения термина «авторская журналистика» (она же персональная), однако, по мнению социолога Прохорова, первые упоминания приходятся уже на конец XVII – начало XIX веков. Тогда руководителем, автором, писателем, иллюстратором и распространителем газеты или журнала мог быть один человек. Таким образом, под авторской журналистикой понимается вид деятельности от написания, редактирования и публикации в газете (журнале) до выпуска данного издания в производство, т.е. в одном лице журналиста сочетаются все функции редакционного коллектива [2, с. 32].

Термин «авторская журналистика» имеет несколько значений, но в основном она рассматривается как персональное произведение автора, т.е. «персональная журналистика». Она возникла на рубеже XVIII – начала XIX веков и означала, что руководитель редакции издания был единственным автором и писателем статей в данном журнале, который при этом был типографским работником (печатал данные издания) и распространителем. То есть в лице руководителя редакционного издания сочетались и автор, и типографский работник, и распространитель газетных изданий. На основании этого можно сформулировать вывод: под авторской журналистикой понимается вид деятельности от написания, редактирования и публикации в газете (журнале) до выпуска данного издания в производство, т.е. в одном лице журналиста сочетаются все функции редакционного коллектива.

Под авторской журналистикой понимается продукт, в выпуске которого принимает участие один человек (автор), воплощающий идею отдельного

журналиста. Поэтому авторская точка зрения не всегда совпадает с мнением коллектива авторов. Это говорит о том, что в журналистском произведении преобладающую роль играет авторское начало, которое отражается в открытой авторской позиции (автор выражает свою точку зрения, мысли в публикациях, т.е. в газетах, журналах) в противоположность анонимному автору, который публикует статью под псевдонимом. Всеобъемность и независимость авторской журналистики, выражающаяся в позиции автора и собственном мнении, – универсальные характеристики авторской журналистики, которые присущи ей независимо от того, по какому каналу происходит передача сообщения.

В работах по теории и практике журналистики важное место уделяется анализу функций авторской журналистики. Поэтому их рассмотрение является важнейшим элементом изучения данного феномена. Эта функция выступает как внешняя необходимость, как фактор, детерминирующий данную систему деятельности. Поэтому при исследовании авторской журналистики рассмотрим систему ее функций с позиции различных авторов.

Особенность авторской журналистики заключается в том, что выпуском продукта занимается один человек, причём не всегда мнение автора следует за мнением большинства. Следовательно, можно сделать вывод, что «персональная журналистика» отличается сильной авторской позицией, которую автор способен открыто выражать, в отличие от того же анонимного журналиста. «Авторской журналистике» присущи такие понятия, как независимость, открытость, плюрализм и всеобъемлемость, вне зависимости от канала передачи. Таким образом, характерными чертами авторской журналистики являются [3, с. 13]:

- в создании проекта участвует только один автор, начиная с замысла и заканчивая реализацией проекта;
- чёткость авторской позиции по предлагаемому вопросу (комментарии автора);
- текст строится с учетом авторской стилистики, присущей только ему (авторский стиль);
- подход к освещению темы нетривиальный;
- обратная связь с аудиторией.

Прежде чем понять специфику «авторской журналистики», необходимо также уделить особое внимание анализу функций, поскольку они являются важнейшим элементом персональной журналистики.

Так, например, известный социолог и журналист Прохоров рассматривал авторскую журналистику, как полуфункциональную систему, включающую следующие основные функции:

– коммуникативная функция: посредством ее происходит процесс общения, контакта с читателями, которую обеспечивал постоянный процесс взаимодействия журналиста как автора и читателей («исходная функция»);

– непосредственно-организаторская функция: в приоритет ставится роль автора проекта, роль журналистики как четвертой власти;

– идеологическая (социально-ориентированная) функция: с помощью нее обеспечивается стремление автора показать глубокое влияние журналистики на общественные ценности или ценностные ориентации аудитории, идеалы людей, их стремления и стереотипы, включая поведенческую мотивацию;

– культурно-образовательная функция: участие в распространении в жизни современного общества более высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры, чтобы затем способствовать научному и всестороннему развитию человека;

– рекламно-справочная функция: связана с удовлетворением насущных запросов в связи с увлечениями разных слоев аудитории людей (туризм, альпинизм, садоводство, коллекционирование и т.п.);

– рекреативная функция: направлена на разнообразные развлечения, креатив, снятие стресса с помощью различных мероприятий, получения удовольствия.

В свою очередь исследователь Г. Першке среди главных функций авторской журналистики выделяет идеологическую, культурную и социальную. По его мнению, функции зависят от «влияния, оказываемого журналистикой на систему общества, и, в частности, влияния, обусловленного общественной системой, функционированию и развитию которой она способствует» [4, с. 44]:

– идеологическая функция: журналистика направлена интеграция людей в идеологические, прежде всего, политические отношения, оказание им помощи в такой ориентации в социальной действительности, которая соответствует их месту в общественных отношениях, на их мобилизацию для сохранения и развития этих отношений;

– культурная функция: журналистика участвует в развитии самого человека, в проявлении его личности, зависящей от многообразия его общественных связей, в формировании образа жизни, основанного на достижениях человеческого развития.

Это выражается в журналистских действиях, направленных на образование, воспитание, развлечение;

– социальная функция: журналистика участвует в развитии личности, формировании человеческой индивидуальности в рамках образа жизни известных социально-исторических общностей.

Таким образом, индивидуализация творческого потенциала журналиста – это приобретенное качество в определенном виде деятельности. Все, что заложено в человеке с рождения, его приобретенные способности становятся подспорьем при формировании и развитии творческого потенциала личности. Журналист, развивая в себе творческие способности, обращается к природным данным для достижения поставленных целей в профессиональной деятельности [5, с. 45].

Таким образом, авторская журналистика – это журналистика мнения, поскольку на первый план выходит сама личность, авторская позиция журналиста [6, с. 14].

В настоящий момент происходит столкновение двух подходов к отражению действительности: журналистики факта и журналистики мнений. Фактологи обвиняют своих оппонентов в излишней субъективности и навязывании аудитории своих точек зрения. Однако, подавляя авторскую культуру, фактологи незаметно для себя заняли место авторов.

Происходит отождествление «агента сообщения» и самого «сообщения». Прежде всего, это касается телевизионной журналистики. «Складывается иерархия материала, затем на основе этой иерархии выстраивается иерархия репортерского корпуса, а уже потом верхушка репортерского корпуса закрепляет выгодные для себя набор и иерархию новостей. Редакционный менеджмент поощряет это, исходя из своего интереса. По его представлениям, масс-медиа, рассчитанные на широкую аудиторию и, стало быть, борющиеся за высокий рейтинг, должны иметь стабильную «повестку дня» и набор привычных лиц («звезды») на экране, чтобы аудитория как можно легче включалась в коммуникацию» [7, с. 23].

Чтобы создать авторскую телевизионную программу нужно обладать определенными знаниями и аспектами в профессии, давайте рассмотрим этапы создания программы.

Создание авторской телевизионной программы – творческий процесс, который требует не только таланта, но и усидчивости и точно поставленной цели, а также продуманную идею. Однако многим журналистам следование определенному

алгоритму дается с трудом, ведь каждая программа по-своему уникальная и необычна. Но выполнение основных этапов – залог успешной программы [8, с. 56].

Первое на что стоит обратить внимание – разработка идеи и тематика программы. На этом этапе нужно понять и определить актуальность темы для зрителя. Людей всегда волнуют актуальные тенденции и события. Однако тема авторского телевизионного проекта может не иметь привязку к определенному событию. Важно определить в какой теме журналист разбирается лучше всего и может рассмотреть ее со всех сторон и показать зрителю то, что от него скрыто.

Второе, безусловно, сбор материала. Главное на этом этапе – мыслить шире. Именно это умение может помочь собрать, как можно больше информации и не уткнуться в одну точку. Как правило, на этом этапе авторы изучают специальную литературу, собирают экспертные мнения, если в проекте участвуют иные люди, то изучают биографию и так далее. Главное – понимать, в какую конечную точку должна привести эта программа.

А дальше самый творческий процесс – подготовка текста. Здесь можно дать волю своей фантазии и воплотить в жизнь все задуманные идеи, используя при этом полученные знания на этапе сбора информации. Авторская программа считается авторской только в том случае, если автор выражает свое непосредственное участие в том или ином событии, выражает свои чувства и эмоции. Это можно сделать с помощью определенных слов: «Я думаю, я чувствую, мне кажется, я сомневаюсь» и многих других.

Съемки программы. Телевизионная программа никогда не выйдет в эфир если ее не снять. Создание программы – это трудоемкий процесс, он требует объединение всей съемочной команды. Автору нужно определить локацию, написать техническое задание для дизайнера, а также обеспечить информацией оператора, который будет собираться кадры, которые потом соединятся в общую картину программы [9, с. 32].

Одним из самых важных этапов в создании авторской программы является монтаж. От грамотного монтажа. Кадр к кадру, картинка к картинке, только тогда программа получится красочной и динамичной [10, с. 99].

В современной журналистике авторская программа занимает лидирующую позицию. Человеку всегда интересно знать – чужое мнение. Сегодня образ автора соотносится и с особенностями индивидуального стиля журналиста. Сейчас авторская журналистика делит электронные платформы вместе с блогами обычных людей, которые также выражают свое мнение. Однако Интернет не может противостоять телевизионной журналистике. Особенно в качестве подачи картинки, а также в

традиционной журналистике работают профессионалы, которые четко выполняют поставленные перед ними задачи и следуют алгоритму.

Список литературы

1. Долгина Е.С. Оперативность телерепортажа как основного новостного жанра // Труды преподавателей гуманитарного факультета Нижневартковского государственного университета. Материалы Всероссийской конференции. Материалы международной конференции. Ответственный редактор Л.А. Якубова. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – С. 4-6.
2. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 349 с.
3. Коломина В.В. Современные тенденции развития авторской журналистики в контексте интернет-пространства // Вестник Чувашского университета, 2007. №31. – С. 13-17.
4. Першке Г.А. Авторская журналистика как отрасль духовного производства // Журналистика, 2015. №10. – С. 44-48.
5. Дзялошинский И.М. Творческая индивидуальность в журналистике. – М.: БЕК, 2014. – 80 с.
6. Долгина Е.С., Чернопиская К.А. Типы жанров репортажей на телевидении // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор Д.А. Погонышев. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – С. 12-15.
7. Кустарев А. Конкуренция и конфликт в журналистике // Журналистика. СМИ. 2015. № 11. – С. 23-28.
8. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект пресс, 2006. – 239 с.
9. Долгина Е.С. Мультимедийная журналистика: понятийный аппарат // Труды преподавателей гуманитарного факультета Нижневартковского государственного университета. Материалы Всероссийской конференции. Материалы международной конференции / Отв. редактор Л.А. Якубова. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2019. – С. 30-32.
10. Савостьянов А.И. Технология создания телевизионной программы // Ученый совет, № 2, 2021. – С. 96-102.

УДК 80

Тихомирова Л.С. К вопросу о жанрах рекламы в современной коммуникации

Тихомирова Лариса Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
tikhomirova.lar@yandex.ru

On the question of advertising genres in modern communication

Tikhomirova Larisa Sergeevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Perm State National Research University, Perm, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен рекламы как жанр в системе функциональных стилей русского литературного языка; представлены типологические черты рекламных и публицистических жанров (целевая аудитория, актуальность объекта информирования, целевое назначение, тиражированность, периодичность). Классифицируя рекламные жанры, автор подчеркивает взаимодействие публицистического и рекламно-информационного взаимодействия элементов разных сфер. Рассматриваются коммуникативные интенции в разных видах рекламы (социальной, политической и коммерческой). Особое внимание уделяется печатной рекламе в диахроническом аспекте. В данной статье схематично описана горизонтальная и вертикальная структура рекламных жанров.

Ключевые слова: функциональный стиль, реклама, жанр, коммуникативные интенции.

Abstract. This article examines the phenomenon of advertising as a genre in the system of functional styles of the Russian literary language; typological features of advertising and journalistic genres (target audience, relevance of the object of information, purpose, replication, periodicity) are presented. Classifying advertising genres, the author emphasizes the interaction of journalistic and advertising-informational interaction of elements of different spheres. Communicative intentions in different types of advertising (social, political and commercial) are considered. Special attention is paid to print advertising in the diachronic aspect. This article schematically describes the horizontal and vertical structure of advertising genres.

Keywords: functional style, advertising, genre, communicative intentions.

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного гранта
РФФИ № 20-412-590006 «Массовая речевая культура Пермского края:
трансформация языковой, коммуникативной, этической нормы в XXI
веке»**

В настоящее время рекламный жанр является объектом исследования как лингвистики, функциональной стилистики, так и психологии, культурологии, социологии и др. смежных наук (Н. Н. Кохтев, Э. А. Лазарева, Л.Р. Дускаева, Н.В.

Данилевская, Г. Г. Почепцов, Х. Кафтанджиев, и др.). Активное исследование рекламы в конце XX века привело к появлению нового подхода в рекламной индустрии – к жанроведению.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о том, на основании каких факторов происходит формирование рекламного жанра в публицистике.

Методами исследования послужили лингво-стилистический анализ, позволяющий выявить лексические единицы и смысловые связи в пространстве рекламного текста, соотносимые с единицами публицистического стиля в целом; коммуникативно-прагматический подход, который определяет рекламный жанр в индустрии современного менеджмента.

Во второй половине XX века жанр становится объектом изучения теории коммуникации. Феномен «речевой жанр» исследует в своих трудах М.М. Бахтин, подчеркивая при этом существенную языковую особенность: «жанр, как первичная форма существования языка возникает в определенной ситуации общения; жанр обязательно адресован, имеет свою нормативную экспрессию; каждая речевая сфера вырабатывает свой репертуар речевых жанров» [1, с.68].

Жанровая классификация рекламных текстов является составной частью лингвопрагматического аспекта жизнедеятельности человека. Спорным является также вопрос о статусе рекламы в системе функциональных стилей русского языка. Так, Е. С. Кара-Мурза (И.А. Стернин и др.) подчеркивают, что «характер функционирования рекламы в нынешних российских СМИ уже позволяет делать выводы относительно сложившихся функционально-стилистических особенностей ее текстов на фоне других стилевых разновидностей языка» [2, с. 63]. Так, наличие социально-значимой темы – товар/услуга/идея – преобладание функции воздействия – позволяет выделить рекламный стиль в отдельную функциональную разновидность языка. Однако, на наш взгляд, выделять рекламу в самостоятельный стиль нельзя, так как она обслуживает разные сферы деятельности (социальную, профессиональную, политическую, коммерческую и др.), не имеет постоянных специфических языковых средств (языковых формул/конструкций), а также композиции текста как смыслового единства. Выбор жанра, отбор языковых средств, характерных для конкретного функционального стиля, объем текста зависят от цели, целевой аудитории, средств распространения рекламы и многих других экстралингвистических факторов.

По нашим наблюдениям, тексты разных рекламных жанров по своей природе суггестивны. Под *рекламой* понимаются такие «произведения», которые «по своей природе выражают прагматические смыслы» [3, с. 187].

Например, печатная реклама, созданная на основе деловых текстов, появляется в Древней Руси благодаря регулярным средствам массового информирования [5, с. 16]. Следует подчеркнуть, что информационные тексты разных жанров XVIII - начала XX в. сочетают в себе черты делового и публицистического стилей: стандартизованность, клишированность, массовость, информативность, побудительность. Например, выкрики торговцев, зазывал, деятельность глашатаев в XVIII веке связывают с зачатками рекламной деятельности. С развитием книгопечатания в разных регионах России создаются специальные места для постоянного распространения рукописных книг, летучих листовок, собирается народ для обмена новостями. Таким образом, рекламные тексты уже того времени дифференцировались на жанры, которые использовались в разных коммуникативных целях.

Активно развивающаяся в начале XXI в. *коммуникативная стилистика* указывает на то, что основным стилеобразующим фактором рекламного текста, является результат его целенаправленного воздействия, призванного реализовать авторскую стратегию – убедить и сообщить о каком-либо продукте/событии. В зависимости от коммуникативной стратегии и объекта рекламирования все тексты рекламы делятся на *социальную, политическую, коммерческую*. В каждом тексте имеется более четкая авторская интенция, которая и становится важным жанрообразующим признаком рекламных текстов. Основная интенция социальной рекламы – это обращение к массам для решения какой-либо социально значимой проблемы. Такая реклама обслуживает государственную политику в сфере идеологии, социальных программ, обеспечивающих высокий уровень жизни граждан. Политическая реклама сочетает в себе интенции убеждения в пользу какой-либо партии, кандидата и другого политического органа для решения и отстаивания интересов граждан страны. Коммерческая же реклама нацелена на стимулирование и сбыт товаров и услуг. Несмотря на разные интенциональные признаки (цели, задачи и содержание рекламного сообщения), общим жанрообразующим свойством остается коммуникативное намерение: убеждение, информирование и воздействие на потребителя рекламы.

Что касается феномена рекламы в современных СМИ, то многие исследователи смотрят на публицистику через призму «рекламности». Под *рекламностью*

понимается «речевое воздействие на адресата, предпринятое для активизации положительного отношения, интереса, симпатии к субъекту (постороннему человеку, продукту его деятельности, самому автору)» [5, с. 27]. Так, Н.Н. Кохтев различает такие текстовые материалы СМИ, как *заметка, интервью, репортаж, корреспонденция, статья*, которые в определенный момент выполняют не только информативные, но и рекламные функции [4, с. 43]. Наличие одинаковых жанровых элементов рекламного и публицистического текстов возможно при совпадении их побудительной, воздействующей и информативной функций. Однако, особым жанровым критерием рекламы может служить «специфика аудитории», поскольку в отличие от публицистического текста, реклама всегда нацелена на точно определенную потребительскую аудиторию.

Кроме того, некоторые авторы классифицируют собственно рекламные жанры по знаковому способу подачи сообщений: печатному, радиальному, визуальному. Так к жанрам печатной рекламы А.А. Ученова, Т.Э. Шомова и др. относят *рекламное объявление, рекламное обращение, нарративную рекламу, консультацию специалиста* и др. По их мнению, в основе «содержательно-композиционных блоков в рекламе лежит взаимодействие следующих факторов: целевая ориентация рекламодателя; специфика адресата рекламного обращения; особенности самого рекламируемого объекта» [7, с. 8]

Таким образом, учитывая интегративный подход к жанроведению в рекламе, можно предположить, что в начале XXI века представления о жанрах рекламы претерпевают изменения: от искусственного «встраивания» рекламы в стилевое расслоение русского литературного языка, использования «чужих жанров» в рекламных целях до разных параметров феномена рекламы (адресат, канал связи, собственно стилевые особенности рекламных текстов). Именно в сфере рекламы наблюдается активная внутренняя жанровая диффузия. По нашим наблюдениям, жанровую структуру рекламы можно представить в виде конуса, который имеет свое развитие как «вглубь» (вертикально), так и «вширь» (горизонтально). Вертикальную направленность конуса отражают усложненные структуры рекламных обращений: от предложения до текстовых блоков /рекламных статей (профессиональная реклама). Горизонтальная же направленность отражает расслоение внутри жанра: каталог, проспект, флаер, лифлет, плакат и т.д.

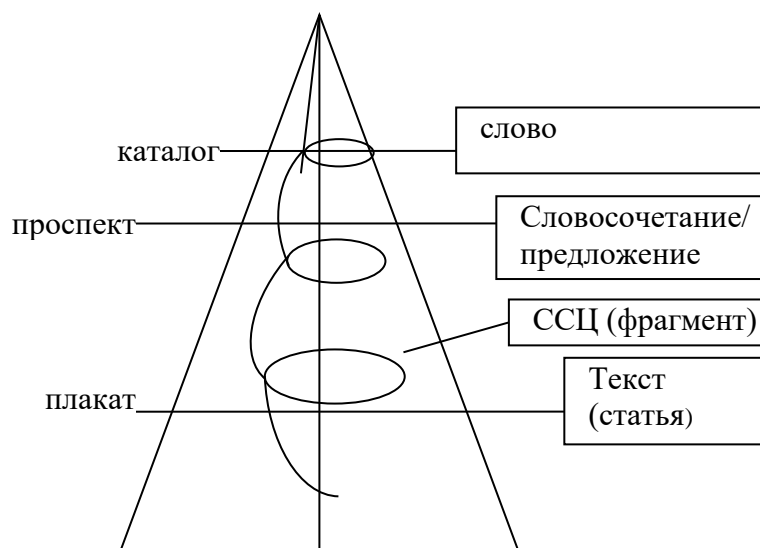

Рисунок 1. Жанровая структура рекламы

Классифицируя рекламные жанры, хотелось бы подчеркнуть взаимодействие публицистического и рекламно-информационного компонента разных сфер. Типовыми чертами публицистических и рекламных жанров являются следующие составляющие: целевое назначение, целевая аудитория, актуальность объекта информирования, тиражированность, периодичность. Для выявления релевантных жанровых различий до сих пор не выявлена классификация параметров дифференциации рекламных жанров, например, рекламных объявлений – каталогов – прейскурантов – статей – информационных рекламных писем и пр., являющихся феноменом печатной рекламы.

В настоящее время остается открытым вопрос о типологии рекламных текстах, о жанровом поле рекламного дискурса, и наконец, о статусе рекламы в функционально-стилистическом расслоении современного русского языка.

Список литературы

1. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 431 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.– М.: Наука, 1997. – С. 159-206.
3. Кара-Мурза, Е. С. О бедной рекламе замолвите слово // Журналистика и культура русской речи – М., 1997. – С. 80-91.
4. Кохтев, Н. Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 96 с.
5. Лазарева, Э. А. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. Барнаул, 2000. –187 с.
6. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 3-е изд. доп., М.: ЮНИТИ, 2012. – 128с.
7. Ученова, В. В., Шомова Т.Э. Реклама: палитра жанров – М.: РИП-холдинг, 2000. – 95 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81

Елисеева А.В. Концепты «ПРАВДА» и «ЛОЖЬ» в западноевропейской и русской афористике

Елисеева Алена Витальевна

аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика
И.Г. Петровского», г. Брянск, Брянская область
alinanoor@rambler.ru

The concepts of "TRUTH" and "LIE" in Western European and Russian aphoristics

Eliseeva Alena Vitalievna

Postgraduate student of the Department of English Language Theory and Translation
Studies of FGBOU VPO, «Bryansk State University named after academician
I.G. Petrovsky», Bryansk, Bryansk region

Аннотация. В данной статье проводится сопоставительный структурно-семантический анализ английских, немецких и русских афоризмов, включающих концепты *правда* и *ложь*. В статье проводится анализ употребления афоризмов с данными компонентами с точки зрения выявления их образно-мотивационной основы, образных и эмоционально-экспрессивных средств, синтаксических структур и семантики лексических компонентов. Сопоставление национальных концептосфер русских, английских и немецких афоризмов свидетельствует о различиях в мыслительной деятельности представителей германо- и русскоязычной лингвокультур и способствует выявлению национальных особенностей концептуализации схожих явлений в сознании разных народов.

Ключевые слова: афоризм, сопоставительный анализ, образное значение, языковая культура, семантика, синтаксическая структура, афористические компоненты (*правда, ложь*).

Abstract. This article provides a comparative structural and semantic analysis of English, German and Russian aphorisms with the concepts "truth" and "lie". The article analyzes the use of aphorisms with these components from the point of view of identifying their figurative and motivational basis, figurative and emotionally expressive means, syntactic structures and semantics of lexical components. The comparison of the national conceptual spheres of Russian, English and German aphorisms testifies to the differences in the mental activity of representatives of the German- and Russian-speaking linguistic cultures and helps to identify the national features of the conceptualization of similar phenomena in the minds of different peoples.

Keywords: aphorism, comparative analysis, figurative meaning, language culture, semantics, syntactic structure, aphoristic components (*truth, lie*).

Исследование представляется **актуальным** с точки зрения рассмотрения национально-культурной специфики, лингвистических и экстралингвистических факторов, детерминирующих продуцирование смыслового содержания афоризмов в условиях сформировавшейся лингвокультуры, ментальности и системы ценностей разных народов.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей русской и западноевропейской картин мира на основе сопоставительного анализа афоризмов с компонентами *правда, ложь*, которые послужили **материалом** исследования.

Задачей исследования является проведение анализа структурно-семантических особенностей и межкультурного соответствия искомых компонентов, определение языковых и внеязыковых факторов, обуславливающих черты сходства и различия концептов в отношении их образного значения и семантики. В комплекс **методов**, используемых автором в статье, включены методы структурно-семантического и интертекстуального анализа, методы лингвокультурологической и филологической интерпретации афоризмов.

Афоризмы, цитаты и высказывания, накопленные человечеством в течение всей своей истории, представляют собой необыкновенную ценность, поскольку в них сконцентрированы знания многих поколений. В определенном смысле они представляют собой духовную и культурную основы, оказывающие непосредственное влияние на формирование поведения, нравственности и образа жизни отдельных людей, народов, обществ, государств.

Под афоризмом понимают обычно краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение [10, с. 32]; оригинальную законченную мысль, изреченную в лаконичной запоминающейся форме [8, с. 4].

Афористика предоставляет возможность по-новому осмыслить важные историко-культурные явления, способствует более глубокому изучению жизни общества, его культуры и истории.

Каждый народ имеет свою языковую картину мира, которая является объектом исследования большого количества ученых, рассматривающих ее как с позиций традиционной лингвистики, так и с точки зрения когнитивного подхода. Понятие картины мира относится к числу базисных, фундаментальных понятий, отражающих специфику человека, его бытия и взаимоотношения с миром.

Каждый человек способен осознавать окружающий мир и самого себя благодаря языку, в котором закреплен общественно-исторический опыт. Именно по этой причине афоризмы занимают особое положение в языке, на их основе во многом

складывается языковая картина мира, предопределяющая восприятие окружающего мира носителями языка.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что афоризмы играют значимую роль в языковом сознании носителей языка, так как раскрывают национально-культурные особенности языковой картины мира нации. Анализ афоризмов предоставляет возможность получить представление о специфике и особенностях картины мира того или иного народа, а также выявить универсальные и специфические признаки сопоставляемых картин мира по отношению к тем или иным явлениям.

Рассмотрим словарные дефиниции концептов *правда* и *ложь* и проанализируем их. Компоненты *правда* и *ложь* в словаре С.И. Ожегова, это: *правда* – то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей, истина (во втором знач.). [10, с. 576]; *ложь* – намеренное искажение истины, неправда, обман [10, с. 331]. В словаре В.И. Даля: *правда* – в значении правосудия, справедливости; истина на деле, истина во образе, во благе; [3, с. 241] *лгать* – врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине [4, с. 377].

Таким образом, общим ядром обоих концептов является отношение к истине. К лексико-семантической группе *правда* относятся: честность, праведность; лексико-семантическая группа *ложь* включает: обман, неправда, искажение истины. Понятийную часть структуры концептов составляют такие признаки, как: модель поведения, моральные качества, определенное знание об объективном мире и, в некоторой степени, «социально-правовой» признак.

Наряду с этим в русском языке компонент *правда* выражает индивидуальную точку зрения, отражает лишь одну сторону объекта, является односторонним и субъективным. Поэтому сообразно числу индивидуумов и индивидуальных точек зрения существует и такое же количество *правд*. С другой стороны – лишь только одна *истина*, которая является многосторонней и объективной, отражает большое число точек зрения. В русском языке и лингвокультурном мировоззрении четко и ясно проводится различие между основополагающими концептами *истина* и *правда*.

В лингвокультурологическом аспекте в основе культурно-философских концептов *правда*, *истина* и *truth* лежат такие метафорические образы, как Бог, высота, чистота, открытость, глубина, явь, боль, недоступность. В свою очередь в основе концептов *ложь* и *lie* лежат образы, связанные с грехом, тьмой, грехопадением, блужданием, грязью и др. [7].

Концепты *правда*, *истина* и *ложь* дифференцируются по следующим ассоциативным векторам: *правда* – мать, душа, горечь; *истина* – бог, свет, справедливость; *ложь* – обман, тьма, грех, искажение истины.

Согласно исследованиям Н.А. Земсковой концепты *правда* и *истина* в своих лексемах интегрированы в одно понятийно-смысловое целое и одновременно противопоставлены друг другу.

Ю.С. Степанов предлагает следующую концептуальную трактовку: *истина* – закон, положенный («прочерченный») человеку извне, в виде предписаний, правил, ритуала; *правда* – образец поведения, норма, исходящая изнутри человека. Носителем *истины* выступает установленный закон, порядок; носителем *правды* – образцовый человек, за которым можно следовать по внутреннему побуждению [12, с. 318].

Автор дифференцирует таксономическое и предикатное употребление компонентов *истина* и *правда*. В первом случае *истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а *правда* – конкретный случай. Во втором случае эта закономерность сохраняется, *истина* нормативно характеризуется как общее утверждение, *правда* – как частное утверждение.

С целью более глубокого лингвокультурологического анализа концепта *правда* рассмотрим словарную дефиницию английского компонента *truth*. В этимологическом словаре Д. Харпера о происхождении слова говорится следующее: «Truth – old English triewð (West Saxon), treowð (Mercian) "faithfulness, quality of being true," from triewe, treowe "faithful". Meaning "accuracy, correctness" is from 1560s. Unlike lie (v.), there is no primary verb in English or most other IE languages for speak the truth». Происхождение слова связано со словами *trīewth*, *trēowth* в значении *faithfulness, constancy* (верность, постоянство) [16].

Согласно оксфордскому английскому словарю компонент «truth» означает: «the quality or state of being true, (also the truth) that which is true as opposed to false. A fact or belief that is accepted as true» (факт или убеждение, которое принимается за истину) [17].

Понятийную часть структуры концепта составляют схожие признаки моральных качеств, основанные на противоположности лжи, направленность на некое состояние истины, принятое большинством.

В этой связи возникает вопрос в выборе наиболее корректного перевода на русский язык лексемы *truth* – истина или правда? Здесь следует отметить, что семантика, помимо знаний, собственно, о структуре языка, непосредственно связана

с психологией, философией, когнитивистикой, затрагивает вопросы, имеющие отношения к сознанию, мышлению, бытию. С универсальной точки зрения различные варианты толкования и перевода тех или иных терминов не в состоянии полностью достичь абсолютной эквивалентности и понятийного соответствия, поскольку при переводе зачастую используются сложные русские лексемы, которые могут не иметь прямых эквивалентов в других языках мира [2, с. 6].

Ю.С. Степанов в своих работах подчеркивает, что концептам *правда* и *истина* у других европейских народов соответствует только одна лексема (англ. – *truth*, франц. – *verite*, нем. – *Wahrheit*), и, следовательно, значительная доля русского парного понятия остается в англосаксонской лингвокультуре неконцептуализированной [12, с. 318].

Таким образом в семантике *truth* значения концептов *истина* и *правда* некоторым образом сливаются. Иван Алексеевич Бунин, который прекрасно знал английский, утверждал, что на этот язык невозможно перевести термины *правда* и *истина*, поскольку в нём не существует синонимов, адекватно отображающих смысловые и оценочные оттенки этих лексем [11]. Подобная картина характерна также для немецкого и французского языков, в которых есть только по одному эквивалентному общеупотребительному термину: *wahrheit* – в немецком, *verite* – во французском.

Англосаксонская лингвокультура использует компонент *truth*, в семантике которой заложены значения концептов *правда* и *истина*, но различие между ними кроется в полисемии английской лексемы, в ее противопоставлении необщеупотребительным терминам типа *verity* (правда).

Концепты *ложь* и *lie* в русском и английском языках совпадают по значению, близки по грамматической структуре и образности, однако отличаются национально-культурной спецификой. Для русской культуры характерно более эмоциональное отношение, придание более глубокого смыслового содержания данному концепту, рассмотрение вопроса о том, насколько плоха *ложь*. Представители англосаксонской лингвокультуры относятся к этому концепту более прагматично, подразумевая, *ложь* – это почти всегда плохо. Тем не менее в своей основе, – в качестве основных элементов концептосферы, представители обеих лингвокультур воспринимают данные концепты одинаково. Как подчеркивает А. Вежбицкая, «фундаментальные человеческие концепты являются врожденными и ... нет резона ожидать, что в разных человеческих коллективах они будут различны» [2, с. 297].

Концепты *ложь* и *lie* являются речеобразующими системными единицами языка, лежащими в основе репрезентации мыслительных конструкций в речь. Выступая в качестве ценностной единицы основных сфер жизни и деятельности человека, данные концепты лежат в основе мыследеятельности языковой личности. В контексте социального фактора *ложь* настолько прочно вошла в нашу жизнь, что представители многих профессий (политика, журналистика, дипломатия, юриспруденция, СМИ и пр.) достигают успеха только после профессионального освоения так называемого «искусства *лжи*».

Представляется интересным на примере высказываний Уинстона Черчилля, Йозефа Геббельса и Максима Горького рассмотреть концепты *правда* и *ложь*, которые являются универсальными маркерами, с помощью которых можно провести анализ семантики на примере русской, английской и немецкой лингвокультуры.

«Если *правда* многогранна, то *ложь* многоголосна» (калька из английского *If the truth is multifaceted, then the lie is polyphonic*) [13]. Автор Уинстон Черчилль (1874 – 1965), британский государственный и политический деятель.

Концепт многогранный означает всесторонний, разносторонний [10, с. 360]; охватывающий разные стороны чего-либо; разносторонний, многообразный [5]; обладающий разнообразными свойствами, качествами.

Автор полагает, что *правда* многогранна, многолика, подразумевая, тем самым, что у каждого она своя. Поскольку *правда* является ничем иным, как одной из многих актуальных проекций, граней истины, она бывает разной, и ее бывает много.

В противоположность данной дефиниции, концепт *ложь* характеризуется как многоголосный, т.е. состоящий из нескольких, многих звуков, голосов, звучащих одновременно; производимый многими голосами; издающий много звуков; шумный [6]. Тем самым автор подчеркивает некую размытость, неконкретность, множественность, неопределенность и неясность смыслового содержания данного концепта.

«*Ложь*, повторенная тысячу раз, становится *правдой*» (калька из немецкого *Eine tausendfach wiederholte Lüge wird wahr*) [14]. Автор Йозеф Геббельс (1897 – 1945), немецкий нацистский политик.

Ложь, повторенная тысячу раз, показывает принцип системности в освещении какой-либо информации, а системность – это неотъемлемая черта пропаганды, когда формируются нужные, прежде всего, системные представления человека об окружающем мире. Информационное манипулирование, как деструктивное воздействие на сознание человека, отражает такую картину мира, при

которой человек может изменить свои прежние установки, которые он нарабатывал всю жизнь, то есть меняется нейронная сеть человека в зависимости от того, в каком мире он живет, и какие факты влияют на развитие и формирование его мышления.

Мир пропаганды, созданный Геббельсом, используя технологии СМИ, мог интерпретировать любую информацию противоположным образом. Эти технологии, как мы видим, в основном влияли на эмоциональную сферу человека, даже если учитывать, что все эти люди были здравомыслящими, а негативное воздействие, применявшееся Геббельсом, могло поэтапно дисбалансировать сознание, что приводило к растрезоженности общества, которым легко манипулировать. Именно на этой основе строилась пропагандистская модель воздействия на сознание, поскольку эмоционально несбалансированный мозг выступает первопричиной различного рода психофизиологических нарушений [1, с. 88].

Поэтому, высказывание *Ложь, сказанная сто раз, становится правдой*, становится лейтмотивом «геббельсовской пропаганды», где идет ловкое сочетание фактов и лжи. Ведь именно Геббельс придумал разделение пропаганды на *белую*, или достоверную информацию, взятую из официальных источников, *серую*, или сомнительную информацию из неясных источников и, наконец, *черную* информацию – откровенную *ложь* [9].

«*Ложь* – религия рабов и хозяев. *Правда* – бог свободного человека». Автор Максим Горький (1868 – 1936), русский советский писатель и общественный деятель [15]. В пьесе «На дне» М. Горький через монологи своих героев рассматривает социально-философский аспект концептов *правда* и *ложь*.

Автор делает акцент на веру в человека, величие его духа, его гордость, твёрдость, пренебрежение мелочной суетой, подчеркивая при этом, что *правда* – вечное, высокое понятие. По мнению писателя, только уважение к человеку способно разрушить мир «рабов и хозяев». Сострадание и жалость унижают личность, помогают лишь смириться с проблемой, но не решить ее.

Ложь оправдывает негодяя и клеветает на невиновного, она унижает личность. Поэтому *ложь* преступна в любом случае.

Автор размышляет над сложной дилеммой, что главнее для человека: *правда* или жалость, выраженная в сладкой *лжи*. В конечном итоге М. Горький приходит к выводу о том, что необходимо жить по законам *правды*, не признавать *ложь*, верить в светлое будущее и в свои возможности. Человеку следует говорить только *правду*. В этом случае он сможет понять, в чем заключается его проблема, и как с ней справиться.

Использование автором антитезы через компоненты рабство-свобода подчеркивает глубину контраста концептов, а отсылка к религии и богу придает высказыванию столь характерную русской афористике проникновенность и духовность.

Таким образом, проведенный сопоставительный структурно-семантический анализ английских, немецких и русских афоризмов с компонентами *правда* и *ложь* показал, что несмотря на некоторое сходство, в афоризмах западной группы германских и русского языков по-разному отражается национально-культурная информация, представления о *правде, истине* и *лжи*. В ходе анализа установлено, что в западной культуре концептам *правда* и *истина* соответствует только одна лексема, вследствие чего значительная доля русского парного понятия остается в западноевропейской лингвокультуре неконцептуализированной. Сопоставление национальных концептосфер русских, английских и немецких афоризмов приводит к выводу об отличиях понятийного содержания концептов представителями западной и русской лингвокультур. Афоризмам западной группы германских языков более свойственны предметность, прагматизм, направленность на материальные ценности. Для русской афористики более характерна эмоциональность, коннотативность, тяготение к религиозно-духовной сфере. Проведенный сопоставительный структурно-семантический анализ позволил определить характерные особенности психолингвистических механизмов выражения этноспецифического менталитета носителей западной и русской лингвокультур.

Список литературы

1. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни – М. : АСТ, 2019. – 383 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том III – М. : Русский яз., 1981. – 555 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II – М. : Русский яз., 1981. – 779 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL:
 1. <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 27.02.2023).
6. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL:
 2. <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D1%8C> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Земскова Н.А. Концепты "истина", "правда", "ложь" как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков : дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

8. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
9. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И., Репинецкая Ю. С. Отпор покушению на подвиг народа. Против фальсификаций истории Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // URL: <https://librusec.club/b/40216/read/?ysclid=letqkec3j1536340025> (дата обращения: 27.02.2023).
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
11. Стародымов Н.А. – личный сайт [Электронный ресурс] // URL: <https://starodymov.ru/?p=32365> (дата обращения: 27.02.2023).
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
13. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/475323-uinston-cherchill-esli-pravda-mnogogranna-to-lozh-mnogogolosna/?ysclid=letpilxohd143463942> (дата обращения: 27.02.2023).
14. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/613470-iozef-gebbels-lozh-povtorennaiya-tysiachu-raz-stanovitsia-pravdoi/> (дата обращения: 27.02.2023).
15. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.citaty.net/poisk/?h=%D0%9B%D0%BE%D0%B6%D1%8C+%E2%80%94%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%B2+%D0%B8+%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B5%D0%B2.+%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0+%E2%80%94%D0%B1%D0%BE%D0%B3+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0.+> (дата обращения: 27.02.2023).
16. The Online Etymology Dictionary (Etymonline) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 27.02.2023).
17. The Oxford Dictionaries Online (ODO) [Электронный ресурс] // URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 27.02.2023).

УДК 80

Косова Е.И., Волкова В.В. Специфика логических и литературно-художественных парадоксов

Косова Екатерина Ивановна

Ассистент кафедры «Иностранные языки», ФГАУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ г. Севастополь
kosova945@mail.ru

Волкова Влада Владимировна

Ассистент кафедры «Иностранные языки», ФГАУ ВО «Севастопольский государственный», РФ г. Севастополь
vlada.volkova20@yandex.ru

The specific of logical and literary-artistic paradoxes

Kosova Ekaterina Ivanovna

Assistant of the Department of «Foreign Languages» of the Sevastopol State University
Russia, Sevastopol

Volkova Vlada Vladimirovna

Assistant of the Department of «Foreign Languages» of the Sevastopol State University
Russia, Sevastopol

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные подходы к изучению такого лингвистического явления, как «парадокс». Проанализированы логические и литературные парадоксы, выявлены их характерные свойства особенности.

Ключевые слова: парадокс, оборот речи, антиномия, метаязык.

Abstract. The article substantiates different approaches to the study of such a linguistic phenomenon as «paradox». Logical and literary paradoxes are analyzed, their characteristic features are revealed.

Keywords: paradox, turn of speech, antinomy, metalanguage.

Среди исследователей отсутствует единство мнений по вопросу о соотношении логического и литературного парадокса. Н. Ю. Шпектров и А. Тарский считают, что первоосновой литературно-художественного парадокса является парадокс логический. Исследования Г.А. Брутян делают акцент на характеристике и разграничении свойства между литературными и логическими парадоксами, использование последних, собственно и будем называть парадоксами.

Нет единства взглядов по вопросу о наличии противоречия в литературном парадоксе. По мнению Г.А. Брутяна, литературный парадокс построен на основе логического противоречия. Рассуждения в данном случае рассматривается как вполне правильное по своей логической структуре высказывание, истинное по своему

содержанию и считается парадоксом лишь потому что, внешне оно не соответствует общепринятым взглядам.

Совершенно противоположного свойства мнения придерживается Н.Ю. Шпекторова, которая отмечает, что «противоречие является основой всех видов парадоксов в том числе и литературно-художественного». Отсюда и следует вывод о единой структуре литературно-художественного и логического парадоксов.

Следует отметить, что приему парадокса присуща противоречивость как одна из его характерных черт. Однако Н.Ю. Шпекторова не учитывает противоречия логического парадокса и парадокса как приема в стилистике. Утверждать, что первоосновой стилистического приема парадокса является логический парадокс, значит смешивать две отдельные дисциплины – логику и стилистику. Гораздо более уместным является утверждение автора о коренном отличии логического и литературно-художественного парадоксов [5, с. 108].

Если в случае логического парадокса наблюдается противоречивость в характеристика процессе логического доказательства, то здесь использование наблюдается противоречивость формирование совершенно иного плана, а параметры именно: свойства между двумя частями высказывании.

Логический парадокс – это действительное положение, которое первоначально не является очевидным, свойства однако, вопреки ожиданиям, выражает истину. В античной логике парадоксом называли утверждение, многозначность которого относится, характеристика прежде всего, к его правильности или неправильности.

Логические парадоксы пользуются особой известностью, и это не случайно. Дело в том, что логика – это абстрактная наука. В ней экспериментов, нет даже фактов обычном смысле этого слова. Строя свои системы, логика исходит, в конечном счете, параметры из анализа реального мышления. Они не являются констатациями каких-либо отдельных процессов или событий, которая должна была бы объяснить теория.

Констатируя новую теорию, ученый обычно отправляется от фактов, от того, что можно использовать наблюдать на опыте. Но в логике нет экспериментов, использовать нет фактов и нет самого наблюдения. Поэтому возникает вопрос: что в таком случае принимается во внимание характеристика при создании новых логических теорий? А.А. Ивин пишет по этому поводу: «Расхождение логической теории с практикой действительного мышления нередко обнаруживается в форме более или менее логического парадокса, а иногда даже в форме логической антиномии (это наиболее резкая форма парадокса – рассуждение, доказывающее эквивалентность двух утверждений, одно из которых является отрицанием другого).

Парадоксы и антиномии говорят свойства о внутренней противоречивости теории. Именно этим объясняется то значение, которое придаётся парадоксам в логике, и то большое внимание, которым они в ней пользуются».

Рассмотрим некоторые из наиболее известных логических парадоксов. Королем логических парадоксов по праву считается парадокс лжеца. Автором этого парадокса считается Евбулид параметры из Милета. В его формулировке данный парадокс звучит формирование следующим свойства образом:

Критянин Эпименид формирование сказал: «Все критяне лжецы. Эпименид сам критянин. Следовательно, он лжец [4, 54].

Далее начинаются логические рассуждения: «Если Эпименид лгун, тогда его заявление, что все критяне лгуны – ложно. Значит, критяне – не лгуны. Между тем Эпименид, как определенно условием, - критянин, следовательно, он не лгун, и поэтому его утверждение «все критяне лгуны – истинно.» Таким образом, получаются взаимоисключающие предложения. Одно из них утверждает, что высказывание «все критяне лгуны», является ложным, а другое, наоборот, квалифицирует это же высказывание как истинное. Притом как в одном, так и в другом случае используемые рассуждение логически строги, в них нет ни намеренных, ни непреднамеренных ошибок. Так где же истина?

Было приложено немало усилий для объяснения этого странного результата. Имеется, например, такое решение: «деятельность почему мы должны считать, что Эпименид говорит одну только ложь и никогда не говорит правды» [7, с.71]. Точно как же тот, кто считается правдивым, разве всегда утверждает лишь правду? В практике общения ложное свойства обычно перемешано с истиной, и мы не найдем такого отпетого лгуна, который только бы лгал. Поэтому вполне можно считать, что в данном случае Эпименид говорит, все критяне действительно лгуны, а данное высказывание является исключением. Однако подобные рассуждения, конечно, нельзя считать объяснением этого парадокса, это скорее «уход от решения», а не само «решение».

Парадокс «Лжеца» считается наиболее известным и самым интересным из всех логических парадоксов. Одним примером из подтверждения данного факта можно считать огромное количество вариаций использование на тему этого парадокса.

В простейшем варианте «Лжеца» человек произносит всего одну фразу: «Я лгу» или говорит: «Высказывание, которое я произношу, является ложным». Или: «Это высказывание ложно»

В средние века была распространена такая формулировка данного парадокса.

- Сказанное Платоном – ложно, - говорит Сократ.

- То, что сказал Сократ, - истина, - говорит Платон.

Имеются и современные перефразировки этого парадокса. Например: На лицевой стороне карточке написаны слова: «На другой стороне карточки записано истинное высказывания». Значит то, что написано на обороте является истинным. Перевернув карточку, мы видим слова: «На другой формирование стороне карточки использование написано ложное высказывание.»

Допустим, что утверждение на лицевой стороне карточки истинно. Тогда утверждение на обороте должно быть истинным и, значит, утверждение на лицевой стороне должно быть ложным. Но если утверждение с лицевой стороны ложно, тогда утверждение на обороте должно быть истинным. [1, 311]

Парадокс, лжеца произвел громадное впечатление на греков. Ходит даже легенда, что некий Филлит Косский, отчаявшись разрешить этот парадокс, покончил с собой. А один известный древнегреческий логик Диодор Кронос, уже на склоне лет дал обет не принимать пищу до тех пор пока не найдёт решение парадокса «Лжеца», и вскоре умер, так ничего и не добившись [5, с. 127].

В средние века парадокс был отнесен к так называемым неразрешимым предложениям. С XVII- XX вв. парадокс «Лжеца» долго не привлекал никакого внимания. И только в XX-XXI вв. развитие логики достигло такого уровня, когда проблемы стоящие за этим парадоксом, уже сформировались в пределах строгих терминов. [3, с.122].

Сейчас парадокс «Лжеца» считается примером тех трудностей, к которым ведёт смешение двух языков: языка, на котором говорится о его действительности, и языка, на котором говорят свойства о самом первом языке [3, с.127].

В повседневном языке нет различия между этими уровнями: и о действительности, и о языке, мы говорим на одном и том же языке. Однако, если бы у кого-то возникла мысль о мире на одном языке, а о свойствах этого языка – на другом, он мог бы воспользоваться двумя разными существующими языками, например, русским и английским. Вместо того, чтобы просто сказать: «Утверждение «Стекло не прозрачно» ложно», свойства он произнёс бы: «The assertion «Стекло не прозрачно» is false». При таком использовании двух разных языков сказанное о мире отличалось бы от сказанного о языке, с помощью которого говорят о мире.

Таким образом, данное разграничение языков по области их применения – редкое явление в обычной жизни. Но в науках, специально занимающихся изучением данного явления, подобно логике, языками, оно иногда оказывается весьма деятельностью полезным. Язык, на котором рассуждают о мире, обычно называют предметным языком. Язык, используемый для описания предметного языка, именуют метаязыком [6, с.382].

Список литературы

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И.Р. Гальперин. – М:Наука, 1991. – 136 с.
2. Гайденок, П. П. Трагедия эстетизма/ П.П. Гайденок – М: 1999. Электронный ресурс/
Режим доступа:
<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1110>
3. .История всемирной литературы в 9-ти томах. – М:Наука, 1983.- Т. 7, 1991-831 е, Т. 8, 199. – 848 с.
4. Кожевникова, Л.П. Метонимия и дискурс/ под ред. В.И. Заботкиной // Проблемы семантики и . прагматики. – Калининград: изд-во Калининградского университета, 1998.- С. 50-53.
5. Размачадран, В. С. Рождения разума. Загадки нашего сознания. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. – 224с.
6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
7. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

УДК 81'373

**Логвиненко А.Д. Лингвоцветовая фразеологическая картина мира
английского языка**

Логвиненко Анастасия Дмитриевна

студент кафедры иностранных языков №3, Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова, РФ, г. Москва
logvinenkoad@mail.ru

Linguistic and color phraseological picture of the world of the English language

Logvinenko Anastasia Dmitrievna

student of the Foreign Languages Department No. 3
Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена анализу передачи особенностей фразеологической картины мира английского языка посредством фразеологизмов с компонентом цвета. Фразеологические единицы применяются практически во всех сферах человеческой жизни, поскольку являются хранителями исторической памяти народа и отражают его менталитет. Однако, чтобы более глубоко проследить особенности конкретной нации, для детального анализа были выбраны фразеологизмы, включающие названия цветов. По мнению исследователя, каждый цвет имеет свой особый образ, созданный в человеческом сознании. С помощью этого образа можно проникнуть вглубь быта народа, расширить знания об его историческом наследии и почувствовать его дух. Отношение англичан к разным ситуациям, вызванное тем или иным цветом, позволяет судить о моральных ценностях, мировосприятии и менталитете данного народа.

Ключевые слова: фразеологические единицы, язык, культура, цвет, английский язык, положительная и отрицательная коннотация, ассоциация.

Abstract. The article analyses the transfer of the English world's phraseological picture features through phraseological units with a color component. Reflecting people's mentality and keeping its historical memory, phraseological units can be used in many areas of human life. (немного не совпадало с русским вариантом, поэтому заменила "аспекты человеческой жизни" на "являются хранителями исторической памяти народа и отражают его менталитет") However, in order to take a closer look at the characteristics of a given ethnicity, phrases containing the names of colors were selected for the detailed analysis. According to the researcher, every color has a particular image in people's minds. With this image, you can immerse yourself in people's lives, expand your understanding of their historical heritage, and penetrate the human spirit. In general. It is easy for British people to judge people's moral values, worldview and mentality based on the associations created by different colors.

Key words: phraseological units, language, culture, color, English language, positive and negative connotation, association.

Вопрос о взаимодействии языка и культуры долгое время остается научной задачей, которая включена в определенную сферу научного исследования. В истории мирового языкознания лингвисты высказывают различные предположения о том, как язык связан с культурой.

Безусловно, культура распространяется с помощью языка, объединяя определенную группу людей. В настоящее время под влиянием глобализации возникает более мощное столкновение культур, тем самым происходит культурное обогащение, т.е. добавляется что-то новое в уже существующие культурно-языковые аспекты того или иного народа. С одной стороны, слово, как единица языка, является сильным средством коммуникации, с другой – может оказаться причиной большого недопонимания в диалоге.

Особую трудность среди носителей различных языков и культур вызывают фразеологические единицы, т.е. структурно обособленные языковые единицы с полностью или частично переносимыми значениями [1].

«Несмотря на оригинальность фразеологизмов, их образование в языке опирается на определенные образцы. Нередко источником новых фразеологизмов становятся названия книг и фильмов, а также слова песен.» [2]. Полагаем, существует тесная связь между культурой и фразеологическими единицами, поскольку, как правило, их образование в значительной степени опирается на образы, традиции или привычки, характерные для определенной культуры. Фразеологические единицы отражают богатство языка, передают культурные парадигмы носителей того или иного языка. Они представляют культурные архетипы этноязыковой общности и помогают эксплицировать особенности ее мировосприятия [3]. Как подчеркивает В.Н. Телия, «фразеологический компонент языка в своих образах отражает, подобно зеркалу, миропонимание, характерное для народного духа, и как, в какой форме фразеологизмы воспроизводят это миропонимание в процессе речи и тем самым формируют его, становясь достоянием языкового сознания» [4].

Актуальность данной статьи заключается в том, что язык, будучи транслятором культуры, обладает высокой значимостью в ее сохранении и развитии. Фразеологические единицы, как один из важных пластов языка, являются неотъемлемой частью языка, когда речь идет о культуре народа. Они представляют собой очень яркую, оригинальную форму оформления национального опыта носителей языка, красочное отражение внеязыковой действительности. Как нам кажется, фразеологизмы являются сокровищницей культуры, в которой хранится история, специфические черты народа, особенности менталитета, внутреннего мира,

взглядов и убеждений. В связи с этим фразеологические единицы способствуют лучшему пониманию культуры и истории через культурную призму национального языка.

В последнее время оживился интерес к цветовому компоненту в составе фразеологизмов. Это объясняется тем, что в связи с обширным развитием системы наименования цветов каждый цвет имеет широкий спектр семантики. Цвет используется для описания различных явлений в окружающей действительности. При этом феномен цвета охватывает все стороны жизни человека, и одно и то же понятие может иметь положительную или отрицательную коннотацию [5].

В свою очередь фразеологизмы тематически объединены по признакам и действиям не только самого человека, но и всего, что его окружает. Внешний мир всегда окрашен в тот или иной цвет. Очевидно, что цвета завораживали людей. Так, во фразеологическом фонде английского языка единицы с цветовым компонентом занимают важное место. В связи с тем, что на сегодняшний день система наименования цветов широко разработана, каждый цвет имеет широкую семантику и используется для описания различных явлений окружающей действительности. Цветовые обозначения, входящие в состав фразеологизма, употребляются не только в прямом, но и в переносном значении. Они часто обладают высокой экспрессивностью и оцениваются положительно или отрицательно как средство стилистической выразительности [6].

Полагаем, что язык можно сравнивать с палитрой цветов. У каждого языка есть определённые специфические черты, которые показывают их индивидуальность и экспрессию [7]. Такие особенности проявляются в фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях. Однако при смешивании языков, то есть внедрении лексики, фонетических и грамматических особенностей одного в другой, язык преобразуется, изменяется, развивается и приобретает какие-либо оттенки, точно также, как и цвета, при смешивании одного с другим.

На протяжении многих веков цвета являлись неотъемлемой частью жизни людей. В связи с этим современные исследования изучают психологию цвета в разных культурах, поскольку они влияют на проявление чувств и эмоций у людей. Цвета оказывают воздействие на образ жизни. Они могут сделать людей счастливыми, грустными, злыми или меланхоличными. Также можно заметить, что люди используют какие-либо цветные ярлыки при описании различных предметов. Например, когда кто-то говорит об оранжевом цвете, одни представляют себе закат солнца, другие – осень. Зеленый цвет для кого-то означает здоровую пищу или лето;

желтый связан с солнцем или кислым лимоном и т.д. Как видим, цвета играют важную роль в жизни каждого человека и в обществе в целом.

Существует целый ряд культурных факторов, влияющих на восприятие определенного цвета, таких как политические и исторические ассоциации (цвета флагов, политические партии), мифологические и религиозные ассоциации (отсылки к цвету в духовных текстах) и языковые ассоциации (идиомы и выражения) [8].

Основной спектр состоит из 5 основных цветов: белый, черный, красный, желтый, синий. Точно так же и в языке. Основная часть английских фразеологизмов с компонентом цвета имеет в своем составе данные 5 оттенков.

То, как разные культуры классифицируют цвета, весьма интересно. В то время как инуиты, как полагают, по-разному описывают белый цвет (в зависимости от состояния снега), у народа басса в Либерии есть только два слова для обозначения цветов: *hui* означает фиолетовый, синий и зеленый, а *ziza* — желтый, оранжевый и красный.

Каждая культура, как и каждый народ, имеет, своего рода, цветовую триаду, которая преподносится через цветовой спектр «белый-красный-черный». В западной культуре данное представление напрямую соотносится с идеей «рождение-жизнь-смерть»: черный — это символ смерти, тогда как белый ассоциируется с рождением чего-то нового, а красный — символом жизни и ее продолжительности. Однако объяснение значения данной формулировки зависит и может варьироваться от национальной принадлежности народа. В восточной культуре эти три цвета также играют значительную роль. Так, белый обозначает чистоту и невинность, черный, в свою очередь, соотносится с возрождением, а красный ассоциируется с огнем и жизненной силой [9].

Существует множество фразеологизмов, имеющих в своем составе цветовой компонент. Как нам кажется, каждая лексическая единица с цветовым значением может повлиять на восприятие действительности, точно так же, как и «цветовые» явления в окружающей среде. Например: наблюдая за серым небом перед дождем, на человека находит грусть и тоска, вместе с тем голову посещают множество мыслей, которые можно выразить такими фразеологическими единицами, как *black as thunder* — мрачнее тучи, *blue are the hills that are far from us* — хорошо там, где нас нет, *all cats are gray in the dark* — в трудной ситуации всё теряет свои особенности [10]. Однако, акцентируя свое внимание на чем-то ярком, например, на фиолетовой кофте прохожего или на шикарном красном спортивном автомобиле, внутренний мир наполняется красками. Человек становится более воодушевленным, он ощущает

прилив энергии. Мысли меняются, а вместе с ними и речь, в которой появляются фразеологические единицы с положительной коннотацией, например, *have a purple patch* — белая полоса, *paint the town red* — хорошо развлечься [11].

Отметим, что соотношение белого и черного можно наблюдать абсолютно везде. Оба эти оттенка играют важную роль в жизни человека: от невесты в белом в день свадьбы до празднования годовщины в «маленьком черном платье». Белый и черный соотносятся, как добро и зло, которое проявляется во всех сферах деятельности человека.

Ассоциации с белым цветом в культуре Великобритании могут быть бесконечны. Они варьируются от самых положительных до отрицательных. С белым цветом проводятся параллели в сторону таких характеристик, как честность, справедливость, чистота намерений, счастьем, добротой, благодатью, светлым периодом в жизни и т.д. (*mark something with a white stone* — ознаменовать счастливый день, *white day* — счастливый день) [12]. В основном это связано, в своем роде, с распространением христианства на территории Великобритании еще во времена римских завоеваний. Так, например, в библейские времена ягнят и других белых животных приносили в жертву для искупления грехов. В христианстве Христос считается «агнцем Божьим», умершим за грехи человечества. Белая лилия считается цветком чистоты и невинности и часто ассоциируется с Девой Марией [7]. Например, известное выражение «белее белого» используется в переносном значении для характеристики человека. Оно означает, что он является честным человеком с чистой и незапятнанной репутацией. *To be whiter than white* — быть предельно честным, *to be a white man* — быть честным человеком [13].

Белый может означать «целомудрие, чистоту или элегантность». Существует много английских идиом со словом *white*, которые используются для выражения целомудрия, например *white knight* — белый рыцарь, *white light* — честное суждение, *lily-white reputation* — незапятнанная репутация, *white hands* — честность [14].

Кроме того, в английской культуре белый может означать безобидный, хороший. Например, *white magic* означает мягкую природную магию, которая, как считается, использует силу добра и используется для помощи нуждающимся. Соответственно, *white witch* — это мудрая женщина, т.е. та, которая произносит заклинания для исцеления и использует свои знания в области трав и натуральной медицины, чтобы помогать людям. *White lie* означает безобидную ложь или ложь из лучших побуждений, которая обычно не считается морально неправильной,

поскольку мотивом является сохранение чувств человека, которому предназначена ложь.

В английской культуре белый цвет также может означать «трепет, беспокойство, дрожь, страх». Например, в Британии символом трусости является белое перо. Существуют предположения, что этот факт соотносится с таким событием, как петушиные бои. Люди верили, что петушок с белым хвостом будет не самым успешным «бойцом». Так, в начале Первой мировой войны, если мужчины не стояли в рядах британских вооруженных сил, женщины вручали им белые перья. Например: *to show the white feather* — струсить, *white liver* — трус, *to turn white* — побледнеть, *white is ghost* — бледность от страха [10].

Черный цвет традиционно ассоциируется со смертью, злом, тайной и несчастьем. Во второй половине XVII в. был ужасный страх перед колдовством, охватившей Европу. Черный начал ассоциироваться со злом и тьмой. Считалось, что дьявол появился в форме черного животного в полночь. Появились суеверия, окружающие черные вещи [4]. В английской культуре черный цвет выражает душевную тьму (*black as ink* — черный как уголь, *black as sin* — мрачнее тучи, *to look black* — хмуриться), неодобрение, предательство (*black list* — черный список, *black sheep of the family* — в семье не без уроды), злые взгляды (*black looks*), дурное настроение (*black dog*).

В XX в. появились английских фразеологизмы со словом «черный», значение которых было резко негативным, т.к. многие из них обозначали «нелегальный», в связи с тем, что проводились четкие параллели с грехами. (единственная информация, которая была по этой теме) Четко это можно проследить в фразах: *black market* — черный рынок, *black money* — грязные деньги, *a black-bag job* — незаконный обыск, *blackmail* — шантаж [12].

Желтый, цвет солнца, согревает и веселит многих людей. Однако в некоторых культурах его значение темнее. В Германии это символ зависти. В то время как во Франции желтый цвет не только ассоциируется с ревностью, но и означает противоречие, слабость и предательство [3]. Что же касается Британии, там желтый цвет имеет только отрицательную коннотацию, так он означает: трусость, робость или нездоровье. Считается, что фраза *yellow-bellied* — термин, который применяется в отношении трусов — могла произойти от ассоциации с цыплятами (*Don't be a chicken!*) и ярко-желтого цвета куриного яичного желтка [3]. Например: *yellow-bellied* — трусливый, *to have a yellow streak* — бояться, *yellow dog* — трус. Также используется для обозначения неправдоподобности *yellow press* — желтая пресса [13]. Желтая

пресса получила свое название из-за плохого качества бумаги, на которой в 1830-х гг. печатались первые дешевые газеты *penny press*. Страницы таких изданий желтели так же быстро, как разоблачали сенсации, о которых в них велась речь [5].

Красный цвет всплывает в сознании людей в различных вариантах. Он ассоциируется с опасностью, любовью, действием, страстью, энергией и волнением. В английском языке красный в основном воспринимается с опасностью, насилием и террором. Это объясняется тем, что в средние века красный флаг означал, что защитники города или замка будут сражаться, чтобы защитить их, а красный флаг, поднятый кораблем противника, показывал, что они не проявят пощады к своему врагу [1]. Это проявляется в таких выражениях, как *a red flag* — тревожный звонок, *a red-light district* — опасный район, *to see a red light* — предчувствовать приближение опасности, *red alert* — предупреждение о вероятной опасности.

В английской культуре красный может также означать «коррупцию и бюрократию», лучшим примером которой является *red tape*, которая обозначает чрезмерное внимание к официальным постановлениям и документам, особенно в государственных учреждениях, что часто приводит к несправедливости по отношению к рядовому гражданину. Когда красный цвет используется с цифрами, это обычно означает, что компания, правительство или другое юридическое лицо испытывает финансовые трудности, тратя больше денег, чем получает. Этот ход мыслей восходит к старому бухгалтерскому обычаю использования красных чернил, что означало финансовые потери и долги [14]. В сфере торговли и бухгалтерского учета использование красного цвета в английском языке ассоциируется с долгами в таких идиомах, как *to be in the red* — быть в долгу, *to be out of the red* — выплатить долг, *red ink* (описывает ситуацию, когда берешь в долг больше, чем имеешь) [12].

В английской культуре красный цвет может соотноситься с состоянием ярости и гнева, потому что в Древнем Риме красный цвет был цветом Марса, бога войны (*red with anger* — побагроветь от гнева, *to see red* — разозлиться, прийти в ярость, *a red rag to a bull* — то, что может разозлить, *to be redwood* — быть в ярости), воинские формирования (*red coat* — британский солдат. Исторически утверждается, что этот термин берет свое начало где-то примерно в XVII в., когда красные мундиры впервые стали использоваться для военных подвигов [6]).

Военная особенность колоремы красного в английском языке исторически обусловлена и берет начало от тридцатилетней войны белых и красных роз, закончившейся браком и господством красной розы. В XVII в. в британском флоте был введен красный флаг как символ вызова на бой [5]. В наши дни это цвет

униформы английских солдат (*the Red Berets* — красные береты, *Red Devils* — десанты-парашютисты [10]).

Синий символизирует доверие и авторитет. Он ассоциируется со спокойствием, но также и с грустью. Англичане наделяют синий цвет различными коннотациями (положительной, нейтральной, отрицательной). Во-первых, синий это цвет неба, надежды, вечности, что-то лучшее, светлое и т.д. (*blue-ribbon* — исключительный, самый лучший, *blue-eyed boy* — фаворит, *a bit of blue sky* — луч надежды). Во-вторых, он может означать скуку, грусть, упадок духа, меланхолию, ссоры и т.д. (*blue devils* — меланхолия, тоска, *as blue as the devil* — угрюмый, *to be in a blue funk* — тосковать, *the blues* — меланхолия, *dark blue* — подавленный) [13]. В-третьих, существуют фразеологизмы с синим цветом, которые обозначают работников и сотрудников федеральных служб. Благодаря тому, что синий краситель было не так сложно достать в XVIII в., в него стали окрашивать военную форму. Впоследствии униформа не только военных была синего цвета, но и форма других госслужащих приобрела синий или же темно-синий цвета [9]. (*blue collars* — работники, связанные с физическим трудом, *blue coat* — матрос, полицейский).

Также синий цвет может ассоциироваться с аристократизмом и тем, что соотносится с «британской короной». Причиной этому является один интересный факт. В Европе раннего Нового времени синяя краска для текстиля производилась из вайды, цветущего растения, произрастающего в Средиземноморье. В средние века выращивание вайды в Англии, Франции и Германии помогло многим городам и регионам стать необычайно богатыми. Однако, поскольку краситель был дорогим в производстве и не стойким, его использовали богатые. В результате синий стали ассоциировать со знатью [13]. Например, *blue blood* — голубая кровь/аристократическое происхождение, *blue book* — официальный британский правительственный документ.

На основании вышеизложенного стоит отметить, что проведенный анализ английских фразеологических выражений с компонентом цвета позволяет провести параллель между языком и культурой народа. Фразеология отражает мир чувств, образов, оценок тех или иных людей, она самым непосредственным образом связана с культурой речевого производства. Хотя значение цвета может варьироваться в зависимости от культуры и религии, его значение нельзя недооценивать.

Итак, анализ показал, что прослеживается четкая тенденция к цветовым компонентам в составе фразеологических единиц, оказывающим достаточно сильное эмоциональное воздействие на человека. Как видим, среди этих компонентов

выделяют красный, черный, белый, синий и, в меньшей степени, желтый, которые способны вызывать большое количество ассоциаций и, как следствие, участвовать в образовании большого количества фразеологизмов речи. Во фразеологизмах с положительным значением прослеживаются такие темы, как радость, здоровье, успех и положительные качества характера человека. Темами фразеологизмов с противоположным значением являются проступок, преступление, болезнь, неудача, гнев, агрессия.

Таким образом, можно заключить, что фразеологические единицы так или иначе являются средством хранения и распространения культурных ценностей того или иного народа. При этом каждый народ имеет определенные особенности при формировании фразеологизмов. Эти особенности, в свою очередь, основываются на принципах, традициях, менталитете носителей языка.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Языковая картина мира и культура / Н.Ф.Алефиренко //Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 6-54.
2. Минова М.В., Мамукина Г.И., Казимирова И.С., Долгова Е.Г., Федорова А.В. — Образование новых фразеологизмов как словотворчество // Филология: научные исследования. – 2022. – № 6. – С. 40 - 53.
3. Витохина О.А. Лингвокультурологический анализ исторического наследия Великобритании: монография / О. А. Витохина, О. В. Волкова, И. И. Лысова ; Автономная некоммерческая организация высшего образования "Белгородский университет кооперации, экономики и права". - Белгород : Изд-во Белгородского ун-та кооп., экономики и права, 2018. - 169 с.
4. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов //Славянское языкознание. М.,1993. – С. 302 – 314
5. Кнодель Л. В. Английская цветная идиоматика : монография / Л. В. Кнодель. – Киев : ФОРМАНДИБА Т. П., 2019 – 320 с
6. Шабанова, А. М. Отражение английской культуры во фразеологизмах с компонентом цветообозначения / А. М. Шабанова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3(70). – С. 531-532.
7. Перевод. Язык. Культура : Материалы XII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – 200 с.
8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
9. Хефни, Халфаллп Абдалхафиз. Языковая картина мира в современных лингвокультурологических исследованиях / Халфаллп Абдалхафиз Хефни. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 21 (259). — С. 578-580.

Список источников

10. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. 5-е изд., стер. : — М. : Просвещение, 2021. - XVIII, 1210 с.
11. Брускина Т.Л. Russian-English Dictionary of Idioms & Colourful Words / Брускина Т.Л., Шитова Л.Ф.. — Санкт-Петербург : Антология, 2021. — 352 с.
12. Огнева Е.А. .Лингвострановедение: британская палитра: учебное пособие / Е. А. Огнева. - 2-е изд., доп. - Белгород : Эпицентр, 2018. - 133
13. Lubensky Sophia - Russian-English Dictionary of Idioms. – New Haven: Yale University Press, 2013. – 992 p.
14. The Free Dictionary's. Idioms dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 12.02.2023 г.)

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 03 (95), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.04.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 10,0. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru